

Центр стратегических оценок и прогнозов

www.csef.ru

Михаил Хлюстов

Теории конфликтов и реальные конфликты конца XX – начала XXI вв.

Аналитический доклад

Переработанная и дополненная редакция

Москва - 2011

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
1. НАСЛЕДИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ТЕОРИЯ «ЗАПАД – ВОСТОК» ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ КОММУНИЗМА.....	4
2.«СЕВЕР – ЮГ» ИЛИ «БОГАТЫЕ ПРОТИВ БЕДНЫХ».....	7
3. «БИТВА ЗА РЕСУРСЫ» И ГРЯДУЩИЕ «КРИЗИСЫ ИСТОЩЕНИЯ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ»	47
4. «КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» – КОНФЛИКТ ГИГАНТОВ ГЕОПОЛИТИКИ.....	74
5. «КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» – «ГЛУБОКАЯ» ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА	83
6. МУЛЬТИПРИЧИННОСТЬ – «ВИНОВАТЫ ВСЕ!»	111
7. ТЕОРИЯ «ЯДРА И БРЕШИ» - ОТКАЗ ОТ ВСЯКИХ ТЕОРИЙ	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	131

Введение

Данная работа не претендует на всеобъемлющий анализ, как политических теорий, так и на рассмотрение всех конфликтов современности. Ее цели:

- 1) Выявить закономерности изменения векторов политической мысли и их причины.
- 2) Проанализировать с точки зрения имеющихся теорий крупные конфликты современности, оценив эти теории как практические инструменты исследования.
- 3) Указать на слабые места теорий. Предложить собственные трактовки.

По известным причинам, в рассмотрение не попали теории, которые не введены в широкий оборот политологии, крайне популистские или маргинальные. Например, теория «атлантизма – медиавизма». Не рассмотрена «теория шахматной доски» Бжезинского, поскольку она «заимствована» у Ришелье, создавшему теорию с аналогичным названием и содержанием. Критика этой теории столь же обширна и имеет за собой много веков, подобно истории критики основных положений Мальтуса.

Для рассмотрения взяты лишь основные теории, наиболее часто фигурирующие при рассмотрении конфликтов. Высказанные положения, суждения, критика, и собственные выводы автора следует рассматривать лишь как введение в современную политологию.

1. Наследие «холодной войны»: теория «Запад – Восток» или демократия против коммунизма

За традиционным разделением мира на «Север – Юг», на промышленно развитые - развивающиеся страны, в котором на первый план выведено экономический антагонизм, отражающий разрыв в уровнях производства, потребления, уровня жизни нетрудно увидеть историческое наследие эпохи колониализма «метрополии – колонии». В целом, за исключением нескольких удачно стартовавших бывших колоний, географические рамки старого и нового деления совпадают.

Противопоставление «Север – Юг» более полувека существовало совместно с иной связкой «Запад – Восток», отражавшей идеологическое разделение мира. Под «Востоком» подразумевалась не традиционная «киплинговская» метафора, но деление Европы на страны «восточного блока» - Варшавского договора Югославии и Албании, и НАТО и нейтральных стран «свободного мира». Хотя главный тон повествования задавали США. Экономический и политический вектора противоречий географически были разведены перпендикулярно, создавая простую треугольную схему мироустройства: «Запад» – «Восток» – Третий мир.

Схему приняли повсеместно, хотя как всякое упрощение, она описывала мир довольно приблизительно. Так внутри социалистического мира существовало свое жесткое противоречие СССР – КНР. Кроме идеологического антагонизма «развитой социализм – казарменный коммунизм», сказывались и уровни развития стран. Китай, в противоположность промышленно развитому СССР, скорее относился к развивающимся странам, подобно Индии, хотя обладал мощной военной инфраструктурой, позволившей создать атомное оружие и стратегические ракеты.

Дальше небольших приграничных конфликтов противостояние не пошло. В случае широкомасштабной войны СССР без особого риска для себя мог превратить Китай в пустыню. Невозможность подобного сценария развития событий не отменяла более мелких столкновений. Коммунистический Китай в пику СССР помогал и афганским моджахедам и ангольским повстанцам одновременно с американцами.

По экономическому уровню многие страны соцлагеря (Куба, Вьетнам, Лаос, Камбоджа) тоже относились к Третьему миру. Без обильной помощи коммунистического «Севера» перспективы не только их развития, но самого существования выглядели бы весьма проблематично.

«Запад» тоже не всегда и не во всем являл пример единства. Порой противоречия обострялись до стадии военных конфликтов, как в случае войны Греции и Турции (обе страны – члены НАТО) из-за Кипра в 1975 году. Эти противоречия сдерживались сильным давлением тогдашнего «ядра» Североатлантического блока. Прежде всего - США.

Странам третьего мира подобное разделение давало определенные возможности для лавирования между «Западом – Востоком». По сути, они торговали своей политической ориентацией в обмен на экономическую и военную помощь. Будучи «свободным радикалом» в политическом треугольнике, развивающиеся страны имели известную возможность маневра, поскольку треугольник упирался на «жесткую» сторону глобального противостояния.

Надо отдать должное бывшим советским идеологам, при всем своем обскурантизме, верно определивших «нерв времени», назвав противостояние между коммунизмом и капитализмом «основным вопросом современной эпохи». По

марксистским канонам основное противоречие является отражением классовой борьбы и, соответственно, основной причиной общественного прогресса. Идеология являлась главным водоразделом миров, но как таковая борьба консервировалась наличием у сторон атомных арсеналов.

Сложилась патовая ситуация. Гонка стратегических наступательных и оборонительных вооружений делалась все более «виртуальной», т.е. создавалось оружие, применение которого оказывалось невозможно, поскольку означало самоуничтожение. «Замороженное» холодной войной противостояние переводило борьбу в соревнование идеологий, создания «виртуальных» имиджей каждого строя. Одновременно подспудно происходило начавшееся еще при Сталине изменение самой природы противостояния: соперничество «коминтерновской» и «наркоминделовской» линий внешней политики СССР. Со времен Второй Мировой Войны собственно конфликт идеологических систем приобрел геополитические черты, перерастая в конфликт отстаивающих свои имперские интересы сверхдержав, под транспарантами идеологических лозунгов.

К концу 50-х единственным «свободным географическим полем» вооруженной борьбы стал Третий Мир, поскольку чем дальше шла гонка ядерных вооружений, тем больше развивалась «патовая» ситуация взаимного уничтожения в случае ядерной войны.

Блоки яростно боролись за сферы влияния, стремясь вовлечь в свои орбиты все больше стран. Парадоксальным образом конфликт сверхдержав выдавливался на периферию. Более того, стоило возникнуть какому либо конфликту между третьими странами, как за спинами сторон возникали тени могущественных держав.

Например, режимы Сомали и Эфиопии оба ориентированные на СССР попали в глубокую зависимость от советской экономической помощи. Стоило разгореться войне между странами, как Советскому Союзу пришлось выбирать между союзниками. Выбор пал на более сильного, стратегически более важного и надежного партнера - Эфиопию. Моментально сомалийский режим Сиада Барре отбросил социалистические лозунги и принял щедрую военную помощь от США, что не спасло ни режим, ни саму государственность Сомали от краха.

Затяжным и запутанным оказался ближневосточный конфликт. Если Израиль последовательно придерживался прозападной и проамериканской политики, то арабские страны держались линии СССР в основном в расчете на бесплатные или льготные поставки современного оружия.

Арабские страны придерживались принципа: «враг моего врага – мой друг». О какой-то идеологической смычке не могло быть и речи. Так провозгласивший курс на построение «мусульманского социализма» режим Каддафи оказался настолько далек от советской ортодоксии, что даже не был включен в список стран «социалистической ориентации». Как и страны в лозунгах, которых присутствовал термин социализм – Ирак и Сирия.

В реалии сегодняшних дней это политическое наследство прежней эпохи вошло почти нетронутым. Крах системы социализма оставил «свободным» политический вектор треугольника, в котором несущая (как говорят специалисты по прочности: «напряженная») сторона рухнула. Вся система миропорядка приобрела подвижность и, разумеется, пришла в движение.

На мировой арене остался только один мощный игрок коммунистического мира - Китай. Парадоксальным образом коммунистическая ортодоксия идеологии в КНР сочетается с либеральной экономической политикой построения капитализма, причем монолитность партии и правительства цементируют социальный базис – фактически являясь главным гарантом социальной стабильности при всевозрастающей капиталистической эксплуатации рабочих. Более того – компартия Китая препятствует

созданию профсоюзов и иных объединений рабочих. То есть де-факто выступает с позиций, характерных для капиталистических государств XIX века. Одна из главных основ экономики Китая – экспорт дешевых товаров, потому в борьбе за рынки правительство Китая отказалось от любого их видов «экспорта революции».

Западные эксперты иногда называют Китай «затаившимся тигром». Учитывая неуклонный рост экономического потенциала и военно-политических возможностей, рано или поздно наступит время, когда Пекин жестко потребует себе соответствующего места на политической арене. Одновременно КПК пытается выработать новую идеологический базис путем синтеза коммунистических положений, экономического прагматизма и традиционных китайских ценностей на основе конфуцианства и чань-буддизма. Завершение этой работы приведет к новой идеологической экспансии.

Одновременно такие страны как Куба и КНДР продолжают играть значительно большую политическую роль в своих регионах и на мировой арене, чем сопоставимые (или даже превосходящие) с ними по экономическому потенциалу страны-соседи.

Идеологическое противостояние осталось, но утратило прежнюю остроту и больше не может стать причиной мировой войны и уничтожения человечества. «Основной вопрос современности» был разрешен, правда, не в пользу стороны, этот вопрос поставившей. Чего и следовало ожидать, поскольку в политической ориентации СССР в связке идеологические - геополитические интересы последние вышли на первое место. Идеология стала служанкой политики, орудием и оружием борьбы, и, как всякое оружие в войне, была растрочена в угоду сиюминутным политическим интересам.

«Мировой политический треугольник» сложился как карточный домик. С исчезновением противостояния «Запад-Восток» векторы политических и экономических интересов сошлись на оставшемся в основании разделении: «Север – Юг», подобно стрелкам часов, указывающих полдень.

2.«Север – Юг» или «Богатые против бедных»

Простейшим теоретическим ходом явилось объявить новый мир построенным на противоречии «богатые страны – бедные страны», т.е. оставить старое «Север – Юг». Подобный взгляд сильно упрощал политическую картину мира, одновременно определяя стратегию преодоления противоречия: бедные должны стать богаче, и в этом им должны помочь богатые страны. В свою очередь «бедные» должны пожертвовать ради этого частью собственных политических амбиций и национальной идентичностью, и, разумеется, природными ресурсами. Более того, обязаны нивелировать своё внутреннее устройство и экономические уклады в соответствии с мировыми (читай: западными) стандартами, поскольку иных рецептов сегодня Запад предложить не может. Что оказалось недостижимой в ближайшем будущем задачей, слишком разными были стартовые условия и историческое наследие.

Наложение векторов дало странный эффект, подобный «эффекту полудня» когда одна стрелка закрывает другую. Возникло искушение выдать все существующие противоречия за одно-единственное.

За время «холодной войны» враждующие блоки накопили мощный заряд агрессии и, одновременно, огромные потенциалы ее реализации. В социалистических странах, где доминировал тоталитарный принцип подавления, ослабление центральной власти привело к возвышению региональных источников силы, а запас агрессии реализовался во множестве внутренних конфликтов разной степени остроты и интенсивности, приведших к распаду государств (Югославия, Чехословакия). Крушение же столь огромной и сложной структуры как СССР, привело к множеству конфликтов. По разным оценкам их насчитывалось до 35, более половины переросли в вооруженное противостояние.

Страны НАТО (прежде всего США) оставили военный и политический потенциалы неистраченными, потому приобрели практически неограниченную возможность насаждения своего влияния в мире вооруженным путем или угрозой применения таковой. Инструмент силы гораздо проще и эффективней долгих дипломатических игр или сложных экономических процессов. Но применение силы обычно свидетельствует о провале дипломатии или крахе экономических программ.

Противостояние по своему определению всегда имеет, как минимум, две враждующие стороны и, как правило, ни одну из них не стоит выдавать за невинную овечку. Силовое поле порождает силовые индукции, провоцируя ответ в том же духе. Одновременно экономические интересы мимикрируют, принимая политические формы.

Поэтому упрощенная схема «богатые – бедные» оказалась малоэффективной в описании геополитических реалий, более того, ее применение зачастую приводило к обратным последствиям.

Например: обильная экономическая помощь (продовольственная и товаров первоочередного потребления) подрывала бизнес местных производителей сельхозпродукции и розничных товаров. Что приводило к еще большему росту нищеты, требовавшей еще большей экономической помощи вообще лишавшей надежды на возрождение сельского хозяйства и легкой промышленности.

Финансовая помощь бедным странам обернулась невероятными масштабами ее расхищения местными властями и прогрессирующим ростом коррупции. Стремление облегчить бремя вооружений, непосильное для слаборазвитых стран, обычно облекалось в форму военной помощи, в частности обильных поставок устаревших вооружений. Обслуживание вооружений требовало огромных сопутствующих расходов, ложась тяжким бременем на бюджеты этих стран.

Полученное оружие придало получившим его странам ощущение собственной силы, что привело к обострению межгосударственных и, особенно, внутринациональных конфликтов.

Помощь почти всегда оказывается небескорыстно, традиционно «обменивается» на определенные политические и экономические уступки. Сложился даже своеобразный рынок стран-соискателей этой помощи торгующих государственным суверенитетом. Подобная торговля ведет к подрыву национальных интересов, за которым очень часто следует и экономические трудности, разрешить которые пытаются, испрашивая еще большую помощь или влезая в кредитную петлю.

В свою очередь страны-доноры стремятся решить собственные внутренние задачи, поставляя в виде помощи излишки сельхозпродукции, тем самым, поддерживая внутреннего производителя. Часто материальная помощь становится реализацией залежалых товаров, в обычном случае требующих дорогостоящей утилизации¹.

2. Примеров подобных «несоответствий» множество. Обычно в «гуманитарной помощи» поставляются медикаменты с истекшим сроком реализации или годности, равно и продукты длительного хранения, давно залежавшаяся на складах одежда и списанное армейское обмундирование. Хрестоматийен пример с отгрузкой итальянскими фондами в пострадавшую от цунами Шри-Ланку... вышедших из моды женских меховых сапог.

Военная помощь направлена на поддержание собственных ВПК. Подобная практика касается, к примеру, связки США - Израиль. Несмотря на то, что последний имеет собственный развитый ВПК и обильный экспорт вооружений, принимая американскую военную помощь в размере около двух с половиной миллиардов долларов, обязан тратить ее на закупки американских вооружений. В частности, имея собственную прекрасную автоматическую винтовку «Галил» (кстати, копирующую конструктивное решение АК-47) использовать менее надежные американские винтовки М-16.

Вслед за финансовыми потоками из стран-доноров устремляются предприимчивые искатели «быстрых денег». Обладая огромными финансовыми возможностями, возможностями биржевые авантюристы «взрывают» национальные валюты и неокрепшие финансовые рынки, откачивая огромные средства, подобно тому, как это сделал Джорж Сорос на азиатских валютных биржах.

«Странные» случаи разбазаривания гуманитарной помощи, все чаще становящиеся правилом. Их можно назвать курьезами, если бы к ним было применимо определение «вопиющий».

Так во время засухи на «Африканском роге» в конце 80-х ООН организовало лагерь для голодающих. Доставку всего необходимого осуществляла военно-транспортная авиация НАТО, самолеты которой сбрасывали грузы на полосе вытяжным парашютом, из опасения, что севший самолет будет атакован голодающими, мечтающими вырваться из этого ада.

Рис и разорвавшихся мешков рассыпался по полосе на километры, смешиваясь с песком и грязью. Но промыть его оказалось невозможно. Источниками воды в лагерях были грязные ямы со зловонной жижей. Отчаявшиеся от голода люди ели сухой рис – и умирали сотнями.

¹ Примеров подобных «несоответствий» множество. Обычно в «гуманитарной помощи» поставляются медикаменты с истекшим сроком реализации или годности, равно и продукты длительного хранения, давно залежавшаяся на складах одежда и обмундирование. Хрестоматийен пример с отгрузкой итальянскими фондами в пострадавшую от цунами Шри-Ланку... вышедших из моды женских меховых сапог.

Обострилась эпидемиологическая обстановка, потребовались поставки санитарного оборудования для строительства колодцев и отхожих мест. Таковое оборудование «поставили» на сумму более 50 миллионов долларов. В такую сумму были оценены... несколько тысяч итальянских керамических унитазов, контейнеры с которыми ударившись о полосу со скоростью 150 км/час. Вокруг лагерей образовались целые валы фаянсового боя. Впрочем, как могли улучшить санитарную обстановку унитазы в безводной пустыне, представить сложно. Кто-то списал деньги, какой-то чиновник из аппарата ООН поставил галочку в отчете: «помощь оказана».

В итоге организовывавшие лагерь горстка энтузиастов-европейцев, осознав бесплодность своих попыток спасти несчастных, вынуждены были бежать. Участь оставшихся сотен тысяч оказалась трагична, хотя им была «оказана помощь» более чем на миллиард долларов.

Разумеется, не все программы помощи столь деструктивны, скорее можно говорить о деструктивных и конструктивных сторонах процесса. Опыт учит, что даже не столь масштабные в финансовом исчислении объемы помощи, как описанные в предыдущем примере, могут быть эффективными при соблюдении нескольких условий. Это: глубокое понимание проблемы и всесторонняя научная проработка методов ее разрешения, привлечение достаточного числа специалистов из страны-донора, продолжительное время работы специалистов в контакте с местным населением и властями, подготовка достойной смены специалистов из местных жителей.

Однако главным фактором остается искреннее желание помочь и отсутствие слишком больших политических требований к стране-получателю. Например: десятки лет и сотни экспериментов потребовались, прежде чем удалось найти приемлемый способ замедлить расползание пустыни Сахары. Конечно, лесопосадки являлись бы радикальным способом, но традиционно все деревья используются местными жителями как строительный материал и топливо. Альтернативой стало возведение сети невысоких земляных валов размещенных ортогональной решеткой, задерживавших перемещение песка и выдувание сухой плодородной почвы. Довольно быстро квадраты зарастали непригодным к сожжению или строительству кустарником. В зонах применения методики распространение пустынь удалось остановить.

Этот достойный пример не получил сколько-нибудь заметного отражения в СМИ. В известном смысле их можно понять: нескольких сот километров заграждений не способны остановить расползание Сахары - требуется создание нескольких тысяч километров таких зон. Что потребует крупномасштабной программы.

Размер программ и характер разрешаемых ими проблем тоже имеет значение. Наиболее успешно разрешаются малые локальные проблемы. Большие проблемы в большинстве случаев решить не удастся, а большие объемы помощи привлекают большое количество расхитителей. Появилась даже новая градация конфликтов, когда вооруженные группировки ведут между собой борьбу за контроль над потоками гуманитарной помощи.

С другой стороны именно «большие проблемы», например голод в Сахеле, смерть от СПИДа, массовое применение противопехотных мин позволяют развернуть мощные PR-кампании, привлечь внимание к проблеме миллионов западных обывателей, заставив их сделать многочисленные взносы. Как показывает практика, только на первоначальном этапе такие кампании приносят реальные результаты.

В дальнейшем образуется множество фондов с мощными бюрократическими аппаратами, перекачивающих пожертвования. Практически не контролируемые извне эти фонды деградируют: то есть начинают проедать на «организационные нужды» большую часть пожертвований, до конечного получателя помощи доходит остаток в 10-15%,

необходимых только для формального отчета, для продолжения PR-кампании по выкачке средств. Подобные фонды обрастают «дружественными» компаниями-поставщиками или исполнителями, поднимающие расценки на свои услуги до заоблачных высот.

Так компании по «гуманитарному разминированию» берут за разминирование квадратного километра 700-900 тысяч долларов. Причем гарантированно снимают не более 50% мин. Учитывая, что площадь конфликтов составляет сотни и тысячи квадратных километров, разминирование становится одним из самых прибыльных видов бизнеса, где доходы более 100% считаются нормальными. Например, Кувейт после «Бури в пустыне» затратил более миллиарда долларов на разминирование 100 км границы с Ираком.

С течением времени «злоупотребления» с гуманитарной помощью становятся известны, общественное мнение утрачивает интерес к данной проблеме или региону, и переключается на иной. Однако этот источник в ближайшее время не иссякнет, поскольку имеет глубокие психологические корни: пожертвовав сотню-другую долларов или евро, западный обыватель на время избавляется от чувства вины за страдания Третьего мира. Более того, испытывает чувство сопричастности к глобальным и по определению положительным мировым процессам – помощи нуждающимся.

В странах более развитых, варианты помощи тоже приводят к тяжелым последствиям. Достаточно вспомнить недавний аргентинский «дефолт» обрушивший экономику страны, приведший к тяжелейшему политическому кризису, вынудившему бежать из страны организаторов «нового экономического чуда». Список стран, переживших подобные кризисы обширен.

Подход к взаимоотношениям с Третьим миром по принципу «богатый – бедный» оказался порочным, поскольку само определение является синонимом понятий «сильный – слабый». Отношения слабого и сильного уже предполагают зависимость и подчинение. Сильный по определению не стремится к значительному усилению слабого, поскольку в перспективе получит сильного конкурента или противника. Ему важно сохранение status quo. «Сильного» может устроить укрепление «слабого», только если его собственная мощь возрастает как минимум пропорционально. Таким образом «богатые становятся богаче – бедные бедней» пусть даже относительно, но часто и абсолютно.

Сегодня мировым сообществом экономических экспертов негласно признан факт, что большая часть западных советников, набранных в начале 90-х в «команду Ельцина» вела программу реформ отнюдь не бескорыстно. Внешне все выглядело как введение свободного рынка, но методы были столь радикальны, что обрушили промышленность России в штопор, на выход из которого потребовалось почти 10 лет. За это время экономическая инфраструктура РФ переродилась в типичную страну Третьего мира. И винить в том особо некого – желание трансформироваться в капитализм было искренним. Утрата мировых позиций – «плата» за подобную трансформацию.

Даже если отбросить «злой умысел», все равно придется констатировать печальный факт: развитые державы уже два века используют жупел «свободного рынка» только для открытия внутреннего рынка других стран, при этом держа вход на собственный рынок «на замке». На рынок жертвы приходят мощные компании, уничтожая конкурентов, обанкрочивая и скупая по дешевке прибыльные предприятия и ресурсы, выкачивая капиталы – устраивая рынок страны «под себя». «Свободный рынок» - давно обкатанный механизм – «паровой каток» устранения конкурентов, подчинения конкурентов для извлечения прибылей. Он совершенно безразличен к национальным интересам стран, и предназначен для включения в мировой рынок новых игроков только на правах вассалов.

Только когда появляется полная уверенность, что потенциал страны-жертвы больше не составляет угрозы внутреннему, можно позволить ей «проникнуть» к себе. За 20 лет Россию так и не приняли в ВТО, так и не отменили пресловутый закон «Джексона – Веника», хотя весомая часть российских корпораций уже принадлежит ТНК.

Институт помощи как инструмент экономического роста показывал свою несостоятельность. Конечно, у него был удачный прецедент в виде «плана Маршалла». Но следует учитывать, что тогда помощь оказывалась странам с развитой экономикой, хотя и сильно разрушенной инфраструктурой, с богатым опытом товарно-денежных отношений и управления хозяйством, квалифицированной рабочей силой, готовой работать за небольшую плату. И еще (это редкое исключение из общего правила) в конце 40-х США нуждались в большом количестве сильных союзников Европе и на Дальнем Востоке для борьбы с сильнейшим врагом в лице СССР.

Попытки повторения подобного опыта в бывших колониях выявили целый букет проблем. Помощь эффективна только в условиях катастроф, позволяя быстро преодолеть их последствия, но, к сожалению, не устраняет причину. Более того, постоянный поток помощи неизбежно ставит экономику страны-получателя в зависимость от донора. О тяжелых последствиях подобного зависимости, сравнимой с наркотической, уже говорилось.

Парадоксально, но даже локальные успехи могут привести к катастрофическим результатам.

Например, вакцинация от массовых тропических болезней, или такое всемирное достижение медицины, как победа над оспой, вызвали всплеск выживаемости в регионах с традиционно высокой смертностью от болезней привели к взрывному росту населения.

Демографический взрыв обострил проблемы дефицита ресурсов: продовольствия, чистой воды, увеличил перенаселенность - стратегические факторы генезиса конфликтов. Аксиома, что с болезнями безусловно необходимо бороться. Однако уровень здравоохранения должен соотноситься с общеэкономическими показателями. То есть кроме медицины и санитарии у людей должны иметься в достатке иные жизненные ресурсы: питьевая вода, продовольствие, жилье, работа.

Внешняя помощь в принципе не может решить проблем, поскольку сами проблемы носят глубинный характер. Экономическая структура развивающихся стран, характер их взаимоотношений с развитыми странами складывалась на протяжении веков. Наивно полагать, что их можно изменить за десятилетия. Еще более наивно считать, что внешние силы заинтересованы в изменении сути такового порядка.

Исторически колонии были, прежде всего, источником дешевого сырья и рабочей силы. Лишь во вторую - рынками для сбыта товаров. Экономика таких стран приобретала черты монокультурности, ориентированности на экспорт самой выгодного в данных условиях товара. Диктовать монопольные цены такие страны не имеют возможности, поскольку в мировом разделении труда страна-производитель продублирована как минимум еще одной страной-производителем данной монокультуры. Презрительное определение «банановые республики» актуально до сих пор.

В развитых странах сельское хозяйство и промышленность всегда достаточно разнообразны, и способны удовлетворить большую часть внутренних потребностей.

В США сельское хозяйство после Великой Депрессии усилиями администрации Рузвельта было устроено довольно разумным образом. На производстве одной

сельскохозяйственной культуры специализируются два штата географически удаленные друг от друга. Например, цитрусовые: Калифорния и Флорида. Природная катастрофа в одном штате не вызовет дефицита продукции, а слишком большой урожай не приведет к всеобщему кризису перепроизводства. Аналогичным образом, опираясь на антитрестовское законодательство власти, обычно поддерживают существование не менее двух производителей в промышленных отраслях.

Современный вариант подобного подхода – сельскохозяйственная политика ЕС. Посредством разнообразных квот и специализаций отдельных регионов, «старые члены» страны являются фактически монополистами в производстве определенных видов сельхозпродукции. Так основным производителем оливок «назначена» Греция, Италия и Испания являются «страхующими» производителями. Испания, в свою очередь, признана лидером выращивания бахчевых.

Включение «молодых» членов ЕС создала с квотами парадоксальную ситуацию. Так Болгария лишилась права торговать знаменитым болгарским перцем даже на внутреннем рынке, и вынуждена закупать испанский. Разумеется, подобные ограничения поставили болгарское крестьянство на грань разорения. Учитывая что уровень жизни в стране по сравнению с временами социализма упал в два раза, и дальнейшее обнищание могло привести к социальному взрыву, комиссия по сельскому хозяйству разрешила продавать на внутреннем болгарском рынке помидоры и некоторые другие овощи. На счет перцев Брюссель остался непреклонен.

Борьба за квоты, за недопущение на рынки дешевой импортной продукции остается основой политики Европейского содружества. Но как снизить цену продукции, одновременно оставляя уровень доходов фермеров на высоком европейском уровне? Ведь агрокультура Европы развита настолько, что всякий заметный прирост урожайности или продуктивности требует огромных вложений. Сельское хозяйство Европы и так балансирует на грани возможного, мобилизовав достижения науки. Что эта грань переступается, свидетельствует череда «продовольственных скандалов»: то эпидемия коровьего бешенства, то диоксины в мясе, то остатки химических реагентов в оливковом масле – перечислены наиболее известные сенсации, приведшие к смертям или массовым тяжелым отравлениям.

Выход найден банальный - за него лет 20 назад сельхоз-политика КПСС подвергалась яростным нападкам со стороны апологетов «свободного рынка». Сегодня на дотирование «высокоэффективного» сельского хозяйства Объединенной Европы тратится более половины бюджета ЕС. Официально около 50 миллиардов евро. Учитывая скрытые вливания и дополнительную помощь в отдельных странах и регионах, сумма удвоится.

Для сравнения – обещанная продовольственная помощь ЕС всем голодающим странам мира в 2008 году равнялась 22 миллиарда евро (за счет закупок продукции европейских стран). Однако реально, из-за кризисных затруднений, выделили 2.5 миллиарда.

Развивающиеся страны почти полностью зависят от экспортных цен на их монокультуры. Противоречие заключено в том, что мировой рынок нуждается в дешевом сырье. Повышение уровня жизни, рост доходов неизбежно отразится на росте себестоимости и цене продукции – как следствие, на падении ее конкурентоспособности. Дополнительная сложность состоит в том, что страны монокультуры являются объектом хозяйствования частных компаний, а фирмы-импортеры не заинтересованы в отстаивании интересов стран-экспортеров.

Попытки решить проблему за счет индустриализации поначалу вызвали ответное стремление развитых стран вывести производства (прежде всего вредные) за свои

пределы, не теряя при этом прав собственности. Что породило помимо экологических букет новых проблем. Рост благосостояния в индустриализирующихся странах, прежде всего в области медицины, вызвал демографический взрыв, поглотивший большую часть повышения уровня жизни.

Мировой экономический порядок со времен колониализма заметно усложнился. Промышленное производство отошло на второй план, уступив пальму первенства информационным технологиям. Индустриализировавшиеся страны вновь оказались в положении экономических придатков метрополий, хотя и в более выгодном положении, чем экспортеры сырья. Возник новый термин: «промышленная периферия цивилизации». «Экономическое чудо» большинства «драконов Азии» оказалось эфемерным.

Экономический рост требует проведения независимой экономической политики в интересах национального рынка и отечественных производителей. Однако все мировые инвестиционные организации типа МВФ ставят либерализацию рынка (в том числе открытость его для транснациональных монополий) во главу угла, грубо вмешиваясь во внутреннюю политику государств - доноров. Заемные капиталы уходят в компрадорский сектор, а сама политика займов, в конце концов, приводит к печальным результатам.

Так ВОЗ выявила четкую корреляцию между объемом займов МВФ и уровнем заболеваемости туберкулезом в странах заемщиках. Загадка разрешалась просто: МВФ требует «рационализации» государственных расходов, и в первую очередь урезанию подвергаются социальные программы, здравоохранение и льготы на питание неимущих. Рост заболеваемости грозит огромными потерями в будущем, как раз в сроки возвращения долгов.

Отдельной проблемой остаются огромные государственные, корпоративные и частные долги развивающихся стран, названные «бомбой замедленного действия мировой экономики». Его появление и рост в первую очередь не являются последствиями расточительности стран заемщиков, как пытаются представить дело страны – заимодавцы. Появление долга закономерно с той поры, когда экспорт капиталов стал гораздо выгодней экспорта товаров. Он объективное следствие все того же «мирового экономического порядка».

На рубеже 60-70 годов XX столетия пришло понимание, что структура мирового рынка резко меняется, но суть его при этом остается неизменной. Что необходимы подвижки в изменении основных принципов, а этого развитые страны делать не желали. Движение за новый экономический порядок постепенно стало набирать обороты, вслед за экономическими требованиями начали выдвигаться политические.

В начале 80-х движение за реструктуризацию государственных долгов стран Третьего мира возглавила Куба. Исходя из здравой посылки, что должники просто физически не смогут рассчитаться с кредиторами в обозримом будущем, что даже выплачивая только проценты, не смогут выбраться из нищеты, движение пришло к выводам, что долги можно вовсе не платить (исходя из размеров первоначальных займов и объемов капиталов, реально вывезенных из стран-должников). Что было заявлено странам-кредиторам. В случае отказа следовала угроза акций, напоминающих нефтяное эмбарго начала 70-х. В начале XXI века движение за новый справедливый экономический порядок все теснее смыкается с антиглобалистским движением.

Угроза крушения всего мирового порядка заставила развитые страны пойти на уступки, проводить периодическое «списание» долгов третьим странам. Фактические

такие амнистии просто констатируют факт тотальной неплатежеспособности той или иной страны, физическую невозможности выплаты долга и многократно превышающих первоначальные займы выросших процентов и прочих затрат «на обслуживание долга». Однако «актуальные» долги до сих пор продолжают разорять многие экономики.

Наличие противоречий вплоть до антагонистических должно вызывать нескончаемую череду конфликтов по «национально – классовому признаку». Однако подход «богатые – бедные» показывает ограниченность приложения при анализе конфликтов последнего десятилетия XX века. По идее повсеместно должны вестись войны бедных против богатых. Как бедных стран, так и бедных слоев населения.

Подобная методика, по сути, является лишь эвфемизмом марксистского тезиса «классовая борьба», заимствованного из эпохи «холодной войны» во многом построенной на риторике или на «научных» положениях марксизма к действительности. (Что, впрочем, не отменяет всех базовых научных положений марксизма).

Не случайно коммунисты называли глобальное противостояние «соревнованием экономических систем», уча во всяком конфликте искать и находить как основу экономические противоречия, и как следствие – борьбу классов.

В «эпоху 90-х» «перетекли» конфликты-реликты холодной войны и «победного шествия коммунизма по планете».

На поверку режимов и террористических организаций «коммунистических марионеток» не так уж много. Ушли в прошлое режим Наджибуллы в Афганистане, партизанское движение в Дофаре (Оман) инспирировавшееся просоветским Южным Йеменом. Кто сегодня вспомнит о них? Несколько оставшихся, можно пересчитать по пальцам одной руки. «Рука Москвы» оказалась не такой длинной и хваткой как представлялась западной пропагандой. Некоторые режимы, лишившись поддержки СССР, тем не менее, не утратили власть и, хотя изменили коммунистической фразеологии, но не изменили своей сущности.

К «классовым движениям» с известной натяжкой можно отнести все партизанские и террористические движения, выдвигающие коммунистические (в том числе маоистские и троцкистские) лозунги, т.е. следующие принципу «бедные против богатых». Это большинство латиноамериканских групп (за исключением ультраправых, т.е. антикоммунистических) среди которых такие известные как «Сандеро Ламиносо», индейское движение команданте Маркоса в мексиканском штате Чиapas, колумбийские партизанские отряды и «фронты». «Отреклись» от марксизма, пожалуй, только сандинисты и сальвадорские партизаны.

До сих пор бытует утверждение, будто все марксистские движения Западного полушария инспирированы Кубой. Что как ни странно еще больше поднимает международный вес режима переживающего глубокий экономический кризис и физически не могущего вести широкомасштабную континентальную войну. Реальные попытки экспорта революции окончились плачевно. Достаточно опыта «последней революции Че Гевары» в Боливии.

Взять хотя бы колумбийский конфликт, имевший в своем зародыше противоречия между безземельными крестьянами и латифундистами во внутренних районах. На десять лет раньше победы кубинской революции правительство и частные армии начали жестокую карательную войну, граничившую с геноцидом в самых жутких формах. Выжигались и вырезались десятки деревень, крестьян казнили тысячами, пытки и

жестокое обхождение с противником вменялись в обязанность солдатам и офицерам. Так продолжалось на протяжении десятилетий. Крестьяне уходили в джунгли, организуя «свободные вооруженные деревни». Первоначально подобные зоны были свободны от всякой современной идеологии, крестьяне были поголовно неграмотны, лишены радио и телевиденья.

За полвека конфликт пережил несколько мутаций. Вдохновленные кубинским опытом в середине 60-х левые интеллигенты пришли в сельву создавать широкий антиправительственный фронт подобный партизанскому району Сьерра-Маэстро. Вслед за ними в начале 70-х в джунгли потянулись и фашиствующие интеллектуалы организовывать антикоммунистические фронты.

На пороге 70-80-х гг. произошла очередная мутация, названная «кокаинизацией конфликта». Воспользовавшись отчуждением от центральной власти внутренних районов охваченных перманентной партизанской войной, особенно в покрытых сельвой горах, наркодельцы разбили огромные плантации коки, ориентируясь на практически необъятный рынок сбыта кокаина в США. Бешеные прибыли позволили нанять частные армии, построить тайные заводы и посадочные полосы, обзавестись огромным парком авиации.

Коммунистические повстанцы, ранее опиравшиеся на скудные ресурсы нищих крестьян, вскоре тоже «расширили свою экономическую базу» уже «на идейной основе». Согласно их радикальным воззрениям кокаин подрывал основы самого главного врага мирового коммунизма – США, одновременно давая практически неограниченные средства для ведения партизанской войны.

Вскоре красные партизаны освоили и другие «тактические приемы» организованной преступности: экспроприация имущества латифундистов, похищения членов семей богатых эксплуататоров с целью получения «контрибуций» на классовую борьбу, рэкет с той же целью, похищения политических лидеров и иностранных журналистов для шантажа правительства(3), теракты. В наркотический конвейер включились и ультраправые, ссылаясь совсем на иные политические резоны. Однако методы их мало отличались от методик ведения войны левыми повстанцами или наркобаронами.

3. Известны курьезные примеры нахождения иностранных журналистов в заложниках у «колумбийских коммунистов», основу отрядов которых составляет неграмотная молодежь. Бойцы не знают даже имен Маркса или Ленина, и образованные журналисты-европейцы зачастую вынуждено проводили первоначальный «кликбез» рассказывая о «Манифесте коммунистической партии» или истории коммунистического движения на планете.

Вскоре кокаин составил большую часть ВВП Колумбии. Наркодолларов появилось столько, что стало возможным «покупать» правительства не только своей страны, но и стран-соседей задействованных в наркотрафике. Война против партизан замерла. Тогда, в середине 80-х, США объявили собственную войну наркомафии, самыми яркими эпизодами которой стало вторжение в Панаму для свержения президента Норьеги и тайная операция по захвату главы меделлинского наркокартеля Пабло Эскабара.

В целом четверть века борьбы США с колумбийскими наркокартелями можно назвать удачной. Однако, проблему кокаиновой контрабанды частичная победа не решила. Производство кокаина переместилось в иные страны континента, а ключевую роль в наркотрафике стали играть мексиканская наркомафия. «Кокаиновая война»

переместилась в Мексику, и сегодня ежегодно уносит десятки тысяч жизней мексиканцев, как прежде убивала колумбийцев.

Под давлением Америки (фактически перед ультиматумом оккупации) правительство Колумбии пошло на замирение с повстанцами, согласившись прекратить войну и частично удовлетворить их требования взамен на обещание уйти из джунглей. Но за 30 лет партизаны создали автономную структуру жизнеобеспечения целого региона. На кокаиновые деньги закупаются продукты, функционируют школы и больницы. Разумеется, уход партизан из сельвы означал возвращение к прежнему нищему существованию. Поэтому затянувшиеся переговоры постоянно прерываются... на карательные и «ответные» операции, разумеется, тоже не приносящие видимых успехов.

Притушенный (но не загашенный) на родине, конфликт сегодня распространился не только на Мексику в форме криминальной войны, но пережил фазу идеологического возрождения.

В соседней Венесуэле к власти пришел лидер лево-популистского толка Уго Чавес, предоставивший колумбийским левым как «идейно близким» территорию страны для «тыловых баз». Колумбийское правительство неоднократно пыталось с помощью авиации и командос ликвидировать эти форпосты, что привело к конфронтации с Венесуэлой. Ныне обе стороны усиленно вооружаются, закупая современные вооружения в больших объемах. В том числе и в России.

Сегодня типологию колумбийского конфликта уже нельзя отнести к чистому противостоянию «бедные – богатые», как было в самом его начале.

Само отношение к причине конфликта как борьбе за богатство цинично, особенно когда речь идет о выживании подверженных голоду и эпидемиям беднейших слоев населения. Поскольку речь идет о борьбе за свою жизнь и право на жизнь своих семей (причем миллионов семей), то моральные установки оказываются опрокинутыми. Актуальным становится максима: «в борьбе за право на жизнь все средства хороши». Подобный бытовой экзистенциализм делает жестокие методы ведения борьбы «морально оправданными».

Экономически выращивание опиумного мака или коки в десятки раз выгодней посадки любой иной культуры, даже если учесть, что производителю наркотика-сырца никогда не достается более 10% от конечной выручки товара. Что где-то там за океаном чужие дети мучаются от наркомании – полная абстракция для крестьянина, у которого дома десяток голодных ртов. Если развязана экономическая война «бедные против богатых», то погибшие наркоманы - потери в ней. На разных чашах весов жизни умирающих от голода в колумбийской сельве или афганских горах и от наркомании в мегаполисах Европы, России, Америки. Но эти потери не попадают в сводки боев.

Единственное условие для существования подобного сверхприбыльного сельского хозяйства - политический вакуум. Труднодоступные территории, затянувшаяся война, власть бандитских формирований вооружаемых на наркодоллары, коррумпированные чиновники - лучшая питательная среда нелегального бизнеса.

Пример Колумбии не единичен. Подобный сценарий разыгрывался в 50-60-е гг. в Индокитае, в районе «Золотого треугольника». Наркоторговлю тогда подогревала

вьетнамская война, в нее были вовлечены влиятельные политические силы, в том числе ЦРУ и Гоминдан. Ныне подобную же трансмутацию переживает Афганистан, оставаясь крупнейшим производителем опиатов, несмотря на оккупацию страны войсками США и НАТО. Скорей, благодаря именно ей.

За годы своего правления опиум для Талибана являлся источником твердой валюты, однако вел страну к международной изоляции как распространителя наркотиков. Когда талибы согласились на требования мирового сообщества и в один год сократили посадки опиума в Афганистане в десять раз – последовала международная оккупация страны. Только за три последующих года американской оккупации производство опиатов вновь возросло более чем в 70 раз от «талибского» уровня!!!

Формальным поводом для вторжения явились теракты 11 сентября, однако повод и причины – вещи разные.

Из остальных движений под коммунистическими лозунгами выжили только «красные кхмеры». Есть еще пара примеров межгосударственного противостояния на основе идей: КНДР, Куба. Все, в первую очередь, против США. Пожалуй, все.

Анализ иных конфликтов дает удручающие для теории «богатые – бедные» результаты. Бедные почему-то предпочитают воевать против бедных, а само вхождение в клуб «богатых стран» еще не гарантирует от внутренних конфликтов. Конечно, в каждом конкретном случае одна из воюющих сторон имеет более низкий уровень жизни, например католическое меньшинство в Ольстере, но очень часто причины конфликта лежат в иной области.

XX век вошел в историю как столетие классовых битв и глобального классового противостояния. В основном в развитых капиталистических странах. Но остатки «классического» пролетариата, бытие которого стало основой для выводов Карла Маркса, исчезли в Западной Европе и США к середине 70-х. Исчезли не по прихоти капиталистов, но в результате упорной борьбы пролетариата под теми же марксистскими лозунгами за свои права. Однако основные плоды этой борьбы достались «среднему классу», который представляет сегодня наиболее емкий сегмент покупательского спроса.

Единственная сохранившаяся лакуна существования «классического пролетариата» - рабочие-эмигранты, занятые на сельскохозяйственных и низкоквалифицированных работах.

С их проникновением на внутренние рынки труда власти ведут неустанную борьбу(4). Количество высококвалифицированных рабочих в западных странах сильно сократилось, особенно с наступлением фазы информационного общества и благодаря практике деиндустриализации. Исчезли с арены ратовавшие за «освобождение пролетариата» террористические организации «новых левых» - освободить стало некого.

4. Что входит в противоречие с интересами капиталистов, заинтересованных в дешевой рабочей силе и... самих западных потребителей, заинтересованных в дешевых товарах и услугах. Парадоксально, но большая часть экономических мигрантов не составляет конкуренцию коренному населению развитых стран, поскольку выполняют «черную» низкооплачиваемую работу, в то время как непременным условием высокого качества жизни является работа «чистая» и высокодоходная.

Напряжение между гастарбайтерами и аборигенами сегодня чаще возникает в иной – «культурной» сфере.

Самым массовым классом общества на Западе стал «средний класс». «Конфликт между трудом и капиталом» научились регулировать посредством развитого трудового законодательства, деятельности профсоюзов, социальных программ, то есть за счет достижений конвергенции с социализмом.

Даже антисоциальное поведение люмпенов сумели свести к минимуму, придя к выводу, что выгодней содержать их на пособия, чем терпеть убытки от преступности, борьбы с ней и от содержания уголовников в тюрьмах. «Подкуп люмпен-пролетариата» очередная бомба замедленного действия. Так большинство обитателей негритянских гетто в США в подавляющем большинстве уже три-четыре поколения не знают, что такое работа, поскольку существуют на пособия. Особой плодовитостью отличаются постоянно беременные негритянские «одинокие» матери, получающие на содержание каждого ребенка круглые суммы. Эти деньги входят в оборот гетто и, в конце концов, в значительной части тратятся на приобретение наркотиков.

Подобные процессы происходят во всех развитых странах, поскольку паразитическая страта общества неожиданно получила экономическую поддержку. По демографическому закону воспроизводства социальных слоев процент иждивенцев в этих условиях будет прогрессировать, и однажды пропорция подойдет к опасной черте, когда работающая часть общества уже не сможет содержать большое количество паразитов. Социальные фонды истощатся, после чего неминуем социальный катаклизм.

Нельзя сказать, что правительство США не замечает этой проблемы, но демократические институты, равно как общественное мнение связывают им руки. Весьма вероятно, что истерия по поводу 11 сентября затеяна ради развязывания рук с целью разрешения внутренних проблем.

Гораздо раньше ряд американских журналистов обнаружили, что примерно треть наркотрафика в Америку контролирует... ЦРУ. Цель - получение неподконтрольных правительству средств для проведения тайных операций. ЦРУ замечено в подобной практике еще со времен Вьетнама, а скандал «Иран-контрас» в своей приоткрыл масштаб и размах торговли. Позже всплывали факты связанные с Норвегией, говорили о причастности к этой торговле Клинтона в бытность его губернатором.

Внутриполитическая цель ЦРУ: главными потребителями наркотиков являются негры и латинос – «паразитная часть общества», потому сильные наркотики, распространяемые по низким ценам, проводят латентную «этническую чистку». Однако подобные скандалы «заминаются» в зародыше, потому выяснить степень достоверности столь тяжких обвинение непросто.

Здесь встает вопрос о «нетрадиционных средствах войны» (хотя они достаточно традиционны – достаточно вспомнить «опиумные войны» и японскую торговлю опиумом во Вторую Мировую Войну), т.е. политической роли наркотиков и криминальных войн, роли в политике огромных сумм от их выручки, стремлении спецслужб «оседлать» эти потоки. Сложно представить, что столько важные рычаги мировой политики и черного финансового рынка имеющего прямое отношение к терроризму остались без внимания спецслужб, или что разведки, методы которых всегда были где-то на границах законности, ведут с наркотрафиком исключительно честную и бескомпромиссную борьбу на уничтожение.

Одна из важнейших причин прихода американцев в Афганистан - именно наркотики. В стремлении контролировать все важнейшие мировые ресурсы (а наркотики, безусловно, относятся к таковым), американские спецслужбы свили себе гнезда в Андах и в Центральной Азии, но их приход не означал прекращение производства наркотиков. Наоборот.

Точно так же развитые страны научились регулировать межгосударственные экономические противоречия. Сами противоречия, ранее приводившие к войнам, никуда не ушли, но пришло понимание, что выгоды от интеграции многократно превосходят ущерб от конфронтации. Хотя «торговые войны» окончательно не ушли в прошлое, но их формы сделались гораздо мягче. Ждать сегодня повторения Первой Мировой (по сути и названию империалистической) маловероятно.

Осталась еще большая часть конфликтов, совершенно не укладывающихся в теорию «бедные против бедных». Особенно «славен» ими Африканский континент. О причинах деградации огромного региона можно спорить, тем более что с много обещавшего «года Африки» прошло 50 лет и сменилось несколько поколений политических деятелей.

Если сопоставлять эти пять десятилетий с пятью веками европейского «освоения» континента, то они покажутся не столь продолжительным периодом. Безусловно «тяжелое наследие колониализма» до сих пор продолжает влиять на внутриафриканские процессы, хотя, возможно, не столь сильно, как это представлялось в советские времена. Тогда упор делался на последствия работорговли, ликвидации независимости, нещадной эксплуатации колоний.

Время выявило иные, прежде всего структурные зависимости и влияния. Колонизация континента шла от опорных точек на побережье, а первоначально основной ценностью являлись вывозимые рабы. «Охота на людей» вызвала довольно существенные демографические сдвиги, обескровила континент, подорвало основы сопротивления.

Продвижение вглубь Африки сдерживалось конкуренцией других колонизаторов. В конце концов, материк был поделен между метрополиями, а внутренние границы фактически являлись границами не между африканскими, а между европейскими государствами. Инфраструктура этих владений всецело приспособлялась к вывозу природных богатств. Ни о каком даже ограниченном рынке сбыта товаров (подобно Южной Америке или Азии) в Африке и речи быть не могло, в силу тотальной нищеты местного населения, что не создавало сколько-нибудь емкого рынка.

К середине XX века положение радикально не улучшилось. Страны Черной Африки остались в унаследованных от европейцев условных границах, с инфраструктурой ориентированной исключительно на вывоз. Капиталы для преобразований можно было взять только от экспорта, потому нарождающаяся буржуазия могла быть только компрадорской - в принципе не заинтересованная в изменении статус-кво. Но и компрадоры часто оттеснялась чиновниками, стремящимися взять под личный контроль потоки валюты. В итоге капиталов для коренной перестройки экономики и инфраструктуры так и не нашлось. Катастрофичным оказался отъезд из колоний специалистов, поддерживавших существующую инфраструктуру. Система должна была рухнуть еще к концу 60-х, если бы не глобальное противостояние. Африка превратилась в обширный регион борьбы, стала резервуаром получения помощи как от СССР, так США, так и бывших метрополий, которые «ушли, чтобы остаться».

Методы бывших метрополий получили название «неоколониализма» и оказались чрезвычайно разнообразными. Начиная от привязки большинства национальных валют к европейским («зона франка», «стерлинговая зона»), через обширные концессии на разработку природных ископаемых, до права бывших метрополий прямого военного вмешательства во внутренние конфликты. Особо часто прибегала к этому праву Франция.

Здесь еще раз стоит напомнить о проблемах стратегий «помощи», игравшей важную роль в борьбе систем.

Наиболее показателен конфликт в Анголе. Довольно долго находившиеся под властью Португалии(5), ангольцы, как и инсургенты в других африканских колониях Лиссабона, развернули партизанскую войну. Сегодня известно, что часть кадров для партизан Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау готовили в странах варшавского договора, оттуда де поставлялась часть вооружений. Правда, подобная помощь начала оказываться уже после начала партизанских восстаний.

После «революции гвоздик» в Португалии удерживать колонии оказалось невозможно и нежелательно по многим причинам. Оставалось передать власть «местной администрации».

Однако на эту власть над Анголой претендовали сразу три мощных партизанских движения: МПЛА – партия прокоммунистического толка, ФНЛА – партия прозападного пути развития, УНИТА – националистическая группировка, опиравшаяся на население южных районов. Из менее значимых движений выделялась так же ФАПЛА – партизаны-сепаратисты богатого нефтью анклава Кабинда.

5. Характерно, что дольше всего продержались в Африке колонии «первооткрывателей» – Португалии и Испании

Первоначально планировалось создать коалиционное правительство из трех партий, но посредством сговора и интриг УНИТА была оттеснена от участия в формировании новых органов власти. В процессе подготовки передачи власти португальцами ФНЛА, обещая демократические перемены, смогла заручиться финансовой и политической поддержкой некоторых стран НАТО, в первую очередь США. УНИТА искала помощи даже у КНР, хотя получила ее, прежде всего, от ЮАР. Боясь упустить выгодный плацдарм, СССР и Куба дали определенные гарантии МПЛА.

В самый ответственный момент главе МПЛА Агостинье Нето удалось вытеснить из столицы соперников и формально получить власть из рук колонизаторов. ФНЛА с помощью наспех собранных белых наемников при поддержке заирских соединений начала наступление на Луанду. Судьба социализма в Анголе висела на волоске, а вспыхнувшая гражданская война вошла в привычные для того времени идеологические рамки «демократия против коммунизма». МПЛА удалось остановить наступление противника на пороге столицы, и очень скоро с помощью высадившихся кубинских войск и щедрой советской помощи отбросить и разгромить ФНЛА.

Социализм в Анголе победил. Довольно быстро было подавлено сопротивление в Кабинде, но на юге пришлось столкнуться с немалыми трудностями. В конфликт вмешалась ЮАР, армия которой по вооружению составу и выучки мало отличалась от лучших европейских образцов. Здесь спасовали даже кубинцы, пришлось усиливать войска современной советской военной техникой и «специалистами». Война приняла затяжной характер в полосе анголо-намибийской границы. Ситуация усугублялась тем, что новая ангольская власть поддерживала партизан Намибии.

Полностью разгромить УНИТА не удалось, поскольку та имела довольно широкую поддержку не только ЮАР и США, но и местных племен. Конфликт перешел в новую фазу: «центральное правительство – сепаратисты».

Десять лет войны приспособили формирующийся уклад жизни к военным условиям. Обильная помощь быстро развратила «социалистическое» правительство, после смерти Агостиньё Нето погрязшее в интригах и коррупции. Стоило СССР и Кубе уйти, как конфликт деградировал окончательно. Намибия вскоре получила независимость, угроза вторжения войск ЮАР исчезла окончательно.

Вопрос власти стоял уже не в контроле над всей территорией страны, и не в организации экономики и управления, но только в контроле над приносящими валюту богатствами. Ангола это алмазы, нефть и кофе.

Прошло еще не многим более десятка лет как бывшие пламенные борцы за свободу и независимость превратились в шайки грабителей, мало отличающихся друг от друга. Власть от главарей МПЛА и УНИТА постепенно перешла в руки полевых командиров «сидящих на трубе»: на алмазных коях и на железных дорогах ведущих к приходящим в упадок кофейным плантациям. Западные аналитики назвали подобный процесс «приватизацией войны».

Характер военных действий теперь определяется периодами добычи экспортных товаров: на алмазы закупается оружие, начинается наступление на другие алмазоносные районы, поле чего запасы оружия и людские ресурсы истощаются, военные действия замирают. Пополнение для армии «призывают» - на самом деле отлавливают способами известными еще со времен работорговли. Насильно мобилизуют молодых людей.

На добытые алмазы, реализуемые естественно на мировых черных рынках, закупается нелегально оружие. Причем это не только автоматы и пулеметы, но и системы залпового огня и прочее тяжелое вооружение, вертолеты в основном с российскими и украинскими экипажами. Алмазы и другие природные богатства не обогащают страну, но являются экономической базой войны, несущей разорение и смерть большинству населения.

Обширный экскурс приведен для понимания конфликтов Черной Африки. В той или иной мере все они несут типичные «ангольские» черты: «война идеологий – сепаратизм и коррупционное перерождение правительств – межнациональный конфликт – криминальная война».

Вмешательства в такие конфликты извне чреваты «сомалийским вариантом», когда все враждующие группировки прекращают рознь и начинают активную борьбу с интервентами, поскольку те покушаются на саму систему существования полевых группировок.

Стоит «миротворческим» силам уйти, как внутренние конфликты разгораются вновь, ведя страны к деградации и распаду. Положение усугубляется тем, что враждующие стороны имеют возможность приобретать разрушительные средства поражения огромной мощности.

Накопив некоторый опыт, ООН ныне предпочитает комплектовать миротворческие силы в Африке в основном войсками африканских стран, в которых пока царит спокойствие. Но сохранять мир становится все сложнее, поскольку рычагов давления становится все меньше. Самораспустилась Организация Африканского Единства, нарастают межгосударственные противоречия, основанные на требованиях пересмотре границ. Прогрессирует сепаратизм, символом которого стало отделение Эритреи от Эфиопии. Многие государства Черного континента стоят на пороге распада.

Итог плачевен: за полвека в африканских конфликтах погибли миллионы человек, от вызванных войной голода, жажды и болезней еще миллионы. Даже приблизительной статистики никто не вел, но экспертные оценки называют цифры от 4 до 22 миллионов человек. Две Первые Мировые Войны! Увы, эта «латентная мировая война» даже не была замечена мировым сообществом. Лишь иногда сенсационные репортажи выносятся на экран горы трупов – итог вражды «каких-то тутси» с «какими-то хуту».

Однако, как справедливо заметил Славой Жижек, при рассмотрении африканских конфликтов западными СМИ, все время действует правило «исключения третьего». Хотя невооруженным взглядом видно, что все африканские конфликты привязаны к внешним рынкам. Алмазы или столь необходимые для новейших ноутбуков и мобильных телефонов редкоземельные минералы, нескончаемый перечень иных полезных ископаемых вплоть до урана являются предметом нелегального экспорта. В основном объеме эти ценнейшие ресурсы достаются транснациональным корпорациям по бросовым ценам. В обмен закупается вооружения и боеприпасы, нанимаются специалисты по обращению со сложной военной техникой. Условно схема такой войны известна под названием «война сырье в обмен на оружие».

Даже в конфликте «тутси – хуту», унесшим почти миллион жизней, оказались замешаны крупные политические силы. Не так давно всплыла неблагоприятная роль в конфликте самого президента Франции Миттерана в причастности к поставкам оружия франкофонным племенам хуту, воюющим против англоговорящих тутси. Тем самым утверждалась старинная зона французского влияния в Африке.

Однако ни западные СМИ, ни, тем более, международный трибунал в Гааге не обратили внимания на эти вопиющие факты. Точно также не Заира замечается распад на враждующие анклавы, где число жертв тоже огромно.

Подобное безразличие опасно, поскольку в век информационной цивилизации, активных коммуникаций огонь этих конфликтов может легко перекинуться за пределы региона. Сейчас идет латентное накопление горючего материала в странах «золотого миллиарда».

Так большой проблемой, как в России, так и в США и иных странах стала преступная деятельность выходцев из Нигерии. У нас они взяли в свои руки торговлю кокаином, в США «прославились» как непревзойденные махинаторы с кредитными картами.

В руках преступных эмигрантских сообществ постепенно скапливаются средства фантастические по африканским меркам, при этом нигерийцы не утратили связи ни с родиной, ни со своими соплеменниками, кстати, тоже враждующих между собой на религиозной и национальной почве. Речь идет о выходцах только из одной страны! Рано или поздно они, благодаря деньгам, обретут власть и начнут все более влиять на процессы в своих странах. Подобные действия никогда не бывают односторонними.

Теоретическое отступление: «Расовая теория верна – поскольку она неверна».

На тезис расовых идеологов: «негры неспособны к труду, особенно умственному, не в состоянии освоить цивилизационные навыки, склонны к впадению в дикость, потому они низшая раса и их удел - грубая физическая работа под контролем и управлением представителей высших рас», можно дать следующий ответ: возможно для них неприемлема не всякая цивилизация, но цивилизация западного (вернее – «северного») типа.

Аксиома - негры наиболее приспособленная к жарким условиям раса на Земле. И дело здесь не только в «защитном» цвете кожи или анатомическом строении, но во всем жизненном укладе, в способе и стиле жизни, в устройстве психики.

В доколониальные времена, да и сейчас основное негроидное население материка сконцентрировано в районе экватора. В Южной Америке экваториальная часть наименее населена, за исключением некоторых горных областей.

Это места страшной жары и полуденных дождей. Работать, без риска получить тепловой удар, можно только в короткие утренние и вечерние часы, то есть не более половины светового дня – 6 часов. Остальное время остается на вынужденное прозябание, «сиесту». Чтобы прокормиться, работая в короткие часы утра и вечера, надо прикладывать максимум усилий. Отсюда «врожденная взрывная сила негра». На личную жизнь остается ночь, благо в экваториальных широтах она равна дню. Впрочем, климат и почвы позволяют получать достаточные урожаи, чтобы существовать и веселиться, но не столь большие, чтобы накапливался избыточный продукт.

И вот приходят выросшие в холодном климате белокожие люди позволяющем трудиться в поле без перерыва все весну – лето – осень, а зимой заниматься ремеслом в отапливаемых домах. Белые требуют такого же трудового поведения от африканцев живущих в совершенно иных условиях. К тому же трудиться подневольно на собственной земле. Себе белые отводят роль управляющих и надсмотрщиков. Белая цивилизация пришла на землю Африки.

Черная Африка создала как минимум три оригинальные цивилизации: Зимбабве, известную удивительной бронзой Бенинскую культуру и христианскую эфиопскую. Что уже опровергает сам тезис о «не склонности к цивилизации». Есть еще примеры десятка мусульманских султанатов и языческих королевств, успешно существовавших столетиями. На ниве государственности известно несколько попыток создания больших образований вроде «империи Чака» или империи Мали-Тимбукту. Это к тезису о «невозможности негров самостоятельно создать государство и управлять им». На поверку африканцы, как и все другие расы склонны к основанию государственности, но не могут создать и поддерживать жизнестойкость неорганичных для них государств западного типа.

О «лености» негров существует множество свидетельств². Но сам факт особой ценности негров-рабов на протяжении обозримого исторического периода свидетельствует об обратном.

В обеих Америках негры-рабы без особого труда выиграли «трудовое соревнование» как у индейцев, очень быстро погибавших от тяжелого труда, так и у белых. Кстати, находились среди негритянских рабов и искусные ремесленники, и вполне грамотные и одаренные в науках люди, но расовые и классовые барьеры не позволяли реализоваться большинству талантов. Общество белых рабовладельцев их не интегрировало.

6. Однако, это «лень» в европейском, даже в протестантском понимании, точно так же был «ленив» русский крестьянин в глазах немецких колонистов столетие назад.

² однако это «лень» в европейском понимании, точно так же был «ленив» русский крестьянин в глазах немецких колонистов

Для доказательства этого тезиса достаточно упомянуть революцию в музыке XX века, произведенной Луи Армстронгом и всей плеядой черных джазовых музыкантов, изменившей сам образ жизни и мировоззрение 20-х годов, породивших рок-н-ролл, ставший основой молодежной культуры второй половины столетия, «языком» «революции освобождения» 60-х..

Отпущенные на волю, негры возвращались к исконному «негроидному» трудовому ритму и стилю жизни так бесящего европейцев «бездельем».

Вывод: беды африканцев не во «врожденных пороках», но в пагубных последствиях длительного контакта африканского и северного типов цивилизации (не цивилизаций как таковых, но их типов), в достаточно длительном потребительском отношении к расе и континенту, наконец, в самом процессе деколонизации – бросании на произвол судьбы. И современное безразличие, во многом лицемерное, когда покупаются те же алмазы по бросовым ценам и продается из-под полы оружие.

В пользу «климатической» теории говорит следующее: после всей многотрудной истории колонизации, белым удалось освоить только области, климатически более всего похожие на Европу – умеренные и субтропические широты. Чем ближе к тропикам, тем меньше «чистых» европейцев, тем больше возрастает процент метисов и мулатов. Не случайно самой «белой» страной Латинской Америки является Аргентина – страна с наиболее холодным климатом. «Европеоидные» Австралия, Новая Зеландия, США, Канада, Южная Африка, где иногда выпадает снег. Можно говорить об образовании «европеоидных поясов» в умеренных и субтропических широтах обеих полушарий.

Не удивительно. Европейцу чтобы нормально функционировать на экваторе, надо жить на маленьком продуваемом острове в океане. Иначе придется следовать образу жизни негров или постоянно пользоваться кондиционером. Но на улице кондиционер не поставишь. Сами природные условия выдавили европейцев (кстати, расу с наибольшим спектром переносимости климатов, способной выживать в любых широтах от Арктики до тропиков). Всякие чрезмерные усилия в экваториальной жаре и духоте выводят европейца из строя на долгое время. О какой-нибудь продолжительной эффективности его действий говорить не имеет смысла.

Приходится констатировать, что мусульманский тип организации жизни более подходит африканским странам (и то с очень большими оговорками). У негров мало поводов любить европейцев за то, что белый человек сделал с Африкой и африканцами, соответственно, трудно ожидать от них искренних симпатий к ценностям западной цивилизации, а собственные африканские цивилизационные ориентиры и ценности были растоптаны еще в зародыше довольно давно. Остались только национализм, трайбализм лишь отчасти компенсируемый некоторым расовым единством.

Различные попытки создать нечто оригинальное африканское на почве государственности превращались в весьма вольные эксперименты с демократией или социализмом, порой и с различными формами африканского расизма и фашизма. Так или иначе они заканчивались копированием внешних образцов государственности у бывших колонизаторов (например, попытка создания Центрально-Африканской империи). Обращение к национальным истокам неизменно приводило явной или скрытой ставке на языческие культы (вроде вуду) очень часто заканчивавшиеся объявлением некоего президента верховным жрецом, ритуальным канибализмом (Бокасса, Иди Амин) и

бессмысленными массовыми казнями-жертвоприношениями. Странно оказалось узнавать об этом в конце XX века. Но и в начале XXI положение немногим лучше.

Подобно африканским конфликтам развивался афганский, генезис которого отягощалось «исламским фактором».

На первый взгляд исламские войны демонстрировали в классическом виде противостояние «богатые – бедные»: беднейший Афганистан подвергся агрессии промышленно развитой сверхдержавы, влачащее убогое существование палестинцы враждуют с преуспевающими евреями- израильтянами.

При внимательном рассмотрении оказывается, что в большинстве «исламских» конфликтов задействованы капиталы богатых нефтедобывающих стран, а сражающиеся «бедняки» превратились в хорошо финансируемые армии, в инструмент противостояния «богатые против богатых».

Большинство мусульманских нефтедобывающих стран, ранее числившихся в разряде «развивающихся», сумели обложить свои полезные ископаемые рентой на природные ресурсы, оставив нефтедобычу и продажу в руках транснациональных монополий, тем самым избежав политических трений со странами, где находились штаб-квартиры этих корпораций. Постепенное накопление ренты при небольшом местном населении вывели эти страны (прежде всего – страны Персидского залива) в разряд сверхбогатых. Избежав стадии индустриализации, монархии успешно шагнули в стадию постиндустриального общества. Сотни миллиардов нефтедолларов были вложены в экономику Западной Европы и США, принося доходы, сравнимые с доходами от нефтедобычи. Значительная часть поступлений распределяется среди подданных, обеспечивая им уровень жизни даже выше уровня западных стандартов.

За сегодняшним «золотым дождем» все острее встает стратегический вопрос: что дальше? Если в начале нефтяного бума запасы казались неисчерпаемыми, вечными, то сегодня оценка их продуктивности измеряется десятилетиями, максимум полувеком. К тому же структура мирового рынка не дает развиваться природным монополиям, постоянно открывая альтернативные источники (пока что это месторождения нефти и газа в других регионах).

Число нефтедобывающих стран увеличивается, и на долю «не членов ОПЕК» приходится почти половина нефте-газодобычи. «Ход рычага» ценового регулирования ограничен. Что дальше? Деньги в иностранных банках управляются чужими менеджерами, вкладывать капиталы в песок пустынь бесполезно, даже построив прекрасные города и опреснительные установки. Без потока нефти они ничто. Исыскнет нефть – прекрасные города быстро превратятся в руины.

Монокультурность стран Третьего Мира (а по признаку монокультурности большинство стран Персидского Залива относятся именно к Третьему Миру), регулируется, в основном, законами мирового рынка. Развитые страны только используют в свою пользу такое положение дел, усиливая «либеральные» тенденции, свято стоя на своем в борьбе с «протекционизмом», поскольку заинтересованы в обильных источниках дешевого сырья. Механизм ценового регулирования мирового рынка довольно прост, как всякий стихийный процесс: высокие цены на продукт (например, нефть) обостряют его дефицит, приносят сверхприбыли, делая рентабельным затраты на разведку и обустройство новых месторождений в других странах, а нахождение ресурса тоже начинает приносить большие доходы. Начинается бум. Капиталы начинают перетекать в

сверхприбыльную отрасль из иных сфер хозяйствования, которые резко приходят в упадок. Активно привлекаются иностранные займы, приходят компании монополисты мирового рынка (нефтедобытчики, производители сельхозпродукции и пр.), имеющие мощности и опыт разработки, инфраструктуру переработки и транспортировки, и (очень часто эти факторы стоят на первом месте) – огромные капиталы и политическое влияние.

Но достаточно скоро наступает стадия насыщения рынка и падения цен. Страна, переместившая все средства в когда-то сверхприбыльную отрасль, стала монокультурной. Доходы падают. Разорение иных отраслей приводит к зависимости от экспорта порой самых необходимых товаров, потому основные сверхприбыли от монокультуры утекают за границу. Туда же перемещаются прибыль монополий и высокие проценты по кредитам, взятых в расчете на сверхприбыли. Природные богатства не обогащают страну, а становятся ее проклятием. Еще раз напомним, что шейхи Персидского Залива просто обложили поток утекающей нефти рентой. Достаточно долгое время довольствовались примерно 10% доходов. За это время они научились регулировать массу прибыли, устанавливая квоты на добычу.

Главный порок таится в перерождении структуры экономики, в монокультурности. Капиталы из отрасли с упавшей доходностью становятся «быстрыми», готовыми переместиться в иную сверхприбыльную отрасль. Некоторые страны Латинской Америки пережили за свою историю десятки бумов, ориентируясь то на одну то на другую монокультуру, но так и не смогли войти в категорию развитые.

Стихия рыночных механизмов, как всякая стихия, разрушает слабые образования, способствуя выживанию сильных, выходящих (вернее – остающихся) лидерами. Этот закон действенен как для отдельных отраслей, так и целых стран. Всякий хаос самоорганизуется, всякий «полностью свободный рынок» порождает монополии. Страны-победители, в свою очередь, радеют за «либерализм», при этом активно защищая свои рынки. Двести лет развивающиеся страны выдвигают призывы: «Следуйте сами правилам свободного рынка, которые вы установили для нас!» И два столетия их призывы вызывают лишь усмешку. Что там какие-то бывшие колонии? Европе за установление подобных правил, чтобы выработать более-менее честные правила игры между собой, пришлось пройти череду разрушительных войн, Мировых в том числе.

Все развитые страны имеют огромное количество взаимных ограничительных, регулирующих и кооперационных соглашений, составляющих сложную систему. Во внутренней политике проводится жесткая стратегия по датируемости убыточных отраслей (в основном – сельского хозяйства, на каждый килограмм говядины ЕС дотирует 2 евро – 500 е. на одну корову!), и ограничению «бум-отраслей» посредством высоких налогов и административных пут. Стабильное устойчивое развитие предпочтительней резких взлетов и неизбежных падений. Картельные соглашения, сотрудничество и кооперация эффективней «дикой» борьбы на нерегулируемом рынке. И, конечно, эффект от единого фронта защиты собственных капиталов, низких цен на сырье и промышленную продукцию из стран третьего мира не сравним с конфронтацией за экономический передел мира, приводящий к мировым войнам.

ЕС, как высшее проявление этих тенденций, вообще явил миру пример невиданной раньше высокоэффективной интеграции в рамках одной части света. Высшая цель «Единой Европы» – это именно реализованная мирная альтернатива мировым войнам.

В индустриальную эпоху развитая промышленность считалась панацеей от монокультурности. Внутренний рынок удовлетворялся промышленными товарами, а промышленный экспорт позволял закупать дешевое сырье. Эту стратегию переняли «драконы Азии». Так маленькая, лишенная ресурсов Южная Корея смогла выйти в мировые лидеры судостроения, Тайвань и Гонконг стали крупнейшими экспортёрами

бытовой электроники. Но и здесь законы рынка не изменились. Бум электроники распространился на Малайзию, Таиланд, КНР.

Тем временем промышленные страны освоили новый принцип постиндустриального общества: производить и экспортировать не товары, но технологии их производства. Электроника дешевет, на рынке промышленных технологий в начале 90-х наступило перепроизводство. «Драконы Азии» стали промышленными придатками развитых стран. Тем временем постиндустриальное общество сменилось информационным.

Поскольку в сфере руководства размещенными на Западе собственными основными капиталами мусульманские нефтепроизводители сильно ограничены, а вложение средств в песок пустынь малоперспективно, остается борьба за завоевание политического пространства.

Открыто этого делать нельзя. Перед глазами пример иных стран, взявших под полный контроль свои природные ресурсы: Иран, Ирак, Ливия и другие. Все они не избежали «больших неприятностей», став объектами усиленного дипломатического, экономического и военного давления западных стран. В арсенале мусульманских монархий остаются только тайные каналы противодействия.

Первая крупная попытка национализации в начале 50-х закончилась для Ирана военным переворотом, пресекшим национализацию. Вторая попытка, благодаря исламской революции, удалась. Однако почти тут же Иран подвергся военной угрозе со стороны США, а вскоре оказался втянут в войну с Ираком, тоже взявшим контроль над своими нефтяными полями. В обеих странах ущерб от войны и международного эмбарго съел все выгоды от экспорта нефти. В похожей ситуации оказалась Ливия.

Разумеется, на смелый шаг национализации собственных нефтяных богатств могут пойти страны, обладающие известной политической волей. А политическая воля обычно стоит на основе действенной (на данный момент) идеологии, способной сплотить нацию в противостоянии внешним угрозам.

Утверждение этой воли и вполне законное опасения за судьбу своих природных богатств, приводит к локальной гонке вооружений, что, в свою очередь вызывает опасение соседей и ведет к конфронтации. Заполученное богатство требует охраны, что ведет к ускоренной милитаризации, не способствующей столь же быстрому подъему благосостояния. Тем временем, политическая воля, укрепившись внутри страны, начинает все активней изливаться вовне. Разумеется, подобная воля, опирающаяся на идеологию, рано или поздно персонифицируется в лидере, превращающемся из лидера национальной революции сначала в лидера нации, потом - в восточного тирана.

Ливия активно вмешивалась в дела на африканском континенте, Иран поддерживал группы муджахедов и радикальных исламистов, подобным образом за влияние в мусульманском мире боролся Ирак.

Почему же происходит подобное? Этот процесс свойственен не только исламским и не только нефтедобывающим странам. Розыгрыш карты национального интереса неизбежно опирается на национальный эгоизм, противопоставления себя инациональным соседям. Независимая политика, будучи до конца последовательной, приводит противостоянию и с мировым сообществом.

Во времена холодной войны имелась возможность лавирования между двумя лагерями, вводя то элементы социализма, то рыночной экономики, иногда имитируя элементы демократического переустройства общества, причем военную помощь можно было получить практически бесплатно. Впрочем, имея большие нефтяные ресурсы, даже современные вооружения не являлись проблемой. Полновесно платя за них валютой, не надо было расплачиваться политическими уступками во внутренней и внешних сферах.

Чтобы не впадать в зависимость от поставок вооружений от одной страны, имелась возможность комплектовать арсенал комплексно, используя «независимых» поставщиков оружия вроде Франции. В те времена (вторая половина XX века) вопрос о независимых лидерах не стоял остро, особенно в нейтральных, пограничных зонах. Сверхдержавы хозяйничали и смещали неугодные правительства в собственных зонах влияния, не рискуя заходить дальше, пытались манипулировать лидерами наподобие Каддафи, одновременно сами становились объектами манипуляции с их стороны.

В однополюсном мире акценты сместились: ситуация сильно упростилась, кристаллизовав изначальный источник противоречий.

Защита национального интереса (т.е. национальной экономики, уклада жизни, языка, религии) при определенных условиях приводит к «схлопыванию» внешнеполитической ситуации.

Механизм его выглядит так:

Необходимость контроля над ресурсами страны ведет к их национализации, что вызывает «ущемление интересов» транснациональных корпораций. В качестве ответных мер начинаются обвинения в попрании прав собственности и нарушении «либеральных» правил мировой торговли (при этом никого не смущает нахождение в руках государства или его тотальный контроль над добычей нефти и газа Норвегией или Англией). Следуют первые ответные экономические санкции, что, в свою очередь, приводит к необходимости еще жестче контролировать национальные ресурсы, уже неэкономическими методами.

Следующий шаг - обвинения в «не демократизме» режима, применение широкомасштабных изоляционистских санкций в политической, экономической, информационной и культурной сферах. Развязывается мощная информационная кампания, перерастающая в информационную войну.

Та самая политическая воля, персонифицированная в лидере, приводит к «смещению фокуса». Мало того, что диктатор в подавляющем большинстве случаев считает себя воплощением интересов нации, вызванное санкциями ухудшение материального положения приводит нацию к ощущению надвигающейся войны, осажденного лагеря. В «тиране» нация начинает видеть своего единственного естественного защитника и спасителя. Одновременно образ диктатора за рубежом начинает затмевать (в случае эскалации информационной войны) образ страны, происходит слияние понятий, выстраивание негативных понятийных цепочек типа: «Ливия – Каддафи – терроризм», «Ирак – Саддам – агрессия», «Югославия (Сербия) – Милошевич – этнические чистки».

Спираль раскручивается. Теоретически санкции нацелены на слом воли, на экономическое изнурение страны, ее обескровливание. Народу как бы предлагается во избавление от экономических бед самому свергнуть диктатора.

В реальности санкции действуют с точностью до наоборот. Парадокс санкций в том, что они могут быть эффективны только против демократической страны, где народ имеет возможность более-менее свободно сместить правительство. Но вводить санкции демократического сообщества против демократической страны абсурдно как сточки

зрения права, так и самой сути международных отношений. Бессмысленно наказывать того, кто ничего не нарушал.

Усиление давления создает угрозу существованию режима, личной власти диктатора, который начинает «закручивать гайки»: проводить широкомасштабные репрессии оппозиции, приводящие к ее полному истреблению или изгнанию. Народ лишается всякой реальной возможности сместить диктатора. Как правило репрессии против оппозиции активно поддерживаются большей частью населения, которое само активно доносит друг на друга, само «сажает» оппозиционеров, поскольку воспринимает их не как врагов диктатора и борцов за свободу, но как предателей интересов всего народа, родины, находящейся в условиях потенциальной войны. Одновременно атмосфера «вынужденных репрессий» рождает страх, создает внутренне поле произвола властей. Диктатору уже некуда отступать: «демократизацию» режима не простят ни враги, ни друзья.

Санкции становятся частью экономической войны, предтечей войны «горячей». Сроки санкций растягиваются на десятилетия, замыкая страну на себя, заставляя жить в условиях автаркии.

Так режим санкций против Ирака привел к сокращению средней зарплаты в стране с 700 долларов в середине 70-х до менее 10 долларов в начале 21-го века. С учетом инфляции падение составило более чем в 150 (сто пятьдесят!) раз. Но режим устоял, несмотря на восстания шиитов и курдов, несмотря на сокрушительное поражение во время «Бури в пустыне», несмотря на последующие жесточайшие санкции, сумел продержаться еще 12 лет. Сместить его смогло только прямое крупномасштабное вторжение, совмещенное с крупномасштабной тайной операцией по подкупу верховных чинов Баас.

Обосновано предположение, что санкции против Ирака способствовали консервации режима и, несмотря на «мягкую» форму, привели к огромному количеству жертв. По оценкам международных комиссий за это время от недостатка медицинской помощи и недоедания умерло около 1 миллиона младенцев. Ужесточение режима обернулось уничтожением десятков, если не сотен тысяч оппозиционеров, геноциду курдов и шиитов.

Отмена санкций могла привести к гораздо более ощутимым политическим результатам. В режиме санкций все денежные потоки сосредоточились в руках семьи Саддама, а вместе с ними способствовали концентрации власти, еще большей зависимости населения от воли диктатора. В иных, «либеральных» условиях капиталы распределялись бы по иным принципам, обогащая «средний класс» и разлагая коррумпированный режим. Внутренние распри из-за капиталов и оппозиция, имеющая в руках достаточные средства, способствовали бы более быстрому падению старой власти. Но после «Бури в пустыне» мировое сообщество не могло не устроить «показательную порку» диктатуре, не могло не наказать его.

Правовой вакуум образуется не только внутри страны, но и на международном поле. Санкции автоматически приостанавливают членство страны во множестве международных организаций. Тем самым утрачиваются многие рычаги воздействия на ситуацию. Приостанавливаются или вовсе перестают действовать система международных договоров. Страна выводится из поля международного права, но при этом ее национальные интересы не меняются. Сидя на бочке с нефтью в окружении врагов, имея острые потребности в вооружениях, технологиях, даже в продовольствии и медикаментах, никому не подконтрольный диктатор поневоле реализует возможности теневых международных отношений.

«Бочка нефти» – в данном случае понятие условное. Руководство страны отыскивает лакуны мирового рынка и активно их заполняет с целью заполучить столь необходимую валюту для возобновления ресурсов, которые, в большинстве своем будут потрачены на оборону. КНДР экспортирует ракеты, Приднестровскую республику не раз «ловили за руку» на производстве и тайной торговле оружием. Санкции вольно или нет, выталкивают страны в область нелегальной или полулегальной торговли. Можно ли объяснить такой эффект только «недальновидностью»? Возможно, стратегия изоляции изначально нацелена на конечную вооруженную конфронтацию?

Важнейшим фактором отчуждения становится «идеологическая оболочка режима». Не случайно в американский список «стран-изгоев», врагов демократии попали режимы, выработавшие собственные оригинальные политические идеи. Югославия при Милошевиче очень часто ее врагами называлась «коммунистической», хотя там поменяли «коммунизм» на «национализм» не отказавшись полностью от социалистического «наследства Тито». Не стоит забывать, что при маршале Йосифе Броз «Тито» Югославия стала инициатором Движения Неприсоединения, т.е. имела амбициозные намерения играть ведущую роль именно в Третьем Мире. Достаточно длительное время движение имело определенный успех, лавируя меж Сциллой и Харибдой, пока не рухнула одна из скал. Но окончательно «добить» движение удалось, только уничтожив ее лидера – Югославию.

Пример с Движением Неприсоединения демонстрирует механизм самосохранения режимов одиночек. Представляя из себя не слишком крупные объекты и субъекты мировой политики и экономики, они продуцируют или редуцируют особые идеологические ниши. То есть выдвигают оригинальную идеологию, на основе которой можно создать коалицию.

В свое время США организовала экономическую и политическую блокаду Кубы, стремясь изолировать ее, прежде всего, в Западном полушарии. Стратегическим ответным ходом Фиделя стал военно-политический союз с СССР. Понимание, что счастье не может длиться вечно, что удача в любой войне, в том числе и в «холодной», переменчива, заставило кубинцев предпринимать шаги к прорыву блокады и привлечению на свою сторону соседей. От неуклюжих попыток экспорта революции режим перешел к успешному розыгрышу протестной карты.

В 60-е годы Латинская Америка представляла паноптикум диктаторских режимов, поддерживаемых США, заповедник для американских транснациональных корпораций. Объединив идею освободительного движения с идеей экономической независимости, с лозунгами избавления от засилья и всевластия корпораций Кубе удалось найти сочувствие на континенте, а с последующей демократизацией режимов заполучить политические симпатии правительств. Изначально находясь над пропастью, Кастро во многом удалось заполнить политический вакуум под собой, а Кубе оказаться одним из организаторов движения за «новый экономический порядок». Следствие такой политики: санкции против Кубы оказались не поддержаны мировым сообществом, потому недейственными. Что позволило режиму после 91-го года переориентироваться в торговле с СССР на Европу, сохранив независимый политический курс. Если бы этому курсу не сочувствовали или не разделяли многие страны, у Фиделя в борьбе с США было бы еще меньше шансов, чем у Саддама Хусейна. Пример авторитарной социалистической политики, оказавшейся успешной по латиноамериканским меркам (сравнительно высокий для ЛА уровень жизни в первую очередь за счет развитой социальной сферы, и, что немаловажно для региона – распространение ее на все население), стал заразительным. Поначалу его пытались реализовать сандинисты, сегодня – руководители Венесуэлы и Боливии. Он вызывает сочувствие и в иных странах Латинской Америки, особенно после провала либеральной

модели в Аргентине. В годы тесной дружбы с СССР пытался представить свою идеологию ортодоксально коммунистической, он все равно не вписывался в существующие конструкции (советская модель, «народная демократия») и был назван теоретиками марксизма-ленинизма «народной ассамблеей». Последние два десятилетия указывают на известную оригинальность идеологии Кубы, представляющую синтез коммунистических и популистских идей. Так или иначе, подобная идеология оказалась более органична для политической традиции региона, большую часть времени жившей при диктатурах. Она заняла нишу в политическом сознании латиноамериканцев между отчужденными от национальных интересов авторитарным диктаторами - марионетками ТНК и навязываемой западной демократической моделью, где роль лидера нации нивелирована, а личности – «атомизирована». Более того, именно развитие социальной сфера делает «фиделизм» привлекательным для огромных масс бедняков в этих странах.

Лидер КНДР Ким Ир Сен в свое время выступил автором незабвенной идеи «чучхе»: опорой в построении социализма на собственные силы. В некоторой, хотя и незначительной, мере нашел отклик среди лидеров бывших колоний, лишенных ресурсов. С претензиями на построение особого «арабского» социализма, изложенными в «Зеленой Книге», выступал Каддафи.

Даже саддамовский Ирак представлял реликт межарабского движения БААС – «Партии арабского социалистического возрождения». Если слово «арабский» интерпретировать в общий смысл понятия, то получится «национальный», то получившееся сочетание удивит своей похожестью названия на известную германскую «рабочую» партию 30-х годов. Что не так далеко от истины: в идеологию баасизма действительно вошло многое из идеологического наследия нацизма. Впрочем, даже в свои лучшие (70-е) годы расцвета БААС СССР и США не заостряли на этом аспекте внимания. Сегодня идеология баасизма находится в положении исторического трупа. Тем не менее, до недавнего времени она лежала в основе построения государства, на ее идеологическом базисе устраивались революции. Добывая саддамовский режим, «демократии» добывали баасизм.

Сегодня основной мусульманской идеей является исламский фундаментализм, особенно в интерпретации иранских шиитских религиозных лидеров. Вот уже три десятилетия его идеи находятся под прицелом сверхдержав.

Давнее разделение на шиитов и суннитов в значительной мере разобщает исламский фронт. Сунниты тоже подняли на щит свою радикальную версию ислама – ваххабизм, который, несмотря на почти двухсотпятидесятилетнюю историю, в новую эпоху начал приобретать большое влияние.

Ваххабизм по сути является формой обновления ислама аналогичной протестантизму в пору его становления. Все те же лозунги «возврата к первоначальной сути», аскетизму, «очищению веры от мирских наслоений» и прочее. Как во времена Лютера и Кальвина является реакцией на изменение мира или, как сказали бы марксистские теоретики: «религиозным ответом на развитие товарно-денежных отношений и становлением нового класса». Хотя подводить экономический базис под изменения религиозной надстройки не всегда корректно. Уместней говорить об изменении всего мира, его картины в умах людей.

Сегодня цитаделью ваххабизма стала Саудовская Аравия - самый преданный союзник США в зоне Персидского залива. Клан Саудитов прекрасно понимает, что не только открытый конфликт, но даже обострение отношений с США для них означает крах. Как отмечалось выше, основные саудовские капиталы обращаются на Западе, даже

ограниченные санкции со стороны одной Америки приведут к замораживанию гигантских счетов, остановку контрактов и потока разнообразных процентов и дивидендов. Т.е. потерей большей части национального капитала.

В подобном же положении находятся остальные монархии залива. Все они вынуждены мириться с военным присутствием американцев на своей территории, формально поддерживать все акции Пентагона.

Являясь держателем огромных свободных средств, страны Персидского залива становятся центром притяжения соискателей помощи как «бедных» мусульманских стран (в основном на отдельные конкретные проекты), так и лидеров радикальных мусульманских организаций. Арабские нефтедоллары в немалой степени цементируют вечно враждующие между собой страны, вынося конфликты на периферию, в ту же Африку или Афганистан. Под видом благотворительности средства инвестируются в политику, на покупку влияния, в конечном итоге - на переустройство мира посредством всеобщей исламизации.

Гласно и негласно огромные деньги направляются в благотворительные фонды поддержки единоверцев, откуда растекаются по мусульманским общинам во всем мире. А к руководству многих из них стремятся или уже пришли радикальные лидеры.

Немалая часть этих средств попадает в руки террористов, как в Палестине, так и в иных частях света.

За формальными призывами взять под контроль финансовые потоки террора, очень часто не стоят реальные действия. Причин здесь несколько:

Во-первых, это не так легко, поскольку большинство сделок в мусульманском мире принято заключать только на словах, потому «разделить» безличные потоки сложно.

Во-вторых, часть исламских террористов, ведя борьбу с конкретными субъектами, объективно отстаивает геополитические интересы «главного своего врага», то есть Америки. Наиболее яркие примеры: «Армия освобождения Косово» и боснийские мусульмане, позволившие расчленив Югославию и навязать ей войну. Нестабильность в Чечне, на всем Северном Кавказе «нейтрализует» Россию на внутренней и международной аренах. Не случайно многие лидеры чеченских «инсургентов» (как принято называть их в западной прессе, подменяя термин «террорист» более нейтральным «повстанец») пользуются поддержкой международных правозащитных фондов.

Аналогично работает против Индии «кашмирский узел», против Китая - синдзянские сепаратисты. Подобная «близорукость» дает США возможность влиять на обе стороны палестино-израильского конфликта, вмешиваться во внутренние дела Филиппин и иных стран.

В-третьих, сколько-нибудь серьезное разбирательство с источниками финансирования исламского террора неизбежно приведет к главным банкирам, что потребует санкций, даже военного вмешательства, чем окончательно опрокинет весь мировой топливный рынок и сильно подорвет основы финансового.

Тайное финансирование мусульманского терроризма с экономической точки зрения несет несколько функций.

Первая - «оборонная». Защита от политического усиления в регионе западных стран, прежде всего США, защита своих экономических интересов политическим путем. Возможность нанесения ответных анонимных ударов при всевозрастающем открытом военном давлении США.

Вторая - «диверсионная» (на языке военной стратегии «диверсия» – отвлекающий удар). Создание очагов нестабильности, способствующих выдавливанию западных капиталов из региона. Отвлечение вектора политического противостояния на борьбу с мировым терроризмом, от прямого противостояния с нефтедобывающими странами. Парадоксальным образом страны «спонсоры» мирового терроризма, формально становятся союзниками США в этой борьбе.

Третья - «наступательная». Вложение средств в исламский радикализм это вложение средств в собственное политическое будущее. Ведь привязав к себе группы борьбы, можно без труда влиять на их политику, а возможные будущие завоевания и государственные образования неизбежно станут сателлитами богатых исламских стран.

Четвертая - «геостратегическая». Рост мусульманской диаспоры в развитых странах, ее присутствие практически во всех странах мира в положении «бедного меньшинства», при условии распространении в ней радикального фундаментализма, дает очень выгодную возможность «взорвать изнутри» ситуацию в этих странах. Если до создания мощной «пятой колонны» в реальности еще далеко, то уже сегодня можно успешно спекулировать в политических играх самой вероятностью подобного взрыва.

Активный демографический рост мусульман выстраивает «радужную» перспективу превращения меньшинства в большинство. Хотя мусульманское меньшинство уже в силу религии частично отгорожено от окружающего их мира, терроризм здесь выступает сильным фактором дополнительного отчуждения, вызывая недоверие коренных жителей ко всем мусульманам, сплывая последних и заставляя искать поддержку у единоверцев за рубежом. Кошельки для подобного «участия» всегда остаются открытыми.

Стратегия «ползучей экспансии» характерна не только для исламского мира. Часто обвиняют в ней Китая (очевидно небеспочвенно) и некоторые иные страны, активно поощряющие экономическую эмиграцию. Успех эмигрантов на «новой родине» позволяет лоббировать свои геополитические интересы.

Особый вид конфликтов последнего десятилетия XX века – конфликты распада социалистических стран.

Распад системы социализма был вызван эрозией основы ее построения – идеологического базиса. Поскольку как борьба коммунистов против капиталистической системы, так и построение нового общества шло на основе научной теории, ставшей политической идеологией.

К концу 60-х годов XX века основные пункты программы коммунистического строительства были выполнены: создано индустриальное общество с обобществленными средствами производства. Рабочие (трудящиеся вообще) получили все, что предполагалось столетие назад: недорогую еду и одежду, бесплатные жилье, социальные блага, образование. Более того, было достигнуто социальное равенство (выделялся только слой партноменклатуры).

Коммунисты выполнили все, что обещали по большому счету. Предложить что-то еще кроме мифического (утопического) коммунистического будущего было нечего. Социализм утратил динамику, лишился большинства внутренних стимулов развития. Наступил глубокий идеологический кризис.

Не удивительно, что к концу 60-х множество теоретиков марксизма-ленинизма отошли от ортодоксальных коммунистических воззрений, начав идейный дрейф в сначала сторону социал-демократии, затем и западного либерализма.

Подобный упадок был заложен уже в основах «научного коммунизма» - поскольку он являлся «учением об освобождении пролетариата», и базировался на реалиях и тенденциях развития XIX века. К середине следующего столетия «классический» пролетариат в развитых капиталистических странах почти перестал существовать – он сохранился в странах «третьего мира». Изменилась социальная структура капиталистического общества, хотя сущность осталась прежней.

Построенный реальный социализм реализовал главные положения политической экономии Маркса, и на практике столкнулся с известными aberrациями его теоретических построений. Так выделение примата производства создало промышленность, ориентированную на количественные показатели произведенной продукции. Трудовая теория стоимости, взятая Марксом как известная научная абстракция, снижала значение меновой и потребительной стоимостей товара.

Будучи широко приложена к практике, эта aberrация обернулась тем, что оплата шла за затраченные рабочие часы, а не за конечное качество и реальную полезность продукции. В итоге огромный промышленный потенциал производил вал предметов, трудозатраты на которые оказывались слишком высокой, а реальная потребительная стоимость низкой. Политэкономическая теория социализма зашла в тупик, застыла в выборе пути насильственного стимулирования развития или введения рыночных элементов в плановую экономику. Политэкономисты отлично понимали, что «элементами» дело не ограничится.

Не уделили особого внимания в трудовой теории стоимости классики марксизма и специфике умственного труда. Вполне понятное для середины XIX века «упущение» обернулось в эпоху НТР существенным социальным расслоением, приведшее на западе к образованию «среднего класса», и «интеллигенции» в лагере социализма. Причем довольно многочисленного, фактически противостоящего как страте управленцев, так и классам «физического труда». Именно этот класс более остальных отвергал официальную идеологию, поскольку по своему определению предназначен создавать новое и отвергать старое.

Эти «просчеты теории» возникли не от того, что Маркс с Энгельсом что-то не успели продумать, проработать, написать – а потому, что таковыми были базовые постулаты закладываемого ими научного базиса, непротиворечивые сами себе и своей совокупности.

В базовых постулатах ортодоксального марксизма не учитывались реалии длительного существования коммунистического движения и реального социализма, активно изменявшего мир. Мало того, что предположение о мировой революции оказалось в корне неверным. Ни Маркс, ни Энгельс не создали сколько-нибудь внятной модели построения собственно коммунистического общества. Ленинская модель, как модель практическая, отвергла многие положения классиков, для того чтобы идея построения социалистического общества могла осуществиться на практике. То есть адаптировал идею к реальным условиям, в данном случае России – страны с мощным, на то время сословно-бюрократическим и феодальным наследством.

Практика показала, что построение «коммунизма вообще» невозможно в принципе, его можно только адаптировать к конкретным странам, получив некий симбиоз, в той или иной мере отвечающей традициям государственного строительства и национального характера. Поэтому, в России получился «советский социализм», прошедший как

«ленинскую» - «революционно-демократическую» стадию, так и тоталитарную сталинскую, и конечную «прагматическую» - «застойную». В Китае революционная и тоталитарная фазы оказались изначально слиты в маоизме, а позже размыты рыночными реформами Ден Сяо Пина. Югославская модель смогла пройти все три стадии при одном вожде – Тито.

Однако строгие приверженцы революционной части теории Маркса, прежде всего Троцкий, до конца дней пытались следовать изначальным постулатам о мировой революции, и породили целый конгломерат левацких направлений. С самого начала марксизм разделился на множество течений, с бесконечным числом политических программ и методов их реализаций.

Коммунистическое учение выдержало несколько крупных трансформаций, сначала, будучи легальным политическим течением, потом учением о социальной революции, о построении социализма (тоталитарная фаза), учение о мирном сосуществовании. Этот долгий и сложный путь, масса направлений от ультра-левацких до социал-демократических, опробовал на практике большинство вариантов реализации коммунистической теории. Тем самым многие положения теоретического базиса оказались исчерпанными.

Как всякое явление, основанное на научном базисе, коммунизм требовал постоянного научного обновления, лишившись его, он был обречен на деградацию³. Ученые-теоретики в СССР и других странах превратились в сервильную прослойку, обслуживающую текущие политические интересы правящих коммунистических партий.

Первым последствием идейного кризиса ощутил управленческий слой – и начал перерождаться в буржуазно-бюрократический класс. Именно в его недрах вызрел проект «Перестройка» по демонтажу всей социалистической системы.

Парадоксальным образом «холодная конфронтация» была одним из главных стимулов развития противостоящих систем. Ускоренный рост промышленных и научных потенциалов обуславливался опасностью крупномасштабной войны, порождавшей гонку технологических вооружений. Следствием стали невероятные прежде инвестиции в промышленность, науку, образование требовавшие быстрых действенных результатов в виде новых поколений вооружений и создания передовых технологий их производства.

Одновременно проявилось «выдавливание конфликта на периферию» - в данном случае в «мирное соревнование». Что позволило совершить скачек в авиации, освоение космоса, электронике и вычислительной технике, энергетике и многих иных ключевых отраслях. Очередной парадокс: современная технологическая и информационная цивилизация является своего рода «побочным продуктом» полувековой гонки вооружений. Хотя в основных теоретических построениях ВПК выводится как «дополнительное звено» существующего научно-промышленного потенциала.

Достижения в области военных технологий быстро конверсировались в гражданские отрасли, в целом повышая мировой научно-технический потенциал. Но и здесь сказывались последствия утраты стимулов внутреннего развития. При социализме

³ «Выработав» свой базис, марксизм, тем не менее, не утратил своей аналитической, критической и моральной актуальности. Крушение СССР позволило объявить антикоммунистам, что марксизм «выброшен на свалку истории» (говоря словами самих марксистов). Однако череда кризисов последних двух десятилетий заставила вновь обратить внимание на «Капитал» и другие работы классиков марксизма, не только теоретиков, но и массовой западной аудитории. Активно начал завоевывать позиции в философии, социологии и массовой психологии неомарксизм.

внедрение достижений ВПК в гражданские отрасли шло медленно, в основном директивными методами.

К тому же тяжелое бремя вооружений Варшавского договора СССР нес практически в одиночку, что вызывало слишком большие диспропорции в экономике, становясь тяжелым бременем для населения. Остальные страны хоть и имели военную промышленность, но она ни в какое сравнение с советским потенциалом не шла, а затраты восточноевропейских стран на оборону компенсировались льготными ценами на энергоносители из СССР.

Противостояние враждебных лагерей до определенного времени цементировало и идейные базисы систем. С начала XX века идеология превратилась в действенное политическое оружие. Потому хранить «единство рядов» и «верность идейным основам» - сделалось непреложным условием существования.

Даже соблюдавшие ритуалы демократии страны НАТО, провозглашавшие свободу мнений и политического самовыражения личности, одновременно подвергли жесточайшему остракизму коммунистическую идеологию.

Еще более жесткими были политические кондиции в коммунистических странах. Всякое отклонение в идеологии считалось политической диверсией и жестко пресекалось. Идейный кризис вызвал раскол в мировом коммунистическом движении. С одной стороны четко обозначилось противостояние ультра-левый маоистский марксизм – ортодоксальный советский, с другой – либеральный «еврокоммунизм» - «реальный социализм». Попытки перестройки коммунистической идеологии в либеральном ключе по образцу «пражской весны» оказывались подрывом всей системы социализма, что потенциально вело к ее распаду, и проигрыше в «холодной войне». Потому подобные попытки резко пресекались извне. До поры, пока «пражская весна» не повторилась в СССР.

Другим парадоксом противостояния систем оказался дрейф капиталистической системы к социализму. СССР явил пример реализации множества идей управления обществом и экономикой. Впервые полномасштабно были решены многие социальные вопросы. Это было первое в истории государство, провозгласившее и реально взявшее на себя социальные обязательства перед народом. Что явилось примером для массового левого и профсоюзного движения во всем мире.

В классической марксистской трактовке это интерпретировалось как «опасаясь социальной революции, буржуазия вынуждена идти на уступки». Такое действительно случалось при слишком остром накале внутрисоциальной борьбы, но довольно редко. В реальности все было несколько сложнее: широкое левое движение периодически приводило политиков социалистического толка к власти (чаще всего на коллегиальной основе с иными силами), и они реализовывали свои политические программы. Параллельно рабочее движение профсоюзов добивалось значительных уступок от работодателей, и, что стало нормой, в последствии закрепленной законами.

Кризисы и мировые войны заставили измениться систему управления капитализма, заимствуя опыт централизованного управления экономикой. Поначалу в виде кейнсианства, позже во множестве иных форм управления экономикой вплоть до перевода целых отраслей экономики в государственную собственность. Процесс, который Гелбрайт назвал «социализацией» капиталистической экономики.

Произошла «ползучая конвергенция» социализма в капитализм, современный капитализм превратился в симбиоз двух систем. В то время, как социализм утрачивал

динамику, капитализм приобретал ее за счет вмещения в себя элементов социалистической идеологии и конструкций реального социализма. Парадоксальным образом интегральный рост внутреннего благосостояния развитых стран и социальной сферы вел к прогрессу капиталистической системы в целом: рост доходов трудящихся расширял внутренний рынок, пенсионные фонды явились мощными резервными источниками финансирования, а развитая система социальных и правовых гарантий демпфировала социальное недовольство.

С этого периода стратегическое противостояние двух систем было проиграно коммунизмом.

Начался распад системы социализма. Не стоит забывать, что происходил он в условиях конфронтации, и был усугублен прямыми действиями враждебного лагеря по развалу социалистических государств и их государственного строя. Прежде всего, в идеологической и внешнеэкономических сферах. Потому крах «коммунистического колоса» произошел почти молниеносно – слишком много сил было заинтересовано в этом крахе.

Выход их идейного кризиса смог найти лишь Китай, начавший свою перестройку на 10 лет раньше СССР. КПК удалось сохранить незыблемой основу – идеологический базис, сосредоточив усилия в области экономических реформ, что привело к расцвету экономики и росту экономического благосостояния населения. То есть китайцам удалось осуществить конвергенцию с капитализмом.

Как говорилось выше, на современном этапе идеология коммунизма в Китае проходит трансформацию – в нее включаются элементы традиционных китайских ценностей, в том числе религиозных. Китайский народ сделал навязанный сверху выбор: экономический рост и социальная стабильность в обмен на отказ от политических изменений по западному образцу.

Остальные страны, в большинстве своем, постигла печальная участь. Хотя многим странам Восточной Европы, в известном смысле повезло – Единая Европа взяла под опеку своих бывших противников в основном из геополитических и социальных резонов. Наличие большого числа стран в центре Европы с разгорающимися конфликтами и нарастающим социальным недовольством грозило опрокинуть весь европейский порядок.

Тем не менее, крах социалистических государств имел типологические черты.

Применительно к развитым социалистическим странам, сложно говорить о сколько-нибудь значительных различиях «богатый – бедный» между сторонами. Одной из характерных черт социализма являлось выравнивание (или уравнивание) имущественного положения граждан. За исключением незначительной верхушки номенклатуры богатых практически не было, бедных тоже (численность прослойки «бомжей» и «бичей» были сильно преувеличена в годы так называемой Гласности, и оказалась совершенно несравнимой с теперешним уровнем, выросшим более чем в сотню (!) раз).

Не в относительном советском (уровень личной собственности), но в абсолютном – капиталистическом значении терминов. Т.е. «бедных»: лишенных всякой личной собственности или источников доходов, равно как и богатых в капиталистическом понимании. За исключением отдельных «теневиков» никто не обладал капиталами, приносящими прибыль, накапливаемую в предметах роскоши. Богатство давалось исключительно из рук Партии и Государства за «службу» и столь же легко могло быть изъято.

Разница между социальными слоями могла оцениваться в разы, но не в десятки и даже тысячи раз, как при теперешнем положении вещей.

Например, в СССР уровень жизни прибалтийских республик, закавказских и среднеазиатских отличался разительно, но внутрирегиональный был примерно одинаков. Более того, удаленные регионы контактировали между собой не иначе как через Центр (Россию) и влияли друг на друга только опосредованно. Подобная разница никак не могла привести к конфликту между регионами, но вызывала стремление к отторжению от «империи» (от России).

Конфликты разгорелись внутри регионов на межнациональной основе. Вернее, они приняли форму межнациональной розни. Кризис СССР затронул все стороны жизни, в первую очередь экономическую. Поскольку при социализме не существовало истинно богатых и истинно бедных, то поначалу все экономические трудности раскладывались «интегрально», сразу снижался уровень жизни основной массы населения, что являлось немаловажной причиной одновременного массового недовольства.

В тоже время социализм приучил к длительному отсутствию реальной политической жизни, заменив ее формализованными ритуалами проявления «единства партии и народа». Причем в руках у «народа» имелось не так уж много рычагов влияния на власть. Хотя все-таки были, но действенность их убывала по мере восхождения к вершинам власти.

Уже где-то на уровне райкомов партии это влияние исчезало полностью, влиять же на государственную политику простые граждане не могли. Десятилетия коммунистической пропаганды выработали в массах стойкий иммунитет не только к социалистическим лозунгам, но к идеологии вообще. Религия была в загоне, священники находились под контролем аппарата и на первоначальном этапе не могли оказывать сколько-нибудь существенное влияние на политические процессы.

Диссиденты, сколь много заслуг они не приписывали себе позже, не являлись организованной, тем более конструктивной силой. И не могли таковой стать, поскольку в качестве приоритетов борьбы они избрали деструктивные задачи, считая основной целью разрушение господствующего строя, идеологии, государства.

Большинство ветеранов диссидентского движения считают разрушение СССР своей личной заслугой. Мнение «несколько самонадеянное», чего-то радикального они совершить не смогли за исключением донесения до «широких слоев интеллигенции» альтернативной информации, что при всеобщей оскотинке к официальной пропаганде оказалось не так уж трудно сделать, особенно с помощью западных «союзников» в условиях крупномасштабной информационной войны.

Что случится после крушения социализма, им представлялось не вполне отчетливо. Возникло некое утопическое представление, что если «социализм отменить», то все устроится само собой: наступит капитализм, «невидимая рука рынка» все сама собой расставит по своим местам. Все будет «как на Западе»: забитые товарами супермаркеты вкупе со свободой и демократией. Потому всякое действие «ближе к Западу» всегда представлялось лучшим из возможных вариантов. Просто надо рабски перенять всё, «скопировать лучшее» (что вообще-то не сильно вяжется с понятием «свобода»). Созрел некий миф о «рае на земле» под названием «Запад».

До начала 90-х диссиденты не смогли создать серьезной политической организации, пользующейся всенародной поддержкой (не считать же таковыми «межрегиональную депутатскую группу», «ДС» или общества «Гласность» и «Мемориал»), выдвинуть конструктивную программу преобразований.

Всякий раз они переиначивали свои планы при отступлении власти на очередной шаг, пока события не покатались совершенно стихийно. Диссиденты только следовали за ними, раздувая истерию, «хороня режим». Не удивительно, что они так и не смогли заполнить собой политический вакуум, образовавшийся после августа 91-го⁴.

Ухудшение условий жизни, разложение властных структур, в том числе правоохранительных органов заставляет людей самим начать бороться за выживание, в том числе политическим путем. Для политической борьбы нужна консолидация в общности, для консолидации - идеи единения и действия.

Потому почти единственным способом идентификации по принципу «свой - чужой» стала национальность, а национальные идеи основным ядром новой политической консолидации. Возник второй политический миф, превратившийся в идеологию – о «счастливом» национальном прошлом, о кратких мигах государственной независимости советских республик, что именно тогда все было «идеально».

Даже в наиболее близких к Европе прибалтийских республиках, требовавших либерализации и «введения капитализма», в конце концов, лозунги националистические и сепаратистские возобладали над остальными. Требования независимости и выхода СССР сделались первоочередными и главными в политической борьбе. «Не важно, какого ты политического спектра - важно, «за» или «против» русских». Миф о «счастливом национальном прошлом» слился или победил (как в Средней Азии) миф о «счастливом Западе».

Два параллельных процесса: ухудшение качества жизни и «демократизация» привели к недемократическим последствиям – вооруженным конфликтам. «Демократизация» на деле оказалась ослаблением давления центральной власти, что, в свою очередь предоставило свободу действий на местах, причем в любых формах: как законной, так и противозаконной.

Наименее болезненно этот процесс произошел в республиках с высоким уровнем жизни. Например, в Прибалтике. Хотя и там возникли серьезные межнациональные противоречия между гражданами и «не гражданами» приведшими к широкомасштабному попранию прав человека. В свою очередь тамошние диссиденты переняли националистическую риторику, и успели войти во власть «первого призыва независимости».

Примечательно, что в мононациональной среде национальная идея не приобрела решающего значения, поэтому в качестве политических ориентиров востребованы идеологические лозунги.

Подобная ситуация сложилась в Таджикистане, отгороженном горами от иных среднеазиатских республик. Изначально в душанбинском «противостоянии площадей» демократические лозунги противопоставлялись коммунистическим.

Чуть позже в «голосе демократической общественности» стали слышны призывы к мусульманской революции. Вскоре прозвучали выстрелы, пролилась кровь. Идеологические лозунги еще сохранялись, но все более явственно выявлялись

⁴ Характерно, что свою протестную роль диссиденты сохранили и при новом режиме в России. Дистанцировавшись от власти, они принялись за её критику, ориентируясь на «западные стандарты свободы и демократии».

Даже войдя во властные структуры, они продолжали проводить антигосударственную политику, наиболее характерной реализацией ее стала деятельность правозащитника Сергея Ковалева. Ныне они следуют мифу, что «путинский режим» есть закамуфлированный советский.

По сути, диссиденты продолжают неустанную борьбу уже с призраком, с которым привыкли бороться на протяжении всей жизни, и которого не существует 2 десятилетия. Но пока существуют силы, находящие выгоду в их деятельности, эти реликты будут существовать.

противники, произошло столкновение двух кланов: «кулябцев» и «ленинабадцев». Жестокость внутринациональной гражданской войны не уступала межнациональной резне в иных регионах. Разрушалась инфраструктура, на первый план в «реалполитик» вышли полевые командиры. Исламистский крен конфликту придало вмешательство афганских муджахедов, по следу которых пролег наркотрафик. Налицо все признаки «деградации конфликта», замороженного вмешательством России.

Впоследствии аналитики, анализируя причины таджикского конфликта, пришли к выводу, что в основе его лежит «относительное сельское перенаселение», т.е. его взрывной рост населения при ограниченности основного ресурса – орошаемых возделываемых земель. Излишек голодных ртов и рабочих рук вызывал внутренние миграции, породил раскол между «местными» и «пришлыми». Стоило предоставить людей самим себе, как они принялись «решать противоречие», пойдя по пути эскалации конфликта.

В России (исключая национальные окраины) процессы тоже приняли обостренные формы, но не привели к гражданской войне, хотя имело место как минимум два вооруженных противостояния с танками и стрельбой. Но, возможно, Россию, где течение всех мировых законов имеет «особые черты» от гражданской войны спасла именно преждевременная «деградация конфликта». Слишком много прибыльной бесхозной собственности предстояло поделить в ходе приватизации.

Первоначально демократическое движение в России шло под знаменем борьбы с тоталитаризмом, с коммунистической идеологией: за реализацию личных свобод, «демократизацию политической жизни» и реставрацию капитализма. Требования митингующих и выступающих в прессе казались разумными: требовали богатой и свободной жизни, смещения коррумпированной верхушки, мало представляя, как сочетается свобода и рудовая дисциплина, и вообще не представляя, что такое полномасштабная коррупция.

Требовали всего и сразу. Введение свобод «шаг за шагом» раздувало политические аппетиты демократов и одновременно личные амбиции лидеров. Одновременно, «перестраивалось» партийное руководство страны, отбросив цинизм и лицемерие следования идеологическим канонам, и всецело предавшись целям личного возвышения и обогащения. Параллельно с развитием частного предпринимательства и появления массы свободных капиталов шла криминализация жизни.

Победив в 91-м «демократы» заполучили в свои руки огромное наследство СССР, и тут же отдали как внутри СССР, так и за рубежом, все, что считали невозможным удержать. Чем дальше, тем больше демократические политические деятели втягивались в дележ богатств, неожиданно начавших стремительно таять на волне «экономических реформ».

После октября 93-го ни у кого не осталось иллюзий, что борьба давно идет не за политические лозунги, но за экономические интересы различных властных группировок. Улицы, тем временем заполнили члены иных «группировок» устраивавших «разборки» среди бела дня на глазах запуганных обывателей.

«Особое счастье России» в том, что подобные процессы не ограничивались только улицей, но иерархически происходили всюду: на уровне заводов, целых отраслей, регионов, на самом верху. Разумеется, «победившие наверху» были заинтересованы не в дальнейшем продолжении борьбы, но в установлении порядка с целью налаживания стабильной работы источника получения прибылей, потому поддерживали дальнейшие действия властей по установлению «порядка».

Как только закончился передел собственности, вал преступности, захлестнувший страну в начале 90-х, пошел на спад. Сама преступность мутировала, приобретая социально-экономические черты: появилось огромное количество молодых безработных (особенно в городах, где закрылись градообразующие предприятия) и увеличилось количество людей имеющих деньги (потенциальных жертв), равно способов добычи денег и их траты.

Сложно представить в какие ряды в ином случае влилась бы эта масса, не стань рекрутами криминальных «бригад» занятых, в основном, разбоем и самоистреблением. Политическая палитра предлагала тогда все цвета радикальных спектров от православно-националистических или откровенно фашистских, «ультрадемократических» до самых разных левых и левацких. Но «массы» за ними не пошли.

Это не оправдание «криминальной революции» и криминальной войны, лишь констатация факта. Прощальным подарком коммунистического режима России стало неприятие массами не только коммунистической идеологии, но и опасливое отношение ко всякой идеологии вообще.

Опасения оказались усилены оголтелой критикой сталинизма, с самого начала по замыслу высокопоставленных «архитекторов Перестройки» типа Яковлева, ведшейся «с фигой в кармане». Критикуя 37-год массовые «невинные» жертвы режима, бросали камень в коммунизм вообще и в существующую во второй половине 80-х власть.

Однако объективно, постоянное муссирование темы репрессий вылилось в компанию массового запугивания населения, что вносило определенную напряженность. В итоге «массы» прониклись недоверием ко всякой власти, ко всяким политическим лозунгам и деятелям. «Массы» не желали широким фронтом вставать под какие-либо знамена, тем самым, лишив радикалов левого, правого и иного толка удовольствия участвовать в крупномасштабной гражданской войне.

Собственно и сами политические деятели (за очень редким исключением) не горели желанием заниматься утомительными и малоприбыльными политическими изменениями, но посвятили себя почти всецело «экономическим преобразованиям» в основном в интересах собственного кармана. Пламенные борцы за демократию быстро деградировали до банальных казнокрадов, а ревнители «свободного рынка» превратились во владельцев монополий, стоящих за незыблемость интересов своих трестов.

Не все отрасли некогда «промышленно развитого» СССР выжили в этом «переделе». Сохранились в неприкосновенности предприятия, приносящие, прежде всего, «быстрые деньги» или являющиеся стабильным источником валюты. В первую очередь сырьевые.

Парадоксально, что перестройка экономики, проведенная группировками, во главе которых стояли пресловутые «олигархи», фактически имела обратный эффект. Социалистическая экономика исторически складывалась в условиях постоянной подготовки или ведения войн. Основным ее продуктом были горы вооружений и разнообразного стратегического сырья, остальные отрасли прямо или косвенно работали на оборону. Одновременно наблюдался тотальный дефицит «товаров народного потребления» (верней – высококачественных товаров – в одежде или питании население нужды не испытывало). Попытки «подъема сельского хозяйства» или качество «предметов повседневного спроса» особого успеха не имели. Как было показано, в развитом индустриальном обществе сельское хозяйство невозможно без крупных дотаций, тем не менее его неэффективность в данном случае списывалась на пороки системы социалистического хозяйствования. Хотя имелся явный структурный перекос: основные финансовые, материальные, интеллектуальные и трудовые ресурсы направлялись в «оборонку», потому качественной выходила только военная техника. В

иных социалистических странах сумели сделать сельхозпроизводство вполне высокопроизводительным.

Основные структурные изменения коснулись принципов экономики – теперь главным стало извлечение прибыли. Такое упрощение экономических отношений, «переориентация» сдвинули экономику России в сторону монокультурности. Экспорт сырья стал основой национального благосостояния. Бюджет верстается исходя из мировых цен на нефть. Оборонные отрасли кое-как поддерживаются государством из опасения социального взрыва и соображений безопасности. Из «Второго мира» мы переместились в «Третий».

Уточнения термина «деградация конфликта». Речь идет об особом течении малых конфликтов, когда ситуация «срывается в штопор», ее засасывает «черная спираль войны».

Изначально в истоках конфликта лежат различные противоречия, чаще всего экономического толка. Это может быть и классовая, и национальная эксплуатация, а может – и религиозные или любые прочие распри. Обычно одна из сторон или имеет власть, или ею поддерживается.

Оформляется ядро оппозиции, в основном под каким-нибудь политическим лозунгом. Лидеры ее обычно искренне разделяют исповедуемые идеи, считают свою борьбу справедливой и готовы отдать даже жизнь за свои принципы. В свою очередь и противостоящая сторона готова применить не только законные репрессивные меры, но склонна силой подавлять любое недовольство.

Так образуется вооруженный конфликт, начинается малая война. Но даже малая война требует больших средств. Первоначально борцы за свободу получают их добровольно от поддерживающей их части населения. Подобные ресурсы быстро истощаются, и средства приходится добывать силой.

В свою очередь и проводящая репрессии сторона прибегает все к более жестоким методам, жестокостью отторгая от себя все большие массы населения, делая их рекрутами противоположной стороны, желающими взяться за оружие. Это «стадия эскалации конфликта».

В конце концов, война охватывает все слои населения, всю территорию, все сферы жизнедеятельности. При равенстве сил сторон наступает стадия «тотального конфликта», обычно характеризующая переходом от отдельных вылазок и террористических актов к крупномасштабным наступательным операциям, захватом территорий, населенных пунктов, узловых коммуникационных точек.

Говоря языком теории катастроф, конфликт проходит «точку бифуркации». С точки зрения враждующих сторон, это стадия победы или поражения. Процесс может развиваться лавинообразно и привести к победе оппозиции, т.е. к революции, или закончиться полным разгромом повстанцев и «зачисткой территории». Согласно теории конфликтов – «входит в стадию затухания». В любом случае должен прекратиться.

После Второй Мировой Войны прекращение партизанских и повстанческих действий случалось довольно часто, причем независимо от характера оппозиции, исповедовала она марксистскую, националистическую, религиозную или демократическую идеологию.

Были потушены партизанские (в официальной формулировке – «бандитские») движения «лесных братьев» в Прибалтике, Западной Украине и Белоруссии, Польше, Чехословакии и прочих странах «советской зоны». Непосредственно во время войны жесткими мерами была прекращена подрывная деятельность бандформирований на

Северном Кавказе. В данном приложении формулировка «бандиты» имеет право на существование, поскольку архаические социальные отношения и традиции региона не позволяют провести четкую грань между «идейным борцом» и абреком.

Англичане расправились с коммунистическими партизанами в Греции и Малайзии. Боливийцы и американцы ликвидировали попытку совершить партизанскую революцию в Боливии, предпринятую Че Геварой.

Из недавних примеров прекращенных партизанских конфликтов можно назвать Восточный Тимор – на этот раз без силового подавления, но под давлением международного сообщества.

Второй вариант – победу партизанской оппозиции тоже нельзя назвать исключением. Вьетнам продемонстрировал пример последовательной победы сначала над французскими, затем и американскими колонизаторами и их местными ставленниками. А стратегия и тактика генерала Зиана стала классикой «альтернативной войны».

Наиболее яркий пример Кубы. Контрреволюцией, ему в идеологическом плане, явилось свержение режима Наджибуллы в Афганистане, и последующий приход к власти Талибана (одни партизаны свергли других). Африка дает бесчисленное число примеров подобной смены власти.

Но, все чаще, развитие конфликтов идет по аномальному «третьему пути». Широкомасштабные военные действия приводят к подрыву экономической инфраструктуры, т.е. основы жизнедеятельности региона. Одновременно конфликт приспособливает структуру региона для ведения войны: организация одной из сторон структуры сельхозпроизводства, работающей на «провиантский склад», главным предметом торговли становится оружие. И так далее – все уцелевшие отрасли приспособляются организованно и стихийно к ведению войны и жизни в условиях «военного лагеря».

Образуются обширный социальный слой «воинов» – как партизан, так и карателей, вооруженных людей разрешающих все вопросы «быстро и просто», т.е. применяя оружие. Слой этот постоянно пополняется, поскольку занять себя в иных сферах молодежь не имеет возможности, да и желания – вооруженный путь сулит не только выживание, но и сытое существование, возможность обогащения, социальный престиж. Не говоря о том, что жизнь в условиях войны всегда имеет жестко детерминированный смысл: «выжить и победить».

Наступает фаза «деградации конфликта». Подорвав экономическую основу борьбы, и, в тоже время, не достигнув ее целей, вожди сопротивления вынуждены искать «альтернативные способы» ее ведения. Ранее применявшиеся как исключительная мера «исходя из жестокой необходимости» вооруженные реквизиции продуктов и предметов первой необходимости теперь становятся правилом, основным способом добычи жизненно необходимых ресурсов.

В тоже время длительно существующий правовой вакуум заполняется криминалом: расцветает производство и торговля наркотиками, контрабанда, рэкет, похищения людей, самосуд, немотивированные безнаказанные убийства, грабежи. Грань между политической и уголовной мотивацией становится все тоньше, поскольку «воины» воюют уже не за идею, но за выживание.

В тоже время начинает деградировать и сама идея-цель борьбы. Сначала становится средством и методом убеждения и агитации, в последствии – моральным оправданием преступлений. В тоже время командиры в ходе длительной борьбы из идейных борцов становятся вооруженными вождями (т.е. лидерами харизматическими),

носителями и вольными интерпретаторами идеи, поскольку на данном этапе борьбы победа вооруженным путем для них становится главной целью, а реализация идеи делается заложницей этой победы и отодвигается в неопределенное будущее.

Личность командира начинает играть все большую роль, конечная идея – все меньшую, пока конфликт не сводится к стадии войны «полевых командиров». Политическая идея для них теперь не более чем знамя, герб сюзерена, который запросто можно и поменять. Война становится образом жизни, основным мотивом уже не требующим идеологических подпорок.

Это конечная стадия «деградировавшего» конфликта, могущего тянуться довольно долго. Так конфликт в Курдистане тянется более 90 лет! Там не осталось людей, помнящих, «как было при мирной жизни».

Ее поддерживает разрушенная, перестроенная под войну экономика, «вооруженный народ» и вечное состояние войны, превалирование в умах «психологии войны» и склонность к вооруженному решению большинства проблем.

Но за внешними типовыми признаками проглядывается определенная система, которую можно описать перефразированным тезисом: «всякий народ имеет ту войну, которую заслуживает», т.е. «устойчивая» форма войны останавливается в своей деградации и начинает стабильно существовать на своем уровне развития социально-общественных отношений в обществе. Т.е. произведенная ей встряска доводит общество до нижнего предела возможных отношений.

Так, форма затяжных африканских войн доходит до родоплеменной стадии – фактически стартовой ступени развития социально-политических отношений воюющих народов. Все остальные политические надстройки и институты привносились или были навязаны извне колонизаторами – также насильственно были отторгнуты. Теперь африканцы доводят свои отношения до той стадии, откуда следует начинать. Европе от этой стадии до цивилизации понадобились тысячелетия.

Не удивительно: война противоречивое явление – «организованное варварство». Требуя железной дисциплины, твердой иерархии, умелого и жесткого руководства для достижения победы, война, одновременно затрагивает архаические пласты психики. Иначе невозможно заставить обычного «мирного» человека постоянно рисковать жизнью и убивать.

Война выстраивает окружающий мир по этим двум принципам: военной иерархии (власть военных) и варварства (хаоса). Тем самым заметно упрощаются отношения между людьми, что обрекает их на откат назад, насколько это возможно, пока противоречия, вызвавшие войну не будут разрешены (победа-поражение), или большая сила не остановит ее и не даст разрушить все «до основания».

Так западноевропейским конфликтам (в Северной Ирландии, Стране Басков, на Корсике) присущи «цивилизованные» черты. Конечно, действия террористов чрезвычайно жестоки по местным меркам, но весьма «бескровны и гуманны», если применять критерии даже латиноамериканских конфликтов. «Хорошим тоном» взрывов бомб, является предварительный звонок в полицию, с расчетом, что с места взрыва выведут людей, но не успеют разрядить взрывное устройство.

Первостепенен не урон от взрыва, но пропагандистский эффект, сам факт применения силы и его обыгрывание в СМИ. Их цели: поддержание напряженности в обществе, самореклама, признание себя реальной политической силой с целью добиться от правительства локальных или стратегических политических уступок.

Мусульманские террористы, наоборот, предпочитают уничтожать как можно больше противников, в последнее время отдавая приоритет тактике камикадзе. Тот же расчет на пропагандистский эффект, но это эффект устрашения. Как врагов, так и своих - ведь после таких жертв нет пути назад. Конфликт насильственно подталкивается к вооруженной стадии вместо организации политического диалога.

Экономика Страны Басков, Корсики, Ольстера страдает от напряженности, террористы обкладывают данью сограждан, но во всех регионах экономика не перестроилась под ход конфликта, и носит мирные черты. Тогда как в Палестине заметна все большая зависимость экономики от мусульманских нефтедолларов и гуманитарной помощи мирового сообщества.

Подобная зависимость существует и в иных регионах бывших конфликтов – например в Боснии-Герцеговине, одной из наиболее разрушенных войной республик бывшей СФРЮ. С целью недопущения обнищания населения, роста недовольства на этой почве Объединенная Европа выплачивает каждому жителю республики дотацию в размере примерно 5 евро в день. Результат – безработица около 65%, и большую часть времени безработные проводят в кафе и иных местах развлечений. Вполне возможно, что это латентная стадия конфликта, и подобное будущее ожидает и иные конфликты, когда «богатые» подкупают «бедных», чтобы те не воевали. Что будет дальше, когда регион лишится притока огромных средств «на покупку мира».

Война всегда катастрофа, и как всякая катастрофа уравнивает потенциалы самым трагическим образом. Затяжной конфликт приводит к подрыву основ жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения, что влечет к голоду, болезням, массовому оттоку беженцев. Немалая часть населения гибнет в ходе военных действий. Население уменьшается до «естественного» уровня, его остается столько, сколько может прокормить разрушенное хозяйство. Тем самым, земля «освобождается» от всяких форм перенаселения, от источников противоречий.

Как на месте погибшего леса, порой образуется пустыня, над которой веют песчаные ветры, не давая образоваться новому плодородному слою, так и в окончательно деградировавшем конфликте стадии замирения так и не наступает.

К терминам «мутация» и «трансмутация» конфликта.

Мутациями, в данном тексте, названы изменения конфликта, вызванные внутренней логикой противостояния. Те же стадии конфликта, равно «затухание» и «деградация». Всякой мутации соответствует частичное или полное изменение задач-целей сторон, например, превращение идеологического конфликта в криминальный, или перерастания местного классового конфликта в революцию.

Трансмутациями названы изменения характера военных действий под влиянием изменения самого характера конфликта, в связи со внутренними изменениями сторон противостояния. Так первоначально коммунистические войны велись по идейно-классовым соображениям (Октябрьская революция, Гражданская война), в сталинские времена приобрели идейно-геополитический характер, а в годы «застоя» геополитика превратилась в ведущий фактор.

Равным образом конфликт переживает трансмутацию, когда в него вмешиваются страны - «сильные мира сего». Например, первоначально вьетнамский конфликт развивался подобно десяткам национально-освободительным войнам того времени (вьетнамо-французская война), с вполне естественной тогда опорой на коммунистическую идеологию.

Постепенно он приобрел характер противостояния двух идеологических систем – «демократии и коммунизма», еще позже став ареной борьбы сначала двух, потом и трех сверхдержав.

Даже уход США и разгром Южного Вьетнама не погасили конфликт. «На поле» осталось 2 «игрока» - СССР и КНР, во времена американской агрессии поддерживавшие ДРВ, несмотря на взаимную конфронтацию. Конфронтация оказалась «выдавлена» на Юг. Вьетнам казался Пекину относительно слабым в военном отношении государством – креатурой Москвы. Удар по нему не давал повода к полномасштабной войне с СССР, грозившей перерасти в атомную. В свою очередь, руководствуясь подобными резонами, Советский Союз считал возможным ликвидировать марионетку Китая – режим Пол Пота в Кампучии руками вьетнамцев.

Обострение «периферийной конфронтации» крупнейших коммунистических держав привело к войне между Вьетнамом и Китаем в 1979-м году, и к вьетнамскому освобождению Кампучии. Конфликт же между СССР и Китаем имел геополитическую подоснову, хотя и облекался в идеологическую лозунги.

Собственно война СРВ – КНР уже не обуславливалась внутривьетнамскими причинами, но всецело вытекала из внешней политики руководства, из выбора главного внешнеполитического союзника.

3. «Битва за ресурсы» и грядущие «кризисы истощения природных богатств»

Итак, оказалось, что чисто экономические меры по ослаблению противоречия «богатые – бедные страны» неэффективны и приводят к неожиданным последствиям.

Но, прежде чем окончательно отказаться от экономической теории происхождения конфликтов, ее решили сделать универсальной, превратив в «теорию обострения борьбы за ресурсы».

Все теории войн и конфликтов несут каинову печать цинизма, но экономические грешат ей в особой степени. Выведение из поля рассмотрения социальных отношений (государственных, национальных, религиозных) устраняет большую часть и заложенных в них моральных критериев.

Если во взгляде «богатые – бедные» у сторон (особенно у «бедных») еще имеются некие моральные резоны собственной правоты, поскольку это не только имущественные, но и социально-классовые категории, то в борьбе за ресурсы все стороны уравниваются, лишаясь каких либо оправданий, представая как два бандита, не могущих поделить лежащий на дороге кошелек. Единственным действенным правом в такой ситуации остается «право сильного».

В «высшем» своем проявлении теория выступает как понятие Lebensraum - «жизненного пространства», выдвинутая нацистами для обоснования своих агрессивных планов. Даже не для «оправдания», поскольку «обычная мораль» оказалась отброшена, оправдываться было не перед кем. Намерения предстали в истинном свете: есть «высшая раса», для ее выживания и размножения нужны ресурсы, прежде всего территориальные. Лучшие территории заняты унтерменшами, потому земли эти надо очистить, неполноценных истребить, оставшихся в живых превратить в рабов. Квинтэссенция риторики колониализма, рассуждений о «высшей миссии белого человека», «цивилизаторской роли Европы в Мировом».

Опровергать «теорию» Lebensraum пришлось ценой десятков миллионов жертв. Урок Нюрнбергского трибунала не забыт – сегодня никто из серьезных политиков не высказывает подобных идей прямо. Да и зачем, если «мировое разделение труда», «мировой рынок» делают это лучше всяких прямых захватов.

Ныне теория «обострения борьбы за ресурсы» является констатацией сложившегося статус-кво, т.е. утверждения права на мировые ресурсы сильнейших государств. США потребляет большую часть мировых ресурсов, а всякое существенное ограничения этого потребления может сыграть для Америки роковую роль. Потенциальной угрозой обвала, прежде всего высокого уровня жизни американцев, оправдывается сохранение огромной армии, траты на вооружения и содержание многочисленных воинских контингентов за рубежом.

На свою долю пирога мировых ресурсов претендуют все развитые страны - бывшие метрополии. Сумма претензий стран «золотого миллиарда» (менее 18 % населения планеты) составляет более 80% ресурсов Земли.

Разумеется, ни о какой «справедливости» этих претензий речи уже не идет, даже принимая во внимание «ведущую роль развитых стран в прогрессе всего человечества». Что это за прогресс, если его жертвами становится более 100 миллионов человек ежегодно?! Суммарная смертность от голода, жажды и недостатка чистой питьевой воды, вызванной этими бедами болезнями и конфликтами равна двукратным потерям во Второй

Мировой Войне. «Борьба за ресурсы» подрывает право на жизнь миллиардов человек. О какой «грядущей» катастрофе можно рассуждать, если сегодня состояние катастрофы обыденно для каждого седьмого жителя планеты? Если на пороге голода стоит почти половина планеты? «Голодный миллиард» - не риторическая фигура, но страдания и смерть реальных людей.

В свете этих цифр столь же сомнительными предстают современное «мировое разделение труда» и существующий экономический порядок. Даже робкие попытки изменения пропорций распределения вызывают жесткий ответ, и в перспективе действительно может привести вооруженной «борьбе за ресурсы» или, говоря без фигур умолчания, к новому колониализму.

Тем не менее, теория завоевала большую популярность, поскольку избавляет использующего ее аналитика от поиска в сторонах конфликта «правого и виноватого», освобождая исследования от морального выбора, создает иллюзию «чистого научного метода», позволяющего беспристрастно взвешивать на весах потенциалы и амбиции сторон.

Ныне теорию применяют к анализу большинства локальных конфликтов, как видно хотя бы из приведенного выше анализа причин таджикской гражданской войны. Действительно, перенаселение вызывает дефицит ресурсов, что, в свою очередь ведет к ухудшению качества жизни, как следствие – рост недовольства, агрессивности, изливающейся в конфликт.

Казалось бы, теория обострения борьбы за ресурсы, особенно на уровне макромоделей, имеет множество объективных предпосылок. Население планеты, особенно в развивающихся странах, продолжает прирастать, возрастает потребность в еде, жилье, предметах потребления. Что увеличивает натиск на природу, падение плодородия почв или вовсе их гибель или засоление, резкому загрязнению окружающей среды, особенно чистых вод, вырубке лесов, оскуднению запасов мирового океана.... Перечень можно продолжать бесконечно.

С другой стороны, общественный прогресс ведет к возрастающему производству и потреблению товаров и услуг. Сумма амбиций требует увеличения добычи полезных ископаемых, энергоносителей, продовольствия и растительного сырья. При этом, повторюсь, обрабатываемые площади не прирастают, леса исчезают, вслед за исчезновением лесов уходит вода.

Особым родом развлечения футурологов стал подсчет разведанных залежей полезных ископаемых и иных ресурсов, сравнение их с существующими темпами потребления и конечный расчет: на сколько десятилетий их хватит. Оптимисты оценивают перспективы современной цивилизации в полвека, пессимисты меряют сроки парой десятилетий. Очевиден факт, что большинство населения Земли никогда не сможет даже приблизиться по уровню жизни к «золотому миллиарду» – не хватит ресурсов.

Ближайшими причинами войн за ресурсы называют уже не современные факторы - борьбу за ископаемые углеводороды, но прогнозируют схватки за пресную воду, особенно в засушливых регионах, в частности на Ближнем Востоке. Как о неизбежном зле, говорят, что уже сегодня голодает около полутора миллиардов человек – своеобразный противовес «золотому миллиарду» - «голодный миллиард». Это определение распространяется только на ту часть людской популяции, что находится на грани голодной смерти (на 2010 год – около 950 миллионов человек), хотя проблемы с получением полноценного питания

испытывает более половины населения планеты. Статистика смертей только от голода уже десятилетия выдает страшную цифру - примерно 50 миллионов в год!

Из всей совокупности прогнозов вытекает, что человечество ждет неминуемый ресурсный кризис, что скоро вопрос встанет даже не о выживании всего человечества, но сохранении только «отдельных его частей». Понятно, кто предназначается в «выжившую часть».

Потому, де, уже сейчас надо вставать на позиции национального и регионального эгоизма и готовиться к худшему, разрабатывать стратегию выживать в одиночку раз вместе все равно не спастись. Нетрудно вспомнить, что к подобному призывал один англиканский священник лет полтора века назад, и теперь его пророчества подтверждаются теоретиками неомальтузианства.

Опыт выживания показывает, что большую надежду на спасение имеет тот, кто обладает развитыми навыками существования в агрессивной среде (природной и социальной), привычкой к невзгодам и жизнеутверждающей жизненной позицией, позволяющей выжить вопреки обстоятельствам. В современном мире подобными навыками обладает население именно стран Третьего мира, в наименьшей – «золотого миллиарда». Нетрудно представить, кто действительно спасется в случае глобального катаклизма.

Логика любой идеологии, доведенная до высшей точки, оборачивается против своего источника. Теория Lebensraum обернулась завоеванием самой Германии, смертями миллионов немцев, зачастую беспощадными их уничтожением, словно следуя основным положениям теории о «недостойных для жизни народов» (имеются в виду бомбардировки мирных городов, подобно уничтожению Дрездена).

Похожим образом сложится ситуация и в будущем: никто не бросится спасать «цитадели прогресса» - Европу, Японию, США - в случае кризиса, никого особо не взволнует гибель десятком миллионов «белых людей» в случае глобальной катастрофы. Почему такое рядовое событие должно волновать, если сегодня голодные смерти в Африке волнуют лишь незначительную прослойку европейцев, которые ограничиваются благотворительностью, прекрасно понимая, что корень зла в устройстве мировой системы хозяйствования.

Все ли в действительности так плохо? Наиболее населенные страны мира уже полвека ведут жесткую борьбу с неконтролируемым приростом населения, и безуспешно. Уже в начале 90-х добросовестные демографы выявили тенденцию к падению темпов прироста населения во всем мире, особенно в развивающихся странах.

Статистическая планка, за которой прирост прекратится, и население планеты стабилизируется, определилась в 13-14 миллиардов, хотя в 60-х эта планка прогнозировалась в 17 – 20 миллиардов. Прошедшее десятилетие подтвердило правоту демографов: темпы прироста замедляются почти повсеместно, порог ожидаемой стабилизации снизился до 10-11 миллиардов. «Мальтузианский кошмар» теряет актуальность.

Более того! Статистика последних двух десятилетий позволяет говорить о нарастании обратного процесса. Развитые страны бьют тревогу, вопиют о депопуляции собственного коренного населения. Но если нашлись действенные меры снижения рождаемости в бедных странах, то заставить рожать более 2 детей на семью в странах богатых не могут до сих пор. Все европейские страны (исключая Турцию) катятся в демографическую бездну, доля стариков приближается к трети населения.

Даже в США коэффициент фертильности (число детей на одну женщину репродуктивного возраста) выше нормы только у одной категории населения – «латинос» - 2.5. Для простого воспроизводства он должен быть не ниже 2.2. У белых и негров (на языке политкорректности – людей «кавказского» и «афро-американского» происхождения) коэффициент колеблется около 1.8. Прирост населения США идет только за счет иммигрантов, каковыми в основной своей части и являются «латинос»! Аналогично прирастает арабами и выходцами из СНГ Европа.

Всякая теория, принятая на вооружение правительством или политическим движением (какими бы мирными ни были теории и организации) всегда в той или иной мере является оружием и средством манипулирования. Потому декларируемые принципы, сколь точно они ни отвечали бы истине и подтверждали объективные тенденции, обычно сильно отличаются от мотивов их использования.

В рассуждениях о глобальных мировых проблемах есть большая доля лукавства и очень много спекуляций, неизбежно сказывающихся на подтасовке статистики, но особенно - в выработке долгосрочной политики.

В глобальных прогнозах футурологи выводят некую глобальную же модель потребления ресурсов, в том числе энергетических, земляных, водных, продовольственных. Соотносят ресурсы с общими данными о населении земли, интегрально раскладывая «среднее потребление».

Тут и таится лукавство ложных посылок. Уже отмечалось, что дело не в общих цифрах, а во внутренних пропорциях распределения. Ресурсы Земли западные ученые считают общими, а вот беды предпочитают переносить на плечи «других». Например, за общими тенденциями роста населения Земли, из которых и выводятся основные грядущие беды, скрываются два разнонаправленных процесса.

«Демографический взрыв» 50-х – 60-х породил вполне обоснованные страхи перенаселения планеты, угрозы голода, тотальных эпидемий, бунтов «бедных против богатых». Многочисленные организации на Западе приложили немало усилий по обузданию «бэби бума». Разумеется, в подавляющем большинстве случаев они боролись с рождаемостью не у себя дома, но в развивающихся странах, оправляя туда караваны кораблей с бесплатными презервативами, вкладывая десятки миллионов в пропаганду «малой семьи» и дошли до программ массовой стерилизации «неперспективного населения». Особенно усердствовали в Латинской Америке американские «благотворители» при поддержке правительства США.

Правилom оказания разнообразной экономической помощи, установления различных режимов «благоприятствования», даже нормальных межгосударственных отношений стало требование ограничения рождаемости. Дошло до того, что в некоторых странах эти ограничения начали граничить с геноцидом. Так в Сальвадоре оказалось стерилизована в «добровольно-принудительном порядке» половина населения. Следует заметить, что в момент развертывания этих программ (50-60-е годы) Южная Америка по средней плотности населения была одним из наименее заселенных континентов, будучи одним из главных источников природных ресурсов для США.

Ларчик открывается просто: беспокойство развитых стран вызывает не голод и рост населения (на примере Африки ясно, как легко смириться и с тем, и с другим, когда это не угрожает твоей стране) сколько относительный рост населения соседей при стабилизации собственной рождаемости. В дальней перспективе сохранение подобных тенденций означает абсолютное численное превосходство быстрорастущих соседей и неизбежное растворение собственного автохтонного населения в их массе.

В настоящий момент подобную ситуацию относят к положению России, с ее постоянно сокращающимся населением, и Китаю, чей людской потенциал в десять раз выше. Из чего выводится неизбежность поглощения Сибири «великим соседом». Статистика утверждает иное: у китайцев в РФ самый низкий показатель фертильности среди различных диаспор – около 0.3, а в огромном потоке китайских мигрантов процент оседающих в России надолго (10 и более лет) ничтожен. И затрагивает он в основном европейскую часть страны. Климат и условия выживания в Сибири слишком суровы, чтобы мечтать осесть в ней навсегда. Для адаптации к ее условиям русским понадобилось более 300 лет, чтобы сложилась особая популяция коренных сибиряков.

Подобные нюансы не отрицают факта целенаправленной «ползучей экспансии» и особой заинтересованности властей КНР заселения китайцами отдельных регионов, в частности Дальнего Востока, не отрицают и возможности планов руководства Китая превратить Сибирь в китайскую колонию. Но, при сохранении у России атомного потенциала, планы силового отторжения самоубийственны. Ползучая экспансия пока не приносит должных результатов, а в попытках «скупить» ресурсы Сибири у Китая есть множество конкурентов. Прежде всего, среди российской олигархии и связанных с ними властными структурами, для которых «сибирские богатства» – главный источник сверхприбылей.

Китай не единственный «демографический враг», есть большое количество южных соседей.

Подобная картина наблюдается в отношении правительств европейских стран к иммигрантам из Третьего мира. Или США к «пришельцам из-за Рио-Гранде».

Искусственные меры сдерживания действенны до времени, они могут оттянуть неизбежное на протяжении жизни одного поколения, но только «откладывают» разрешение противоречия на будущее, когда процесс приведет к обострению противостояния, разрешить которое можно будет только катастрофическим способом – т.е. войной.

После «зеленой революции 70-х» (имеется в виду не исламская революция, но широкое распространение в мире высокоурожайных сельскохозяйственных культур) с угрозой голода сравнительно легко справились такие демографические гиганты как Индия и Китай, начав даже экспортировать сельхозпродукцию. Анализ голода в других странах показал, что дело не столько в площадях обрабатываемых земель, сколько в агрикультуре и всей культуре хозяйствования. Равно в системе распределения.

Что при рачительном ведении сельского хозяйства, применении современных интенсивных, но в тоже время щадящих землю технологиях, продуктов питания хватит и на 13 миллиардов человек. Напомню, «порог стабилизации» населения Земли сегодня определен в 10-11 миллиардов.

О какой реальной угрозе мирового голода можно говорить, если в течение последних полутора веков наблюдалось хроническое перепроизводство продукции сельского хозяйства, если темпы прироста производства мировой сельхозпродукции стабильно опережали темпы прироста населения, а аграрной политикой развитых стран стало сдерживание этого перепроизводства?

Можно говорить только об «искусственном» голоде, о «преждевременно проявленном национальном эгоизме».

Конфликты имеют непосредственное отношение к голоду, который вспыхивает в регионах воин и конфликтов или близких к ним. Потоки беженцев «заражают» голодом

соседние районы, в свою очередь, подрывая их сельское хозяйство. Не голод, в большинстве случаев, является причиной конфликтов, но наоборот.

Положение с запасами полезных ископаемых тоже имеет тенденцию к изменению векторов, поскольку определяется «деиндустриализацией» развитых стран, вынесением производства в третьи страны. Пока преждевременно говорить о полном исчезновении тяжелой промышленности в развитых странах. Очевидно, индустрия еще долго будет существовать и дольше всего продержится оборонное производство и смежные стратегические отрасли. Так же останутся предприятия «экспериментальные площадки хай-тека», станкостроения и производства эксклюзивных предметов роскоши.

«Клуб развитых стран» заинтересован в обмене высокотехнологичной продукцией между собой. Причем на «джентльменских условиях». Правила игры «свободного рынка» соблюдаются только среди «равных партнеров». Да и то при условии, что они записаны в многочисленные своды законов, договоров, конвенций. Таким образом осуществляются взаимные гарантии опережающего развития современных мировых лидеров, и сохраняется их монополия на самые передовые (следовательно – самые дорогостоящие) товары мирового рынка.

Процессы массовой индустриализации сегодня характерны, в основном, для развивающихся стран. Гораздо выгодней вести в них через океаны не сырье, но уже обработанные материалы, а готовую промышленную продукцию импортировать в развитые страны.

Выстраивается новая промышленная структура мира: производство и обогащение первичного сырья на месте добычи, вывоз полуфабрикатов в развивающиеся страны и производство в них массовой продукции, ее экспорт в развитые страны, проводящие научные изыскания, разрабатывающие технологии и продукты «информационной эры».

Переместившаяся в третьи страны промышленность вызывает потребность в сырье именно этих стран и переориентирует сырьевые и товарные потоки.

Потребители промышленного сырья в настоящее время только создают современные армии. Например, огромная по численности НОАК сравнительно недавно начало формирование структуры современных вооружений и соответствующих воинских подразделений. Хотя успехи Китая впечатляют, говорить о серьезном военном вызове ведущим державам преждевременно.

Главные военные силы мира сосредоточены в руках США и стран НАТО. Трудно представить, что они применят ее ради чужих интересов в битве за мировые ресурсы. К тому же в этих странах сосредоточены огромные запасы стратегических материалов, в том числе сырья, что сильно влияет на конъюнктуру рынков и на геополитику. В случае «большой войны» этих запасов хватит для развертывания массового производства вооружений. Следовательно, контроль за стратегическими ресурсами более необходим, чтобы не допустить или затруднить их получение геополитическими противниками.

Они заинтересованы воевать только за ресурсы «прямых поставок», прежде всего за энергоносители. Что и наблюдается в постоянных вторжениях в Ирак. Контролируя основные регионы нефтедобычи, можно активно влиять не только на цены на нефть, уровень добычи, но и на высокоразвитых партнеров в иных регионах (Европа, Япония), на промышленную периферию (Китай, Индию, Бразилию и т.д.). Но эти войны возникают не из-за дефицита ресурсов, не из-за грядущего нефтяного кризиса, а из-за ключевой роли нефти в современном мире.

Потребности в сырьевых ресурсах на сегодня не столь остры и нет особых надежд, что особо обострятся в ближайшем будущем. Тому есть несколько как объективных, так и «конъюнктурных» причин.

Постоянной тенденцией мирового производства помимо всевозрастающей массы товаров, является столь же постоянное сокращение удельной материало- и энергоёмкости. В первую очередь это относится к технологиям производства, машинам, механизмам.

«Экологическая чистота» становится неотъемлемой частью высокого уровня жизни, что заставляет вторично использовать отходы. С течением времени, равно как с каждым существенным вздорожанием какого либо сырьевого ресурса, вторичное извлечение его из мусора будет становиться не только рентабельным, но и высокоприбыльным. Уже сегодня из мусора изготавливают топливо и стройматериалы, бумагу и т.д.

Информационная эпоха вообще вытесняет многие громоздкие устаревшие средства коммуникации и техники (так стекловолокно вытесняет медные провода, а спутниковая связь - проводную). Аналогичные процессы происходят в иных областях. Например, пластик, углеполимеры и керамика вытесняет металл. На сегодняшний день наработаны десятки «закрывающих» технологий экономящих ресурсы на порядок (так называемый «вечный рельс»).

Внедрению их тормозит именно обилие и дешевизна сырья, равно как политика крупных сырьевых монополий, прежде всего нефтяных. В русле интересов монополий следует политика правительств развитых стран, всегда сглаживающая процессы, поскольку мгновенная ликвидация целой отрасли может привести к непредсказуемым социальным и экономическим последствиям. Но крупные корпорации приобретают транснациональные формы, все трудней соотносить их интересы с интересами одной страны.

Нет сомнения, что при резком обострении дефицита ресурса, как это имело место в 70-х при «нефтяном кризисе», подобные технологии будут востребованы чуть ли ни в принудительном порядке. Равным образом найдут применение альтернативные источники энергии, станет рентабельным разработка месторождений, ранее признанных «неперспективными».

Демоупуляция привносит новые стратегические тенденции развития, меняя перспективы будущего. Если население не прирастает, то и суммарные потребности растут уже не столь стремительно. «Старение наций» (что касается практически всего «золотого миллиарда») меняет саму структуру потребностей: старикам нужны совсем иные товары и услуги, чем молодому и зрелому населению, а прирост потребностей старшего поколения можно назвать отрицательным.

Несмотря на упор современной «экономики потребления» на быстроиспользуемые товары, неуклонно возрастает накопление богатств длительного срока использования: дома (особенно индивидуальные), общественные здания и сооружения: дороги, мосты, каналы, дамбы, аэропорты и так далее, сроки службы которых определены в столетия. Соответственно, потребность в больших капитальных затратах (и расходе материалов) на них тоже снижается. При стабилизации населения стран, потребность в новых капитальных строениях снижается. Обозначился «порог насыщения». Так большинство магистралей в Европе уже проложено, значительная их часть улучшена до «мировых стандартов». Прокладки новых дорог больше не требуется, необходимо поддержание имеющихся в рабочем состоянии. Подобным образом, выбывающий жилой фонд нуждается в замещении, а не в приросте. Как и автомобильные парки общественного или частного владения. Даже потребность в продовольствии стабилизируется – съесть больше

объемов желудков просто невозможно. Иное дело, что можно поднимать качество еды, то есть, замещая «простую пищу» на «пищу богатых людей».

Стимулирование капитальных проектов и потребительского рынка все чаще происходит искусственным путем. Затеваются эпохальные стройки, возводятся громадные и мало кому нужные здания вроде проекта «Миллениум» в Лондоне. Сносятся вполне пригодные к использованию здания и целые кварталы, лишь бы поддержать собственную «строительную мафию».

Правительство Японии на пороге тысячелетия решило стимулировать внутренний потребительский рынок, выдав каждому японцу бесплатный ваучер эквивалентный нескольким сотням американских долларов на приобретение товаров личного потребления японского производства.

Акция по оживлению потребительского рынка стоила государственному бюджету многие миллиарды долларов. Но японцы, уверившись, что достигли всего, чего желали полвека назад, стабилизировали уровень потребления. Два десятилетия Япония страдает от дефляции (роста стоимости йены) и никакие меры не могут переломить ситуацию, выйти на уровень низкой инфляции, живой для экономики и экспорта. Японцы предпочитают все больше откладывать накопления, чем приобретать товары.

Что удивительно для нации, признанной всем миром трудоголиками, четко обозначилась тенденция к свободному времяпрепровождению «в ущерб работе». Особенно среди молодого поколения. Хотя в целом Япония пока лидирует среди развитых стран по продолжительности реального рабочего дня, его интенсивности, и по самой короткой продолжительности плановых отпусков и перерывов в работе по болезням и иным причинам. Тем не менее, группы японских туристов стали во всем мире синонимом массового «интернационального» отдыха.

Примеры можно множить сотнями. За ними удельное сокращение потребления «обществом потребления». Если это так, то нарастает тенденция удельного сокращения потребления ресурсов.

Конъюнктура момента состоит в политических изменениях последних десятилетий. Мировому рынку открылся громадный источник сырья в странах бывшего СССР, где военная промышленность пожирала большую часть добываемых и производимых ресурсов. Теперь военной промышленности социализма фактически нет, остатки ее не получают существенных заказов. Прежние сырьевые отрасли не находя сбыта внутри страны переключились на экспорт, обрушив мировые цены на многие металлы и сырьевые продукты. Несмотря на хищническую эксплуатацию сырьевых богатств (что всегда малоэффективно и ведет к быстрому истощению месторождений), запасов ресурсов столько, что хватит еще ни на один десяток лет.

Тем временем мировая гонка вооружений замедлилась (не путать с расходами на нее), соответственно упал традиционно предъявляемый спрос на ресурсы. Долговременной тенденцией явилось заметное удорожание современных тяжелых вооружений при одновременном изменении структур вооруженных сил. Времена массовых армий оснащенных армадами танков, десятками тысяч самолетов, сотнями тысяч орудий и минометов, расходы миллионов бомб и снарядов за одну операцию безвозвратно уходят в лету. Сверхточные боеприпасы, «умное оружие» экономят огромное количество ресурсов.

Развитые страны, особенно США, накопили немалые запасы стратегического сырья на случай войны, которое лежат мертвым грузом, и могут быть использованы (и

уже частично используются) в иных отраслях. От полной распродажи запасов стратегических материалов останавливает боязнь окончательно взорвать сырьевые рынки, что похоронит целые отрасли промышленности.

Аналогичная судьба ждет и законсервированные на случай войны месторождения нефти и газа, коих множество. Так что резкий и неожиданный кризис сырьевых ресурсов миру в ближайшей перспективе не грозит, а в будущем... Зачем заглядывать в грядущее, если мыслить о нем, выстраивать модели исходя из ошибочных (вернее – слишком узких) категорий.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод: удельная потребность в большинстве ископаемых и возобновляемых ресурсах не обостряется. Соответственно, должен падать относительный спрос на них, если экономическая потребность не возрастает. Во всяком случае – стабилизироваться. Таковы законы свободного регулирования рынка.

Однако рыночным механизмам здесь противостоит сама степень развития (структура) как мирового рынка, так и весь сложившийся миропорядок. Из необходимого предмета потребления промышленности, природные ресурсы превращаются в средство глобального манипулирования. Соответственно

Развитые страны заинтересованы в сохранении своего лидерства, в то же время их потребность в большинстве ресурсов снижается. Из экономической категории ресурсы все более перетекают в политическую – как средство давления на «молодых» конкурентов. Руководство потоками ресурсов становится орудием «мирового регулирования». Достаточно ограничить приток энергоресурсов и сырья в быстрорастущую экономику, чтобы ограничить ее рост.

Из «цели» ресурсы превращаются в «средства». Равным образом и рыночные механизмы из глобальных регуляторов мировой экономики превращаются в средство агрессии. То есть применяются только там, где они выгодны «основным игрокам рынка». В иных случаях применяются все «средства защиты»: от таможенных пошлин и акцизов, запретов на импорт, картельные соглашения между ТНК, на уровне правительств стран или региональных объединений типа ЕС. Во имя собственной выгоды и сохранения существующего миропорядка нарушаются все декларируемые принципы международного права и либерального рынка. Что, впрочем, сегодня воспринимается уже как данность.

Однако крупные потрясения не желательны для современной экономики. Она и без того, в силу своей капиталистической природы, является одним из основных источников потрясений – с периодичностью примерно 10 лет впадая в мировые экономические кризисы.

Потому примитивные механизмы регулирования, вплоть до прямой экономической блокады, остаются малоэффективными. Если конкурирующие экономики развивают в основном собственные внутренние рынки, работают на укрепление потенциала – они представляют известную опасность для «мирового сообщества». Именно они представляют опасность и требуют «политического регулирования».

Иное дело, когда развитие «промышленной периферии» включено в цепь мирового рынка. Когда страна производитель остро нуждается в промышленном сырье и энергоресурсах, имеет дешевую и управляемую рабочую силу, и, одновременно зависит от импорта технологий и капиталов. Здесь ее маневр резко ограничен. Такая страна заинтересована во внешних рынках сбыта продукции. И продукция (товары потребления)

эта продается по низким ценам в развитых странах, позволяя поддерживать высокий уровень жизни.

Нетрудно представить (и обнаружить в реальности) довольно изощренную схему контроля и управления потоками ресурсов:

- 1) Контроль за добычей природных ископаемых и их экспортом. При этом эксплуатируются природные ресурсы слаборазвитых стран и их почти дармовая рабочая сила – население там находится на грани нищеты или перешло эту грань. Разумеется, большинство месторождений или непосредственно принадлежат или находятся под контролем ТНК. Кроме того, страны эти связаны массой кабальных соглашений с бывшими метрополиями или «новыми хозяевами рынка».
- 2) Транспортировка полезных ископаемых и промышленных товаров массового спроса. Контроль над транспортными сетями, трубопроводами, судоходными компаниями, портами и прочими средствами доставки. При перевозке цены на сырье возрастают в разы. Причем трудно отделить собственно транспортные издержки от сверхприбылей транспортных, трубопроводных, контейнерных монополий. Рынок этот давно монополизирован и так же поделен крупными ТНК,
- 3) Мощнейший рычаг в руках «мирового сообщества» - капиталы и технологии.

А) Цены на основные природные ресурсы устанавливаются на «международных» биржах, расположенных в Нью-Йорке, Лондоне, Токио, Чикаго и так далее. То есть вовсе не в странах – производителях ресурсов, почти всецело зависящих от манипуляций на биржах сторонних игроков. «Развитые» государства имеют множество инструментов влияния на биржевую котировку. Особенно на стратегические тенденции рынка. В том числе путем валютных котировок, поскольку товары на биржах оцениваются в валютах развитых стран: долларах, евро, иенах, фунтах стерлингов, а не в валютах производителей или покупателей.

Страны - ресурсообладатели прилагают усилия для контригры. Как в «индивидуальном порядке» (Иран, Венесуэла, Ливия) так и международными объединениями типа ОПЕК. Однако страны «потребители» обладают куда меньшими возможностями, поскольку сила институтов развитых стран гораздо выше, Департаменты США обладают мощнейшими рычагами влияния, и строят его исходя из стратегических целей США. ЕС проводит единую экономическую политику, в том числе в областях энергопотребления, природных ископаемых, продовольствия.

В целом силы развитых стран несопоставимо велики по сравнению с добытчиками и производителями, учитывая, что те имеют ограниченный контроль над собственными ресурсами.

Б) Второе звено цепи – «инвестиции». Фактически означающие установления контроля и получение во владение целых отраслей хозяйства в странах-производителях. Начиная от «отверточной сборки» до сложнейших производств – основные хозяева в той или иной мере находятся за пределами стран-производителей. Одна только угроза свернуть производство и перевести его в другую страну делает и государство и персонал весьма сговорчивым. Точно так же ограничена возможность национализации предприятий – «технологические ключи» все равно находятся в руках владельцев, равно как каналы поставки сырья и вывоза продукции.

«Ключи» технологий (то есть доступ к ним) являются действенным фактором влияния на независимые экономики. Например, под предлогом возможности создания Ираном «исламской атомной» бомбы международными соглашениями ограничивается доступ Тегерана к огромному спектру современных технологий. В тоже время подобные ограничения не коснулись Пакистана, сумевшего создать свою «исламскую бомбу».

Определенную техническую изоляцию испытывают КНР и Индия. Однако, парадоксальным образом, подобные препоны стратегически идут им на пользу – они вынуждены развивать собственную фундаментальную науку, особенно в областях хай-тек технологий. В случае их быстрого развития существуют возможность утраты технологической зависимости от Запада. Потому ограничения касаются узко избирательных сфер, препятствующих стратегическому развитию технологий, в то же время предоставляя довольно широкий спектр приобретения технологий прикладных.

В узком аспекте ограничения на «экспорт технологий» касаются России, хотя прошло 20 лет со времени падения коммунизма, и реальных оснований для подобных ограничений нет с точки зрения «либерального рынка» или идеологии нет.

Но Россия остается важнейшим геополитическим соперником Европы и США, причем не столько реальными, сколько потенциальным. Утратив большую часть промышленного и научного потенциала, потеряв контроль над многими отраслями, фактически ставших собственностью ТНК, Россия все еще сохраняет контроль над добычей энергоресурсов и их транспортировкой. Потому имеет потенциал возрождения – причем довольно быстрого. Достаточно направить средства от экспорта энергоресурсов на модернизацию. Потому ограничения в технологии – один из инструментов держать Россию «в узде». Хотя более действенным средством является контроль над ее капиталами, полученными от экспорта.

Отсюда демагогические заявления о «неправильных деньгах» от энергоэкспорта, оборачивающиеся нахождением пресловутого Стабфонда в западных банках и фактически инвестированных в экономику развитых стран. В то же время, на словах ратуя за либерализацию рынка в России, устанавливаются препятствия для реального развития свободного рынка, в частности вступления России в ВТО, Пока не будет получен контроль над энергоресурсами России, подобная «уступка» никогда не будет осуществлена, но будет оставаться «красной тряпкой» - инструментом влияния на Россию, методом выбивания у нее уступки за уступкой.

В такой же мере Запад заинтересован в сохранении нынешнего уровня коррупции в России, хотя ее «рента» с экономики оценивается в 30-40 % (то есть доля «отката» в цену любого товара и услуги). Благодаря подобному положению российские товары в массе своей имеют низкий конкурентный потенциал, а политическое положение в России не позволяет проводить сколько-нибудь серьезные реформы экономики или политического устройства. Более того, в таких условиях главным источником стабильности России остается экспорт энергоресурсов и иных природных богатств, в чем и заинтересована ЕС, США, Япония. Поскольку крупные поставки обеспечивают достаточно низкий уровень цен на них. Чего, собственно, и добиваются «развитые страны».

Государственная мощь России остается низкой, и пока уровень коррупции высок, нет особой надежды на ее возрождение. Как геополитический конкурент Россия не представляет особой опасности. Более того – служит объектом критики как с точки зрения различных «либералов» от политики и рыночной экономики. А за критикой следуют вполне реальные политические шаги и ограничения.

Таким образом «развитые страны» обеспечивают себе контроль над мировым производством и распределением природных богатств на всех стадиях их превращения в конечные продукты потребления. Военно-политические механизмы являются только «сторожами» - «вооруженной охраной» на огромном складе с надписью «мировые ресурсы».

Но, раз существует подобное положение дел, то все основные кризисы ресурсов, в том числе и глобальные: продовольственный и водный, энергетический - напрямую зависят от «хозяев склада». Соответственно, вся риторика о грядущих кризисах ресурсов прямо или косвенно направлена на обслуживание их интересов.

Сложившееся положение требует только констатации, поскольку является продуктом исторического и экономического развития цивилизации за предыдущие пять веков. Даже понимая всю несправедливость нынешнего положения дел, сложно представить, что какая-либо из развитых стран добровольно пойдет на изменение порядка и, тем самым, совершит политическое и экономическое самоубийство. Хотя прецедент в недавней истории имеется – СССР и большинство стран социализма. «Выпавшего их цепочки» довольно быстро заменят более удачливые конкуренты. Например, Китай.

Налицо антагонизм: существующий мировой порядок ведет к «тихой смерти» примерно половины населения планеты из-за обостряющегося дефицита ресурсов, в то время когда его как в реальности его «не существует». Реальные игроки мировой политики и рынка в массе своей не заинтересованы в изменении такого порядка, наоборот, чем сильнее мнимый «мировой кризис ресурсов», тем прочнее их контроль над мировыми ресурсами, тем прочнее их положение.

Реальной силой и возможностями к изменениям обладают «динамичные экономики» то есть Китай и Индия (и несколько подобных им стран) условно «страны БРИК». Именно они имеют прямую экономическую потребность в возрастающем потреблении природных ресурсов. Потому заинтересованы в избавлении от выплат разнообразных видов монопольной ренты «мировым держателям ресурсов».

Современные «развитые страны» в экономическом смысле исповедуют вариант феодальных методов хозяйствования – поскольку их распоряжение ресурса все более обуславливаются только правами собственности на них и поддерживаются военной и политическими методами сочетаемые с ростовщическими методами оборота капиталов.

Как таковые ресурсы им нужны все меньше, им важна получаемая ими рента от ресурсов для поддержания «роскошного образа жизни». Прямая потребность растет у «промышленной периферии», там же происходит постепенное накопление капиталов, промышленных, научных и военных потенциалов. А подобная «разница потенциалов» естественным путем ведет к росту противоречий, в свою очередь является источником напряжения и конфликтов.

Таким образом, **войны за ресурсы будущего будут обусловлены не кризисом ресурсов как таковыми, а борьбой за их перераспределение. Что, в свою очередь, будет являться борьбой за более справедливый экономический порядок.**

Экономики «промышленной периферии» заинтересованы или в прямом захвате собственности над ресурсами, то есть замещением ТНК в добыче и транспортировке сырья (что уже происходит довольно активно), так и в проведении политики по обретению контроля «добывающих стран» над собственными ресурсами, то есть их национализацией. Возникнет возможность создания действительно свободных рынков ресурсов (с известными ограничениями) – и приобретения на них сырья без уплаты монопольной ренты ТНК и появлении на этих рынках как свободных продавцов – владельцев ресурсов (а не посредников), так и двух мощных покупателей: «развитых стран» и «промышленной периферии».

Более того, лишение монопольных «отчислений» начнет неуклонно понижать потенциалы развитых стран, их ослаблению как геополитических конкурентов. Что будет способствовать росту напряженности международных отношений. В условиях возрастающей конфронтации «периферия» начнет выводить свои капиталы из развитых экономик из опасности их потерять, равно для ослабления потенциального противника.

В настоящее время, несмотря на всевозрастающее противоречия США – КНР, оба партнера не заинтересованы в ужесточении конфронтации. Америка имеют поставщика дешевых товаров, а Китай – самый обширный рынок сбыта. Не стоит полагать, что подобный тандем будет существовать вечно.

По мере вывода капиталов и отъема сырьевой и транспортной ренты, равно замещения в международных расчетах доллара на юань, американский рынок будет утрачивать емкость и привлекательность. Имея развитую промышленность и приток (возврат) капиталов основные усилия будут прилагаться к развитию внутреннего рынка. То есть начнется путь к «японскому варианту» развития.

С другой стороны, сырьевые страны, заполучив часть ренты в свои руки (хотя при любом раскладе в ближайшее время большая часть ее все равно им не достанется) начнут предъявлять платежеспособный спрос на продовольствие, товары потребления и инфраструктуры.

Здесь только обозначается следующий (во времени, причем относительно дальнем) виток противоречий – столкновение между «промышленной периферией» и «добывающими странами». Последние будут стремиться к установлению контролем над цепочкой «снизу»: контроль над месторождениями, над процессом добычи, над обогащением и превращением сырья в полуфабрикаты, над транспортной инфраструктурой экспорта, над доставкой сырья потребителю.

«Новый экономический порядок» даст возможность перераспределить потоки ресурсов и богатств более справедливо. Снимет на время большую часть проблем голода и нехватки воды. Интегрально поднимет уровень жизни населения Земли. Именно тогда и наступит время «истинных кризисов ресурсов», поскольку уже многие миллиарды людей (а не только «золотой миллиард») начнут предъявлять реальный спрос на ресурсы.

В борьбе за новый экономический передел мира пройдет немало времени, поскольку развитые страны сегодня обладают практически неограниченными возможностями нынешний порядок сохранять. Хотя стратегически они обречены на поражение, как обречен всякий феодализм в борьбе с капитализмом. Их уход на вторые роли – вопрос времени. Единственная возможность остаться «на первых ролях» – найти новые ниши и лакуны первенства. То есть только на новых магистральных путях развития цивилизации можно еще оставаться впереди. Скорей всего, подобное осознание наступило давно, с момента провозглашения «информационной цивилизации»: поскольку контроль над перераспределением природных ресурсов рано или поздно будет утрачен, следует переориентироваться на лидерство в технологической, научной и культурных

сферах. Разумеется, в новых условиях одним из основных направлений станет разработка ресурсосберегающих и ресурсозамещающих технологий. Успехи окажутся столь впечатляющими, что современные меры ресурсосбережения покажутся жутко расточительными. Их распространение на весь мир (как один из основных видов экспорта) в значительной мере отодвинет общий ресурсный кризис человечества. К этому времени возможна стабилизация роста численности населения планеты, начнется его старение и снижение агрессивности в целом.

Следует признать, что подобное лидерство будет более справедливым. Следовательно, число противоречий и генерационных условий для возникновения конфликтов снизятся на порядок. Правда, до определенного предела – рост потенциалов «периферии» и «добытчиков», даст возможность роста армий и вооружений, что приведет к войнам за новое перераспределение территорий с ископаемыми ресурсами, ценность которых в условиях повышения спроса на ресурсы увеличится. «Золотой век справедливости» будет недолгим.

Одним из немногих ресурсов, потребность в котором в ближайшем будущем не упадет, являются энергоносители. Не уровень доходов на душу населения (это относительный показатель, поскольку при сравнении уровней жизни в разных странах не учитывает уровня цен и структуры расходов), но потребление электроэнергии на душу населения – главный интегральный показатель уровня жизни. В данном тексте объяснять эту связь не имеет смысла, так что эту лучше принять за аксиому.

Более десяти лет назад были проведены расчеты потребления энергоресурсов. Оптимистичным называлась цифра в 50 лет, далее человечество вплотную столкнется с энергетическим кризисом. К этому времени затраты энергии на поиск и освоение новых месторождений превысят их отдачу.

Одновременно оценивались перспективы сбережения энергоресурсов. Выяснилось, что замена устаревших технологий современными (т.е. существовавшими на начало 90-х) поможет сэкономить 30-45 % всей потреблявшейся на тот момент энергии, еще 10-15 % даст осуществление специальных энергосберегающих программ. Таким образом, без всяких технологических революций можно было сократить добычу нефти, газа и угля, вырубку лесов на дрова в минимум вдвое.

Прошло десять лет, и что изменилось? Экономить стали чуть больше, но и потреблять стали больше примерно на 40%. Никто не поставил под сомнение могущество транснациональных или национальных (вроде «Газпрома») корпораций, никто не посягнул на гарантии их сверхприбылей. Нефть понемногу дорожает, что на руку нефтегигантам. Специфика роста цен на энергию: ее стоимость включается в стоимость всех производимых товаров и услуг. Раскручивается спираль инфляции (дорожают металлы и машины – средства добычи – вновь нефть), подстегивая стагнационные и кризисные процессы. Тем не менее, на сегодня ископаемых углеводородов имеется в избытке, и пока такое положение будет сохраняться, шансы на радикальные прорывы в обуздании грядущего энергетического кризиса практически равны нулю.

В начале XXI века широкое распространение получили светодиодные осветительные лампы, дающие сотни свечей света, потребляя 1-2 ватта и не перегорая годами. Лампа накаливания – пресловутая «лампочка Ильича» по оценкам специалистов по электрике в ближайшие несколько лет должна превратиться в антиквариат. Только от этого мировое энергопотребление должно сократиться на те же 10-15%. Но... скорей всего не сократится. Потреблять энергии на освещение на первых порах станут меньше, но быстро найдется ниша, куда уйдет излишек. Появится вдвое, втрое больше освещенных магистралей, световых реклам и так далее...

История XX века знала немало конфликтов из-за нефти, подобно «войне Чако» 30-х годов, к тому же периоду относятся военные столкновения из-за нефтеносных районов между Перу, Эквадором, Колумбией. «Бедные» страны воевали между собой из-за ресурсов. Упоминалось ранее, что квинтэссенцией этих стремлений стали агрессии стран «Оси». Япония была спровоцирована на начало войны именно предстоящим дефицитом нефти, хотя планы по завоеванию нефтеносных колоний строились ее изначально и были хорошо продуманы и обеспечены военным потенциалом.

В настоящее время «войны за нефть» ведутся исходя не из сегодняшнего дефицита углеводородов, но ориентируясь «из перспективного взгляда на будущее», что уже не столько «борьба за ресурсы», сколько навязывание собственных геополитических интересов. Т.е. интересуется не сам ресурс, как предмет потребления, а контроль над ним, как элемент политического влияния и как экономическое оружие.

К «битвам за нефть» Новейшего времени относятся: Война за Фолклендские острова, череда войн вокруг Ирака - ирано-иракская, нападение Ирака на Кувейт, две «операции» коалиций во главе с США против Саддама.

К тлеющим конфликтам можно отнести противостояние США (опять в коалиции «друзей») против Ливии. Еще несколько менее значительных.

Перечень конфликтов указывает, что большинство из них развязано вовсе не странами, испытывающими истинную нужду в ресурсах, в том числе энергетических, а наиболее богатые, чье население, по «общемировым меркам» вообще ни в чем не испытывает нужды.

«Войны за нефть» ведут страны «золотого миллиарда» за сохранение существующего на сегодня их привилегированного положения в потреблении энергоресурсов. «Богатые» хотят оставаться богатыми, и имеют на это средства, в том числе вести войны.

Легко списывать усилия развитых держав, прежде всего США, на отстаивание интересов одиозных монстров под брэндами «Тексако», «Шеврон», «Стандарт Ойл», «Эссо», «Шелл», «Бритиш Петролеум» и пр. – столпов экономики, как это сделали ли бы марксистские аналитики.

В таком подходе есть резоны, тем более что именно эти компании наиболее активно скупают патенты на альтернативные источники энергии и энергосберегающие технологии. И не дают им хода, заботясь как о сегодняшних и завтрашних сверхприбылях, так и о дне послезавтрашнем, когда товаром станет сбереженная энергия и действительно придется перейти на альтернативные источники.

Мушкетирование темы грядущего энергетического кризиса выгодно и нефтедобывающим странам, поддерживающих высокие цены на нефть и газ, получающих прибыли и обращающих их в приносящие дивиденды активы. Падение спроса на нефть неизбежно приведет к подрыву их экономик и утрате политического влияния.

Если немного пофантазировать, впад в грех футурологии, представить, что развитые страны действительно разом сократили вдвое количество потребляемой энергию, то встает вопрос: куда денется вторая половина? Разумеется, добыча энергоископаемых уменьшится, хотя и ненамного, цена же на них понизится настолько, что сделает возможным более широкое потребление энергии развивающимися странами.

Подобного не произойдет в одночасье, нужна инфраструктура выработки, передачи и потребления энергии. Пример России показывает, что дешевизна ископаемых и наличие инфраструктуры еще не означает автоматического роста уровней производства и жизни. Однако подобное перераспределение энергоресурсов усилит тенденции и без того стремительного роста и процветания таких стран как Китай, Индия, Бразилия ныне испытывающих нужду в энергоресурсах.

Эти страны заинтересованы даже не в большем притоке энергоносителей, но именно в рациональном энергопользовании. Поток энергии означает скачкообразное обогащение и укрепление геополитических конкурентов «Запада», обуздать которых экономическими и политическими способами не удастся. Военные потенциалы этих стран будут расти пропорционально (как минимум) приращению их национальных богатств. В информационной сфере Китай и Индия имеют заметные успехи, и нет надежды, что их информационный прогресс замедлится.

Поддержание существующей нерациональной схемы потребления энергии «классического западного образца» дает возможность США укрепиться на международном рынке энергоресурсов, взять их под контроль, тем самым, контролируя и (в известной степени) регулируя темпы роста конкурентов. Парадоксально, но самая энергопотребляющая страна (соответственно больше всего расходующая средств на энергоносители) более всего не заинтересована в принятии радикальных мер по экономии энергоресурсов. Впрочем, расплачивающиеся по счетам за электроэнергию и бензин потребители несколько иного мнения, но пока цены на энергию относительно невелики, они не высказывают недовольства и не предпринимают активных действий.

Неограниченно расходуя нефть и газ действительно можно очень скоро можно подойти к энергетическому кризису, который легко сделать регулируемым, контролируя крупнейшие мировые месторождения нефти и имея обширные законсервированные нефтяные поля на собственной территории.

Можно без труда обрушить стремительно развивающиеся промышленные экономики конкурентов, не имеющих достаточных собственных источников, отбросить назад (подобно сценарию распада СССР) или вообще убрать с геополитической арены. Если вывести из игры Индию и Китай, то останется еще и Россия, для которой угроза нефтяного кризиса призрачна. Но Россия сегодня лишь жалкое подобие прежнего СССР, соответственно ее реальное влияние на мировую экономику невелико. Политическое влияние неуклонно сокращается, чему немало способствует нынешний отказ от всяких внешних амбиций руководства России.

Одновременно кризис сильно ударит по Западной Европе, и Америка получит мощный рычаг влияния на нее.

Подобный кризис оздоровит и мобилизует экономику США, заставив активно внедрять энергосберегающие технологии, задействовав под эту перестройку огромный потенциал (как отмечалось, затраты энергии можно сократить вдвое, а если хорошо постараться – то и втрое). Одновременно обуздать и взять под контроль транснациональные нефтяные монополии. Не говоря о мобилизации военных усилий и полной загрузки военной промышленности.

Под таким углом зрения теперешний конфликт с исламом представляет первое сражение, завоевание плацдарма для планируемых грядущих больших битв. Если это так, то США объективно заинтересованы в провоцировании конфликта, то есть в расцвете

исламского терроризма. Интересы Америки и исламских нефтедобывающих стран, при полярной разнице целей, на данном историческом этапе совпадают.

Подытоживая раздел о грядущем нефтяном кризисе, следует сделать вывод, что он вполне возможен. Однако фатальным не окажется. К тому же на обозримый период развития цивилизации ископаемых и вновь образующихся углеводородов хватит с избытком. Поскольку:

1. Истощенным сегодня считается месторождение, из которого выбрано от 20 до 40% имеющейся нефти. Дальнейшее ее извлечение делается нерентабельным, поскольку энергозатраты (следовательно – себестоимость) становятся равны энергоотдаче добываемого топлива. Новые технологии позволят добывать нефть более рачительно. То есть вернуть истощенные месторождения во вторичный оборот добычи.

2. Разведанные запасы угля в 9 раз превышают все добытые прежде. Технология производства искусственного горючего из угля известна более 70 лет и неоднократно успешно применялась. При истощении нефтяных запасов их замещение за счет переработки угля в жидкое топливо будет широко востребовано.

3. Под дном мирового океана существуют огромные залежи жидкого метана. Хотя метан менее ценное топливо, чем используемый сейчас пропан и бутан – огромные его запасы с лихвой компенсируют разницу. Соответственно, появятся технологии добычи метана с больших глубин.

4. Уже сегодня широко распространились технологии производства биотоплива. Полученные результаты обнадеживают, хотя сами технологии пока находятся в «стартовом» состоянии. При более разумной системе утилизации органических и пластиковых отходов, (в том числе получения топлива из канализационных стоков) потребность в ископаемых видах топлива будет падать.

5. После Чернобыля атомная энергетика вызывает сильное недоверие. Однако и здесь технологические возможности шагнули вперед. Требования к безопасности реакторов возросли на порядки. При их соблюдении, атомная энергетика становится наиболее экологически чистой. Обнадеживают успехи Франции в этой области.

По расчетам тамошних ученых, накопленных Францией запасов урана хватит на три тысячи лет, поскольку разработана технология вторичного обогащения отработанного ядерного топлива. Цикл практически бесконечен. При более широком внедрении французского опыта, потребности в нефти значительно сократятся, особенно при широком внедрении электромобилей.

Уран – сырье военно-стратегическое. Однако потребности в атомном оружии тоже сокращаются. Соответственно сокращаются и потребности в уране, который находит все более прозаическое применение.

Как отмечалось выше, голод, как угроза всему человечеству не грозит. Казалось бы, утверждение противоречит фактам – если принять во внимание статистику голодных смертей.

В тоже время от проблем ожирения во всем мире страдают сотни миллионов людей. Триллионы тратятся на борьбу с лишним весом. Впрочем, здесь можно впасть в грех морализаторства. Хотя речь идет об анализе ситуации.

Борьба за пищевые ресурсы явилась первой, самой старой причиной конфликтов. Схватки между первобытными племенами за охотничьи угодья до сих пор практикуются еще в диких местах Амазонии и Новой Гвинее. Пожалуй, только в Африке и Афганистане еще можно встретить межплеменные столкновения за пастбища и источники. Хотя угон скота куда более распространенное явление по всему миру.

Во всяких войнах человечество привыкло первобытную подоснову борьбы за первичные ресурсы, прежде всего пищевые. Эти ресурсы в «доисторические времена» представляли собой съедобную фауну и флору, на определенной территории (или акватории). Таким образом, захват территории противником означал прямую угрозу самому существованию племени.

Появление сельского хозяйства означало стабилизацию источников пищи, то есть меньшую зависимость от состояния природы. Угроза голодной смерти если и не исчезла совсем, то стала менее сильной, заменившись зависимостью от урожая или приплода скота. С развитием земледелия привлекательными для захвата стали плодородные возделанные площади. Одновременно возникли «пищевые» конфликты между племенами охотников и собирателей и сельскохозяйственными племенами, обладавшими большими запасами пищи.

Остатки подобных явлений до сих пор наблюдаются в Африке, а столетие назад были весьма распространенным явлением по всему миру на стыке разнообразных состояний обществ. Так подобный род конфликтов описан Лоуресом Аравийским при описании кочевых племен Аравии, часто лишавшихся из-за засух или эпизоотий своих стад и разграблявших земледельческие оазисы.

Соответственно, сегодня «конфликты из-за еды» относятся к самым архаичным и относительно редко встречающимся конфликтам. Тем не менее, «память тысячелетий» заставляет реагировать на прогнозы продовольственных кризисов наиболее остро. Тем более, что первая треть XX века несколько голодовок, приведших к миллионам смертей пережили такие «житницы мира» как Россия и США, а в Индии и Китае в первой половине столетия ежегодная голодная смерть миллионов была «нормальным явлением». Прошло слишком мало времени, чтобы страхи развеялись. Потому в руках пропаганды «угроза голода» является довольно сильным козырем.

Сегодня войны за продовольствие очень тесно указаны с постками гуманитарных поставок. Вопросы о бедственном положении «голодного миллиарда» и гуманитарной помощи уже рассматривался выше.

К приведенной ранее мотивации ее оказания (сострадание, равно построенный на нем многомиллиардный бизнес благотворительности, и осознание угрозы нашествия иммигрантов из голодных районов), следует добавить еще прямые поставки продовольствия союзникам как реальным, так и потенциальным.

Как обычно в районах бедствий, продовольственная помощь является источником обогащения местных коррумпированных властей, средством усиления местных кланов. Возник даже особый феномен «войны за гуманитарную помощь» наиболее остро проявившийся в Сомали. Сейчас, когда гуманитарные организации покинули регион, соответственно иссяк ручеек помощи, положение только усугубилось. Феномен пиратства XXI века можно считать продолжением «битвы за продовольствие» вынесенный вовне. Как обычно, на операции по умиротворению пиратского берега заставляют тратить огромные средства на дежурные эскадры ВМС многих стран мира, вместо того, чтобы решить проблему в корне.

После фиаско США на Африканском роге, никто уже не отваживается на вторжение в этот регион. Скорей всего еще долго будут «решать проблему» «техническими средствами» с привлечением спутниковой разведки, беспилотников, флотов, и прочего арсенала.

Следует отметить, что подобное положение всего региона вокруг Баб-эль-Мандебского пролива (Судан, Сомали, Йемен) сделало его крайне привлекательной для Аль-Каиды. Бен-Ладен смог «найти общий язык» с местными властями и полевыми командирами, организовать действенные программы продовольственной помощи, строительства, ирригации, развития сельского хозяйства. Дело в том, что он инвестировал средства, желает получить гарантии их сохранности, и имеет действенные средства контроля и множественные рычаги давления на администрацию и населения. Вплоть до физической расправы и устранения. Хотя, главная цель его – вовсе не оборот вложенных капиталов.

Разумеется, Бен-Ладен получил планируемые главные профиты: снискал симпатии населения и нашел в регионе огромный мобилизационный ресурс для пополнения рядов боевиков и террористов. Тем самым была создана еще одна обширная база Аль-Каиды.

Местная историческая традиция тому способствует еще со времен восстания Махди в конце XIX, собравшего под свои знамена множество фанатиков (тогда решающую роль в подавлении сыграли метральезы). Через полвека похожее восстание было подавлено исключительно английской авиацией. Каким техническими средствами будет усмирены суданские фанатики на этот раз пока неизвестно.

Первоначальной мотивацией рекрутов из этого региона служит бегство от голода и нищеты в лагеря террористов, и только после соответствующей «промывки мозгов» боевики становятся фанатичными приверженцами джихада. Как и сомалийскими пиратами, здесь проявляется продолжение войны за продовольствие.

Парадоксальным образом, факт успеха программ Бен Ладена указывает на то, что проблема решаема в принципе, но она не решаема в парадигме западных принципов. А пока проблема существует, она будет представлять серьезную угрозу для мира.

С другой стороны, обращаясь к всё той же статистике, следует признать голод одним из самых эффективных ОМП. Уничтожение десятков миллионов жизней в год избавляет от потенциальных и реальных противников, подрывает потенциал охваченных голодом стран, прежде всего продовольственный и сельскохозяйственный – как следствие людской, экономической, военной. Для голодающей страны более характерна не внешняя агрессия, но внутренняя смута, приводящая порой к распаду государства. Достаточно просто передвинуть «неудобную» страну в конец списка соискателей различных видов помощи.

Подобный взгляд следует признать реализацией политиками неомальтузианских теорий, однако «ловить за руку» и обвинять в преднамеренных людоедских планах интеллигент развитых стран преждевременно. Им вполне достаточно существующего мирового порядка, который «невидимый рукой рынка» все «расставляет на свои места». Уничтожение десятков миллионов происходит «естественным путем», формально развитые страны могут заявлять о своей непричастности.

Следует сделать неутешительные выводы, что существующий мировой порядок порождает продовольственный кризис. Чтобы его избежать, следует этот порядок радикально изменить, в чем как раз не заинтересованы основные «игроки» мировой

политики. Кардинальные изменения означают для них утрату своего лидерства в мире и снижение уровня жизни населения, что неминуемо приведет к социальным взрывам.

«Золотой миллиард» предпочитает мириться с существующим положением, тем самым, приближая распространение продовольственных кризиса ресурсов на все большую часть мира. Если проблема не решается программно, планомерно – то противоречия накапливаются, и разрешение их происходит стихийно, «взрывным способом». В таком случае проблема голода может превратиться в генератор бесчисленного ряда конфликтов.

К стратегической роли голода следует добавить, его применение в качестве орудия глобального манипулирования, и а резкое снижение поставок продовольствия, как угрозу взрыва внутривнутриполитической ситуации. Ничто так не развивает чувства тревоги и неуверенности, как перебои с поставками жизненно необходимых предметов потребления: прежде всего еды и воды, топлива. Сколько-нибудь существенное ухудшение вызывает возмущение населения, прежде всего существующей властью.

Власти в этом случае нужен стратегический мотив стабилизации. Например, война или внешняя блокада, чтобы обосновать возникшую нехватку. Во всех иных случаях массовых беспорядков не избежать. Важно, чтобы дефицит возникал скачкообразно, в течении, максимум, года - двух.

Манипуляция подобными факторами была опробована при свержении правительства Альенде в Чили, где перевороту предшествовала кампания подрыва снабжения населения необходимым, и вылившаяся в ставшие нарицательными «марши «пустых кастрюль».

Массовое недовольство именно фактором «снабжения населения» привело резкому росту недовольства в СССР, хотя как таковой нехватки продовольствия не существовало, об угрозе голода говорить вообще не приходилось. Тем не менее «перебои», зачастую вызванные искусственно умелыми «реформаторами», посеяли чувство тревоги и неуверенности. Даже частичное нормирование потребления привело к обратным результатам в условиях «введения элементов рыночной экономики». В глазах населения Власть не могла уже не только защитить свой народ, но попросту прокормить его и обеспечить жизненно необходимым. Народ требовал реформ, когда он сможет «накормить себя сам». Результат известен.

Подобные методы манипуляции, как видно из недавних событий разнообразных «цветных революций» широко практикуются и сегодня.

Следующим важнейшим ресурсом является пресная вода. Разумеется, существует немало футурологов, предсказывающих, что XXI столетие станет «эрой войн за воду».

Как с нехваткой продовольствия, с выделением «голодного миллиарда», выделяются и «миллиард жаждущих», хотя проблема намного шире – около 2.5 миллиардов человек в мире лишены доступа к нормальной питьевой воде. В своей основной части число жаждущих совпадает с голодными, прежде всего, население африканского материка к югу от Сахары.

То есть там людям действительно нечего пить, не говоря уже об орошении полей или воде для скота и хозяйственных нужд. Их регионов начинается еще более стремительный отток населения, чем из голодающих районов. И процесс развивается лавинообразно: бегущее население, разумеется, лишено не только воды, но и продовольствия, сильно ослаблено, потому является «естественной средой» распространения болезней. И разноса голода, жажды, эпидемий на весь регион Сахеля.

Хотя причины можно отследить: уничтожение лесов ради сельхозугодий, рост обрабатываемых площадей и значительный отбор воды для полей. Обмеление рек, исчезновение болот, оскуднение источников и колодцев. Забор артезианской воды и засоление почв от ее использования. Ранее цикл фильтрации морской воды в земной коре составлял столетия и даже тысячелетия – соль успевала выпасть в осадок и образовать подземные залежи. Теперь откачка подземных резервуаров ускорила этот цикл до десятилетий. И из многих артезианских скважин начинает бить вода с относительно высоким содержанием соли. Далее эта же вода просачивается и в почвенные водоносные слои. Ранее пресные колодцы тоже засаливаются. Процесс необратим.

Об процессах разрушения естественной среды обитания можно написать очень многое, Вывод от этого останется неизменным: интенсивное вмешательство человека ведет к превращению саван и даже джунглей в пустыню.

В общем: «сами виноваты», «расплодились» и прочие мальтузианские и расистские доводы. Факторы, на первый взгляд объективные, поскольку отражают действительно произошедшие процессы: переход от архаичной системе хозяйствования к частично интенсивной. Появление тракторов и современной техники вырубки лесов позволило почти молниеносно освоить огромные сельхозугодья в зоне рискованного земледелия, и перейти степень риска.

Фатальным оказалось появление в пустынях автомобиля. Не так давно выяснилось, что поездки по пустыням разрушают поверхностный слой барханов, на которых существует «корка», насыщенная живыми организмами, живущими за счет концентрированной влаги утренней и вечерней росы. Разрушение этой корки высвобождает скрытый в барханах сыпучий песок. Подобно тому, как гусеничная техника разрушает живой слой над вечной мерзлотой.

Одни автомобиль оставляет за собой борозду в сотни километров, ставящуюся источником эрозии барханов. В пустыне сотни тысяч автомобилей совершают не один рейс в день. Из-за этого фактора скорость перемещения песчаных гор увеличилась в 2-3 раза, а число песчаных бурь – в десять раз (!!!). Песчаные бури из Сахары уже всерьез угрожают земледелию Южной Европы. О странах Сахеля уже никто не говорит – регион заброшен.

Из всего можно сделать вывод, что фатальные сдвиги в экологии произошли именно из-за вмешательства прогресса в архаику. В том числе и земледелия и природопользования.

Причем проблема не сильно зависит от «дикости» (культурной формации) населения. Песчаные и пыльные бури стали обычными для Пекина и всего Китая. Американский штат Калифорния практически исчерпал не только собственные речные ресурсы, но и запасы грунтовых вод. Более того – практически «выпил» всю реку Колорадо. При этом ежедневное потребление воды на одного жителя в Калифорнии самое высокое – более 1060 литров в день.

Природа не заставила себя ждать. Мало того, что вырубка древесины в Калифорнии сократила площадь лесов за столетие почти в десятки раз. Оставшиеся леса, лишенные притока влаги иссыхают. Страшные лесные пожары стали настоящим проклятием штата. Однако радикально сокращать потребление воды калифорнийцы не собираются, поскольку не готовы к понижению уровня жизни «самого процветающего штата Америки».

Наиболее «проблемным» регионом, испытывающим все возрастающий дефицит пресной воды, считается Ближний Восток. Причем споры за отбор воды выходят за пределы географического понятия этого пространства: от вод Нила, являющихся предметом спора Египта и Судана, до вод Тигра и Ефрата, что никак не могут поделить

Турция, Сирия и Ирак. На грани истощения подземных вод стоит Саудовская Аравия, к опасной черте подошли почти все арабские страны Персидского залива.

Разумеется, Израиль, как главный «источник ближневосточного конфликта» оказывается в центре векторов «спора из-за воды». Уже более полувека фактор гидроресурсов называют одним из основных движущих мотивов периодически вспыхивающих войн. Контроль за рекой Иордан, Тиренским озером, обильными на источники Склонам Голанских Высот и так далее.

Израиль эти войны выиграл, и получил доступ к пресным водам. Каков результат? Все тот же дефицит воды. Иордан превратился в ручеек, Мертвое море обмелело настолько, что возникла реальная угроза его высыхания и превращения в соляную пустыню. Что грозит региону солевыми бурями, способными уничтожить все плодородные земли.

Вода становится главным фактором развития региона (верней, ее недостаток – основным тормозом развития). Ее потоки уже приравняются к поставкам энергии и продовольствия. Так житель Израия получает и расходует 300 литров воды в день, житель палестинских анклавов – 30. То есть физиологический минимум, учитывая, что только на питье и пищу следует расходовать не менее 4-5 литров. Противники Израия называют подобную диспропорцию «водным геноцидом» палестинского населения. Насколько они правы, судить сложно, однако фактор водного дефицита уже превратился в одну из главных проблем выживания всего палестинского населения.

Понимая всю серьезность проблемы, израильтяне принимают комплекс мер по экономии воды, выведшие Израиль в лидеры в этой области: внедрили капельное и капиллярное орошение, технологии опреснения морских вод, вторичные оборот гидроресурсов и замкнутые циклы. Однако опреснение требует большого расхода энергии. Если шейхи Персидского залива могут позволить себе подобные траты, то проблема энергоресурсов для Израия стоит куда острее.

Гораздо ранее основания государства Израиль возникло понимание, что проблема гидроресурсов тесно связана с состоянием окружающей среды. Началась посадка лесов, уничтоженных в Палестине еще Саладином во времена последних крестовых походов, чтобы Святая Земля стала менее привлекательна для новых завоевателей.

С провозглашением независимости Израия программа посадки лесов превратилась в одну из важнейших государственных программ. Страна на несколько десятилетий превратилась в «зеленый остров» среди пустынь. Однако к началу 90-х естественный срок вегетации деревьев подошел к концу, леса погибли – воссоздать естественную среду их воспроизводства не удалось. Сегодня проблему израильтяне пытаются решить за счет разбивки плодовых садов на травянистых грунтах и охраны сохранившихся уголков «естественной природы». В целом технологии и меры по сохранению природной среды позволяют экономить до трети гидроресурсов по сравнению с соседями. Что в условиях региона большая победа.

Естественно, соседи Израия, где пророст населения высок и потребность в орошении возрастают, тоже претендуют на свою часть гидроресурсов. Однако эта схватка скорей напоминает драку за последний кувшин у пересохшего колодца. Даже война не разрешит проблемы, корень ее вовсе не в «жадности соседей». Пресной воды при нынешнем уровне потребления все равно не хватит, даже если Израиль в очередной раз окажется победителем.

Израилю жизненно необходимо сохранить свое теперешнее лидерство в регионе. А оно построено на развитой промышленности, особенно в области хай-тек технологий.

Значительной частью промышленности является ВПК – «священная корова» страны, всю свою историю живущей в состоянии военного лагеря. Развитом высокопродуктивном сельском хозяйстве. Технологии, вооружения, фрукты – основа экспорта Израиля, тратящегося на приобретение углеводородов и стратегических материалов, необходимых для поддержания высокой обороноспособности страны и ее стратегической безопасности.

Столь же обязательным условием является поддержание самого высокого в регионе уровня жизни своих граждан, поскольку его существенное снижение сделает жизнь в стране малопривлекательной для его граждан. Что вызовет отток населения – большинству из них попросту нечего будет защищать. Сегодня они сражаются за «рай на земле», завтра придется биться за кусок бесплодной пустыни.

В подобных условиях невозможно сколько-нибудь радикально снизить потребление пресной воды. Водяной кризис вполне реален, а «конечная схватка за воду» не сможет что-то радикально изменить. Разве продлить агонию на несколько лет или десятилетий.

Подобные проблемы можно решить только сообща. Для чего необходим мир с арабскими соседями. Проблему обмеления Мертвого моря сегодня планируется решить подведением к нему воды из Красного Моря. То есть по израильско-иорданской границе. Проект означает гибель уникальной водной среды Мертвого моря, но выбор сегодня только между его полным высыханием или подъемом уровня за счет морской воды. Пресной воды для его восстановления просто нет.

Проект показывает, что вода на Ближнем Востоке имеется. Правда – соленая. Так же имеются обширные энергетические ресурсы: солнца, ветра, приливов. Принципиальная возможность испарения влаги морей и ее концентрации в виде пресных остатков имеются. Но для этого необходимы действия, альтернативные нынешнему состоянию: совместные радикальные проекты в десятки миллиардов долларов. И длительное состояние мира. Вероятность подобного развития событий довольно низкая, поскольку регион уже почти столетие с Первой Мировой Войны живет в состоянии перманентного военного кризиса.

Однако военный путь разрешения конфликта окажется путем в бездну, поскольку войны не создают, а разрушают хозяйственные инфраструктуры. Сегодня повторение «войны Судного Дня» может обернуться катастрофой, поскольку равновесие стало гораздо более хрупким, узлы водоснабжения являются одним из самых уязвимых и болезненных мест противника. Удары по ним приведут к катастрофе всего региона.

Сегодня противостоящие стороны не заинтересованы в предоставлении геополитическим противникам доступа к гидроресурсам, поскольку таковые действия ведут к ослаблению собственного потенциала и усилению врага. Ресурс и в данном случае становится предметом манипуляции со стороны враждующих сторон. Его особенностью в данном случае, что он является предметом первой необходимости. Во всяком случае, чем дальше, тем больше само существование государства Израиль будет зависеть от пресной воды, и прекратится от острого ее дефицита.

Хотя принципиальная возможность альтернативного развития событий имеется, но, как и в случае глобальных мировых ресурсов, требуется радикальное изменение самой архитектуры международных отношений на Ближнем Востоке.

На приведенном примере «вода и конфликты Ближнего Востока» очевиден принцип будущих «войн за ресурсы»: **Когда ресурсы действительно подойдут к концу, широкомасштабные войны за них станут невозможны. Поскольку война сама по**

себе пожирает массу ресурсов, а расходы ресурсов на войну уже не будут покрываться захваченным ресурсом.

В переходе к глобальным проблемам, можно так же констатировать, что проблема пресной воды в принципе решается для большинства жаждущих. Ведь суть проблемы не в отсутствии пресной воды, но ее загрязненности, в том числе (и даже – прежде всего) антропогенным фактором. Даже самые примитивные меры по отводу, канализации и фильтрации бытовых и промышленных стоков, их биологического обеззараживания сегодня может спасти жизни миллионов людей ежегодно.

Применение хай-тек технологий очистки пресной воды и орошения в регионах ее дефицита способно спасти десятки миллионов. Но, как и с продовольствием, вряд ли все это произойдет в ближайшие годы по тем же самым причинам

В конце 60-х – начале 70-х проблема питьевой воды остро встала перед Европой – пожалуй, впервые в ее трех тысячелетнюю историю. Причина – отравление промышленными, сельскохозяйственными и бытовыми стоками крупнейших рек, таких как Рейн или Сена. Политика ЕЭС по введению и соблюдению строгих мер экологии привело к массовому строительству очистных сооружений, выведению из оборота наиболее опасных удобрений, пестицидов, жесткие санитарные нормы позволили разрешить проблему в одно десятилетие. Хотя меры потребовали крупных издержек, что привело к удорожанию продукции, снижение конкурентоспособности.

Не всегда меры были корректны с точки зрения мировой экологии. С переводом многих опасных с точки зрения экологии предприятий химической, металлургии, электронной промышленности часть экологических проблем «переехала» вместе с ними еще сильнее усугубив экологические проблемы третьих стран, в том числе в области гидроресурсов. Существует известная надежда, что и в них процессы с охраной экологии будут развиваться по пути Европы.

Современный парадокс трех основных ресурсов состоит в их взаимной «конвертируемости». Аксиомой в производстве продовольствия стал расчет не только финансовых затрат на единицу продукции, но введение дополнительных параметров расхода воды и энергии.

Пример стран Персидского залива показывает насколько легко нефть сегодня может превратиться в пресную воду, питающую огромные прибрежные оазисы. Вода, в свою очередь является важным энергоресурсом для гидроэлектростанций. Третья метаморфоза – массовые посевы культур под биотопливо.

Как ни странно, новации, призванные решить проблемы, во многом усугубляют их. Дело в том, что развитые страны предпочитают «растить топливо» не на собственных землях, а закупать или арендовать под это плодородные земли в тропических зонах.

Что приводит к сокращению там продовольственных сельхозугодий и рост цен на продовольствие. В том числе глобальный. Что обостряет и без того немалый его дефицит продовольствия в странах третьего мира. Как издевательство выглядят предложения закупать на деньги, вырученные за выращивание биотопливо, продовольствие «в иных странах». Разумеется, в странах, где есть их перепроизводство ЕС и Америке.

«Войны за ресурсы» сегодня архаика, и чем явнее в причинах конфликта обострение борьбы за ресурс, тем ниже уровень развития отношений в обществе, ведущих эту войну (например, ангольская борьба за месторождения алмазов). Возможно, фактор

контроля над ресурсами сильно влиял на развязывание Первой Мировой Войны, ощущался во Вторую Мировую (особенно в виде требований Гитлера захвата «жизненного пространства»), но к концу века все более угасал.

Метрополии оставили колонии, найдя более эффективные способы получения ресурсов посредством мирового рынка. Стремление к интеграции и изменение структуры мировой экономики (экономическая глобализация) сделали ресурсы объектом коллективной эксплуатации. Фактор «национального интереса» к ресурсам сменяет транснациональный интерес к ним. В таких условиях глобальные войны за ресурсы переходят в разряд гипотетических войн будущего между отдельной страной (причем – сверхдержавой) и транснациональной силой. Опять встает вопрос, с которого все и началось – противоречие между геополитическими интересами США и остального мира.

Всеобщее беспокойство за ресурсы лежит не столько в собственно экономической сфере, но несколько глубже – в принципах современной западной цивилизации. В основах теории «общества потребления»: чтобы экономика развивалась, необходимо больше производить, но чтобы больше производить, надо больше потреблять. Чтобы больше потреблять, надо ограничивать сроки потребления товаров, менять марки машин, телефонов, компьютеров, телевизоров. Надо больше и быстрее переводить товаров в мусор. Разумеется, при такой схеме развития экономики потребность в ресурсах возрастает в геометрической прогрессии и однажды ресурсы должны иссякнуть.

Главное зло таится в эрозии духовных ценностей западного мира приведшего к глубокому духовному кризису, в смене цивилизационных парадигм, как на основе того же информационного изменения мира, так и глобализации и антиглобализации (по сути являющейся альтернативным, «гуманитарным» проектом все той же глобализации). Т.е. грядущее изменение принципов мировой экономики, в первую очередь «экономики общества потребления», как это не парадоксально, лежит не в экономической, но в духовной сфере.

Всякий устойчивый линейный рост порождает осознание неизбежности грядущей катастрофы. Что вполне логично: всякий устойчивый рост устремлен в бесконечность, а все ресурсы на Земле ограничены. Однажды рост сожрет все ресурсы, что приведет к обвалу (т.е. катастрофе). Причем, чем быстрее рост, тем скорей должна случиться трагедия.

Просчитываемый, предсказуемый финал, который можно предвидеть и избежать. Хотя в реалиях политики избежать трудно, хотя и возможно. Ведь как экономика, так и политика полагается на устойчивые тенденции, подстраивается под нее, становится подобной инертной машине, мчащейся по накатанным рельсам. Однако знание «конечной станции» теоретически позволяет «перевести стрелку» в нужный момент и перейти на иной путь.

Важнейшим фактором при подобных тенденциях устойчивый психологический эффект. Натура человеческая стремится к постоянному улучшению условий жизни, к тому же неуклонному росту, при этом испытывая ощущение неизбежной катастрофы. В психологии ситуация называется амбивалентностью чувств.

В данном случае оба варианта несут в себе дополнительные особенности: положительные эмоции возникают от улучшения реальной жизни при ощущении грядущей неизбежной расплаты, а альтернативные варианты кажутся ограничениями, хотя и избавительными. Ни один из вариантов не является целиком положительным или

отрицательным, т.е. ни один не дает четкой бинарной оппозиции: «Добро - Зло». Потому нельзя точно избрать линии поведения и следовать ей.

Из-за этого развитие идет спонтанно, альтернативные пути не слишком отличаются друг от друга: или фаталистическая «пусть будет что будет», или филистерская «сегодня хорошо, а завтра будет видно». Как первый, так и второй взгляд внутренне оправдывают существующее положение дел и оба ведут к эфемерному отношению к ресурсам и жизни. В перспективе грядущей гибели мира все равно насколько хватит ресурсов, вполне обосновано загрязнение окружающей среды и истребление дикой природы.

В таких условиях осуществляется подсознательный поиск моделей как подтверждающих страхи и опасения: т.е. катастрофические прогнозы, так и успокоительные, т.е. кратковременные оптимистические - «пока все хорошо». Наука, ориентирующаяся на рынок научных продуктов, удовлетворяет этот спрос, а на основе научных прогнозов вырабатываются реальные программы.

Прекращение глобального противостояния практически разрешило главную проблему человечества второй половины XX века – отвело угрозу гибели в атомной войне. Кошмар, столь сильно влиявший на цивилизацию в 50-60-е годы, лопнул подобно мыльному пузырю.

Облегченный вздох человечества был недолог, страхи вновь обострились. С утратой коммунистической (оптимистической) альтернативы современной цивилизации и с осознанием утраты иллюзий исчезло будущее, осталось только настоящее. Фукуяма провозгласил «конец истории», время словно остановилось, в данном случае «время историческое».

Современное общество утратило все стратегические цели и задачи, кроме борьбы с «надвигающимися кризисами». Это не позитивные цели (т.е. только цели борьбы – уничтожения), позитивным стало умножение настоящего. Идеиный кризис коммунизма, как порождения и части идеологии западной цивилизации – явился только первым вестником утраты перспектив, глубокого идейного кризиса типа западной цивилизации в целом.

Усилилось стремление к комфорту и безопасности, что стало причиной обострения борьбы за охрану окружающей среды, в стратегической перспективе подразумевающей избавление планеты от грядущего экологического кризиса. Но борьба «зеленых» закономерно приняла направление в угоду настоящему, исходя из диктата потребностей реальной жизни, сиюминутных забот и тактических политических успехов и компромиссов. Что означало поворот от глобальных экологических проектов в сторону политической борьбы. Конечно, еще продолжают действовать долгосрочные проекты в свое время принятых на правительственном и международном уровне с помощью «зеленых»: борьба за запрет фреонов, против вырубки лесов, сохранение китов и прочих видов редких животных, против загрязнения воздуха и пр.

В последнее десятилетие заметно ослабление или вырождение этих программ. Леса (особенно в России) продолжают бесконтрольно вырубаться, развитые государства выкупают квоты «на загрязнение» у бедных стран, от чего усиливается «парниковый эффект». И уже сами развитые страны страдают то от катастрофических наводнений у ураганов, то от небывалой жары и засухи, сравнимой с африканской.

Весьма характерный пример: скачкообразный упадок глобального мониторинга погоды. Вера в современные технологии переложила эту «заботу» почти всецело на метеорологические спутники. Военным разведкам сверхдержав более не нужен

мониторинг погоды в высоких широтах и в верхних слоях атмосферы. Казалось бы, угроза глобального потепления и таянья полярных льдов должна привлечь внимание к проблеме хотя бы правительства прибрежных развитых стран (например, Нидерландов), рискующих потерять в случае подъема уровня мирового океана большую часть территорий. Но не так давно выяснился поразительный факт: любительская экспедиция на Северный полюс не смогла пройти большую часть маршрута - арктические льды оказались непрочны и имели «игольчатую» структуру. Что означало: льды «прогрелись» находятся на пороге таянья, хотя кромка паковых льдов, отслеживаемая спутниками, сместилась незначительно.

По возвращении экспедиция выяснила, что состоянием арктических льдов за последние три года не интересовалась ни одна организация в мире! Выводы любительской экспедиции подтвердил и российский атомоход «Арктика» без особых затруднений совершающий регулярные... туристические рейсы на Северный полюс.

«Зеленые» под жупелом грядущей глобальной экологической катастрофы (весьма вероятной в реальности), предпочитают обдeldывать свои политические делишки. Недаром их противники обвиняют «зеленых» в языческой религиозности, поднятой до уровня мессианства, и новой политической формой антикапитализма, то есть, приравнивают к идеологии, сродни коммунистической.

Став политическими партиями, экологические движения приняли правила игры партийной жизни и партийной борьбы, приняли стиль поведения и жизни всего интeблишмента. История, аналогичная перерождению официальных профсоюзов в начале XX века.

4. «Конфликт цивилизаций» – конфликт гигантов геополитики

Убедившись в узости исходных теоретических посылок чисто экономических теорий и, наконец, вновь обнаружив еще один вектор противоречий (идеологический), политологи приняли на вооружение теорию «конфликта цивилизаций», выдвинутую в середине 90-х годов Самуэлем Хатингтоном.

Теория обозначила возврат к концепциям времен «холодной войны» уже на новом этапе. Возникла необходимость стабилизировать, уравновесить картину мира, наконец, заметив факторы (социальные, геополитические, национальные, культурные, религиозные) возникновения конфликтов, не укладывающиеся в рамки противопоставления «богатые – бедные» и «борьбы за ресурсы».

В основе теории «конфликта цивилизаций» лежит утверждение, что существуют глобальные противоречия между ценностями различных цивилизаций, непреодолимая разница культур и типов мышления, которые и порождает конфликты.

Таким образом, причины конфликтов и войн выводятся в историческое прошлое, становясь фатальными, практически непреодолимыми. Цивилизации, словно тектонические плиты, выкристаллизовавшиеся тысячелетиями, занимают огромные пространства и на месте стыков образуют разломы – напряженные зоны неустойчивости. Конфликты подобны землетрясениям, периодически прокатываются по линиям разлома, когда напряжение проходит «точку бифуркации».

Теоретически преодоление истоков конфликтов возможно через глобализацию, всеобщую унификацию, приведения всех культур и цивилизаций к единому стандарту. Разумеется западному. Подобие спеканию всех тектонических плит в единую платформу, сверхматерик.

Подобная теория (тектоническая) тоже существует и обладает развитым доказательным аппаратом. Места разломов, трещин, стыков плит – подземного напряжения, излучающего волны, что вызывают неосознанную тревогу у живых существ, часто изливающуюся в беспричинную агрессию, а постоянное ожидание землетрясения заставляет людей низко ценить собственную жизнь, богатство, стабильность. Эти зоны-дуги совпадают с районами постоянных конфликтов.

Нельзя сказать, что подобный подход не имеет под собой резонанс. Если бы подобные теории были только достоянием кабинетных историков, пишущих толстые трактаты, предметом академических споров о причинах троянской войны, то эта теория, не лишенная изящества, вполне могла бы быть основой целой отрасли историографии.

Беда в том, что актуальные политические теории предназначены для «сервисного» использования. На их основе проводится анализ, строятся прогнозы, делаются тактические и далеко идущие политические выводы. Теории «объясняют мир», который переделывают согласно этим теориям.

Теорий много, политологи всегда выдвигает целый веер собственных воззрений, вопрос, какая из них востребована в данный момент, какая отвечает умонастроениям и находит наибольший спрос.

Чем дальше, тем больше политические теории являются орудием пропаганды, информационной войны. Нетрудно усмотреть в «теории конфликта цивилизаций»

разбитие мира на некие «цивилизационные регионы». Причем к таковым причисляются основные геополитические субъекты. Разумеется, к отдельной цивилизации причислен «исламский мир», следовательно - извечная борьбы с ним историческая данность, преодолеть которую можно только борьбой (войной).

Сегодня эта «война» наиболее актуальна, причем альтернативой победы подразумевается «гибель западной цивилизации», христианского мира. В глобальном мире и задачи, и угрозы глобальны.

Однако и в случае победы «креста над полумесяцем» «конца истории» не будет. Актуальными станут «разборки» с другими цивилизациями. Прежде всего, с Китаем и (чуть позже) со всем Дальним Востоком, в той или иной мере испытывавшим многотысячелетнее влияние Поднебесной, усвоив от него мировоззрение, культуру, письменность. И так далее.... Ведь цивилизаций много: Индия, Африка. Любопытно, что для объяснения внутрицивилизационных конфликтов принимается схема фрактала (подобия составляющих элементов основному, и в, свою очередь, распадающихся на такие же подоби́я).

Так Россию можно выделить в особую цивилизацию: славянской и православной. Соответственно все ее конфликты на Востоке можно отнести к глобальному противоречию христианской и мусульманской цивилизаций, на Западе – католичества и православия (русско-польские противоречия), или славянского и германского (западного) мира.

Дробить можно до бесконечности, относя ирландский конфликт к противостоянию протестантизма и католицизма, как своеобразный реликт глобальных войн эпохи Реформации. Однако, в равной степени можно выделить и комплекс исторических причин, завязанных на колониальную политику Англии в Ирландии.

Случаются и вовсе забавные казусы. Например, в объяснении причин Первой Мировой Войны последователями теории «столкновения цивилизаций» Германия признается отдельной цивилизацией построенной на совсем иных ценностях, «но сами немцы этого не заметили, отнеся себя к западной цивилизации». Отсюда бескомпромиссное «иррациональное» противоречие, приведшее к столь драматическим последствиям.

Хотя вполне доказательные объяснения причин Первой Мировой были даны век назад, теорией перерастания капитализма в империалистическую стадию, и обострению противоречий между метрополиями. Но, увы, поскольку теория эта марксистская, то принимать ее – «дурной тон». Т.е. делать уступки «чуждой идеологии», которая, вроде бы, «побеждена». Так с грязной водой в очередной раз выбрасывают младенца.

Курьезы можно оставить в стороне. Сама по себе теория конфликта цивилизаций имеет обширные исключения. Например, гражданские войны. Или глобальные военные конфликты вроде мировых войн. Поскольку в Первую Мировую англиканская Британия блокировалась с католическими Францией и Италией, православными Сербией, Румынией и Россией, буддистско-синтоистской Японией против протестанско-католической Германии, католической многонациональной Австро-Венгрии, исламской Турции, православной Болгарии.

Еще сложнее «расклад» враждующих «цивилизаций» во Второй Мировой войне, где Италия, Германия и Япония впряглись в одну упряжку. «Пристегнув» в союзники Финляндию, Венгрию, Словакию, Румынию, Хорватию, Болгарию. Против них выступили СССР и Англия (идеологические и давние геополитические противники), США, Франция,

Китай и еще множество несхожих между собой «цивилизаций». (Кавычки в данном случае ставят под сомнение корректность само применение термина к реалиям).

Напрашивается совсем иной вывод: ***Крупнейшие войны XX века обусловлены не конфликтом цивилизаций, но внутрицивилизационными расколами и противоречиями.***

Впрочем, достоверность теории, согласно западным методам, определяется достоверностью статистической выборки. В данных случаях приведенные выборки не в пользу теории.

Другим примером действенности теории является ее соответствие реальности, насколько она достоверно описывает и объясняет существующие конфликты. Поскольку острая теории «конфликта цивилизаций» направлено против ислама, то ее следует рассмотреть, прежде всего, на этом поле.

Мусульманство сравнительно молодая мировая религия, потому традиционно считается, что в силу «молодости» обладает большим потенциалом воинственности. Общее место любого исследования, что одна из заповедей ислама, один из канонических путей, ведущих правоверного в рай, наряду с намазом, хаджем, благотворительностью, – ведение войны за веру, то есть джихада. Потому любую войну мусульманской страны можно представить, как джихад. И таковой ее представляют как западные политологи, так и появляющиеся в районе конфликта «борцы за веру».

Примеры джихада действительно существуют по всему периметру мусульманского мира, потому можно взять любой затяжной конфликт. Например, «индо-пакистанский инцидент», то есть конфликт (по Хантонгтону) «между Исламской и Индуистской цивилизациями».

На первый взгляд все сходится: стык исламского мира и Индийского субконтинента. Постоянные войны местных насельников - индуистов с мусульманскими пришельцами с северо-запада. Например, нашествие Бабура. Натиск ислама на Индию ощущался до прихода англичан. После ухода колонизаторов вылился в многомиллионную резню между индусами и мусульманами, обособление их в отдельные государства по признаку веры. И ныне тектонический раскол цивилизаций проходит по границе Индии и Пакистана, периодически подходя к роковой черте военной конфронтации.

Однако не все так просто. Прежде всего, следует определиться с определением «индийская цивилизация». Для всесторонней оценки потребуются многотомный труд, потому придется ограничиться определением «полифоничность».

Сотни народов, десятки языков, множество религий автохтонного происхождения (индуизм, буддизм, сикхизм, джайнизм) еще больше сект и конфессий. В прямом смысле миллионы богов. Причем религиозный (воспринимаемый как духовный) аспект жизни всегда считался основным. В некотором роде индийская цивилизация теократическая, подчиненная верховному авторитету священников – брахманов, и ориентированная на духовное восхождение каждого члена.

Религия вносила известную упорядоченность, вплоть до жесткой регламентации социальных отношений, через разделение общества на касты. Не исповедующий индуизм оказывался вне кастового общества, однако, продолжал быть индийцем. Не случайно именно в Индостане нашли пристанище парсы (иранские зороастрийцы),

воспользовавшись веротерпимостью новой родины. Равным образом и мусульмане воспринимались не как враждебная сила, но как иномыслящая часть общества.

Мусульманские правители действительно стремились исламизировать Индию столько из религиозных, сколько из собственных властных побуждений. Будучи завоевателями, пришедшими на полуостров единственным возможным путем – с северо-запада (т.е. из Центральной Азии), чтобы удержаться, захватчики нуждались в поддержке местного населения. Самым простым путем было обращение аборигенов в ислам, частично или полностью противопоставив их вновьобращенных индусам. Принявшему ислам открывался путь к вершинам власти, своеобразная возможность покинуть навсегда отведенную себе и потомкам касту (своеобразный способ переменить судьбу), или, в современной терминологии: ислам оказывался «социальным лифтом».

Довольно быстро – через два-три поколения – мусульманские султанаты и империи вращались в индийскую цивилизацию, адаптировались к веротерпимости. Завоеватели принимали язык и культуру покоренных, оставляя монотеистический ислам как основу государственности. Потому мусульманство, распространившись по всей Индии и найдя миллионы приверженцев, так и не смогло стать господствующей религией (как это произошло в большинстве иных исламских стран), но лишь одной из многих. Исламская культура в Индии во многом трансформировалась, заимствовала многое из местных культур, и сама довольно органично входила в них. Шедевр мусульманского зодчества Тадж Махал невозможен ни в какой иной стране.

Политическая структура Индии во многом отражала «полифоничность» цивилизации. Несмотря на формальное господство того или иного императора, например Великого Могола, они фактически управляли огромным количеством княжеств, признающих верховную власть. Причем вероисповедание местного князя (раджи) и его окружения могло не совпадать с верой, как верховного властителя, так и большинства подданных, что имело место в Кашмире.

Столь беглый взгляд уже позволяет утверждать: Пакистан в равной степени может быть отнесен как к исламскому миру, так и к индийской цивилизации. Даже государственный язык Пакистана урду есть иное название хинди – государственного языка Индии. Хотя стараниями местных пуристов от политической лингвистики за более чем полвека независимости урду до известных пределов «уведен» от хинди за счет арабских «коранических» заимствований.

Исторически мусульмане рассматривались индусами как своеобразная каста, не включенная в общий перечень индуистских каст. Межрелигиозные конфликты имели место, но они не превышали обычного уровня, характерного для иных регионов. Если говорить о стыке и расколе цивилизаций, то граница проходит не по индо-пакистанской границе, но сам Пакистан являет собой этот стык и раскол, одновременно принадлежа к индийскому и к мусульманскому мирам.

Распря возникла на пике национально-освободительного движения, шедшего под флагом ненасилия, поднятого Ганди в 20-е годы, исходившего из индийской традиции превосходства духа над материей. Мусульмане входили в Индийский Национальный Конгресс, столь же рьяно придерживаясь методов ненасилия в борьбе с англичанами, как индусы, буддисты, христиане или сикхи.

С течением времени в индийском обществе обозначилась «усталость от ненасилия», чаша терпения оказалась переполнена, и мирные акции гражданского неповиновения все чаще перерастали в уличные беспорядки. Все шло к всеобщему восстанию против англичан, грозившему опрокинуть всю Британскую Империю.

После Второй Мировой Войны Англии не имела возможности развернуть еще одну широкомасштабную войну. Положение усугублялось тем, что с фронтов мировой войны вернулись сотни тысяч индийских ветеранов, готовых вести такую войну. Когда восстали военные индийские моряки, власти метрополии поняли: медлить более нельзя.

Идея независимости носилась в воздухе. Когда власть над огромной страной должна была упасть в руки победителей, естественно, возникли разногласия из-за ее дележа. Произошел раскол Индийского Национального Конгресса, прежде выдвигавшего программу построения единой Индии по демократическому принципу пропорционального представительства. Что означало отведение вторых ролей представителям мусульманского меньшинства, традиционно больше иных задействованного в государственном строительстве. Теряя власть, мусульманские лидеры потребовали разделить страну на части по религиозному признаку.

Британия воспользовалась ситуацией, стремясь уйти как можно более безболезненно, и хотя бы частично сохранить свое влияние, основываясь на принципе: «разделяй и властвуй». И разделила страну на два доминиона. Тогда-то и рванул паровой котел накопленной ненависти. По всей стране навстречу друг другу двинулись многомиллионные толпы беженцев, стремящиеся попасть в «свое государство». Если такие колонны встречались, случалась трагедия. Исход перерос в бойню, унесшую многие миллионы.

Поводом для межгосударственного конфликта Индия-Пакистан стала не эта резня, а спор за территорию удаленного княжества Кашмир, где раджа-индус правил мусульманским большинством. Обе страны считали эту территорию своей, силой стремясь оставить ее за собой. Более полувека «территория Джамму и Кашмир» являются яблоком раздора между странами, и периодически вспыхивают вооруженные действия по его «окончательному присоединению» к той или иной стране. Страны находятся в состоянии долгого постоянно нарушаемого перемирия.

Пока конфликт укладывается в схему теории «столкновения цивилизаций»: войны мусульман с неверными с некоторыми «местными особенностями».

В действительности все гораздо сложнее. При разделе Индии не была решена еще одна национально-религиозная проблема: сикхи - воинственная национально-религиозная община, оказалась разделена границей примерно пополам. Мусульманское правительство Пакистана поддерживает иноверцев в их сепаратистской борьбе с Индией, «предавая» собственную борьбу за веру.

Игра с огнем: в случае создания сикхами «государства Халистан» их претензии распространятся на часть пакистанской территории. «По большому геополитическому счету» Пакистан использует сикхов лишь как инструмент в борьбе с Индией по принципу «враг моего врага – мой друг» и в любой момент готов предать сепаратистов, стоит тем потребовать настоящей независимости.

В первой стадии индо-пакистанский конфликт представлял собой неорганизованную гражданскую войну на религиозной почве. По мере становления и укрепления государственности в Индии и в Пакистане геополитические интересы государств стали преобладать над религиозными. Изначально к мусульманскому государству отошли расположенные в разных концах полуострова Западный Пенджаб и Восточная Бенгалия, названные соответственно Западный и Восточный Пакистан. Единые на волне религиозной розни, обе части спланивали интересы взаимной защиты от индуистов.

Стоило положению нормализоваться, как на первый план вышли национальные и социальные противоречия. Центральное правительство стремилось унифицировать государство, навязывая бенгальцам язык урду, равно как иные атрибуты единой нации. (Бенгальцы – отдельная индийская нация, говорящая на языке «бенгали»).

Развернулось сепаратистское движение бенгальцев, на что пакистанские власти ответили массовыми репрессиями, очень скоро перешедшими в геноцид. Положение усугублялось подвигами в идеологии: Пакистан приступил к строительству «исламского социализма» (социализм в экономике, ислам в идеологии), бенгальское движение Муджибура Рахмана тоже ратовало за социалистические преобразования, но с «демократическим лицом». На всеобщих выборах в объединенный парламент Западного и Восточного Пакистана победила партия Рахмана. Бенгальский вариант социализма казался более привлекательным, а численно превосходящие пакистанцев бенгальцы смогли выступить единым фронтом. Рахмана арестовали, в Бенгалии ввели военное положение, вскоре обернувшееся вооруженным восстанием.

Мусульмане массово убивали единоверцев, обливая руки кровью миллионов новых жертв. Достаточно напомнить, что все протоки около крупных городов разлились (Восточная Бенгалия - дельта Ганга), поскольку оказались запружены трупами. Бенгальские повстанцы-мусульмане нашли поддержку в борьбе с центральным правительством у иноверцев – у Индии, кстати, тоже проводившей в тот период демократические преобразования с сильным креном в сторону социализма.

Конфликт распространился на весь южно-азиатский субконтинент, военные действия вспыхнули на всем протяжении индо-пакистанской границы, превратившись в широкимасштабные операции в воздухе, на суше, на море.

Чтобы остановить конфликт потребовалось «мягкое» вмешательство сверхдержав. В результате Западный Пакистан получил независимость, став республикой Бангладеш. Ныне это мусульманское государство с населением более ста миллионов человек во внешней политике придерживается проиндийской ориентации в «ущерб своим религиозным интересам», если придерживаться точки зрения теории «конфликта цивилизаций».

Конфронтация Индии и Пакистана выдержала резкие повороты внутренней и внешней политики обеих государств. Смещение диктатора Ахья Хана демократом Зульфикаром Бхутто не изменили антииндийского и антибенгальского курса Пакистана. Переворот Зия Уль Хака и установленная им жесткая диктатура повернули вектор пакистанской политики в сторону США и привели к еще более жесткому проведению в жизнь религиозных установлений (публичные порки и казни). С течением времени пакистанцы выделяются в отдельную нацию с четко выраженными чертами характерными для соседей-мусульман. Приход «демократки» Беназир Бхутто не изменил сути режима.

В соседней Индии демократические преобразования Индиры Ганди скоро привели ее к использованию методов насилия и диктатуры, к вооруженным расправам над сикхами, что стало для нее роковым шагом⁵. Но ни ее заключение под стражу, ни даже смерть не изменила направленность индийской политики, ни ее методов решения внешнеполитических противоречий, что привело к вооруженному вмешательству в тамило-сингальский конфликт на Шри Ланке.

⁵ Насильственной смертью погибло большинство лидеров конфликта – Зульфикар Бхутто, Муджибур Рахман, Зия уль Хак, Индира и Раджив Ганди. Очевидно, и в этом есть определенная закономерность – они ближе к войне, чем к миру.

7. Насильственной смертью погибло большинство лидеров конфликта: Зулфикар Бхутто, Муджибур Рахман, Зия уль Хак, Индира и Раджив Ганди.

Ныне индо-пакистанская «холодная война» зашла в опасный тупик, поскольку обе страны вошли в «ядерный клуб», и имеют средства доставки ядерного оружия. Эскалация конфликта грозит уже сотнями миллионов жертв и стороны вынуждены идти по пути гонки вооружений, одновременно ища посредника в ослаблении противостоянии в лице США. Крах СССР вывел из игры традиционную сверхдержаву - посредника при обострениях конфликта. Вспомнить хотя бы Ташкентский договор – один из ярких успехов советской внешней политики.

Хотя раньше СССР поддерживал Индию, а США – Пакистан, противостояние не приняло характер закулисной борьбы сверхдержав. Индия являлась слишком мощной державой, чтобы позволить быть марионеткой в чужих руках.

Дополнительную остроту и сложность внесло военное вмешательство коммунистического Китая, поддерживающего Пакистан, равно фактическое участие последнего в афганских войнах последних десятилетий.

Совокупность всех противоречий этого конфликта можно отнести как к междивизицизионным, так к «внутрицивицизионным»: сикхский, ланкийский, как и «пакистано-бенгальский». Помимо названных действуют и иные причины: геополитические (интересы государств) и межнациональные, с сильным влиянием социальных и идеологических факторов. Если междивизицизионные противоречия и послужили детонатором конфликта, то сегодня в этом клубке проблем они играют далеко не первостепенную роль.

Ислам играл для мусульманской части населения Британской Индии консолидирующую роль, стал основой политической идентификации, впоследствии и государственной идеологией построения Пакистана. Индусы-мусульмане выделяли себя из остальной массы населения по религиозному признаку, спровоцировав раскол нации, и, впоследствии, создав новую – «пакистанцы», от которой отпочковалась еще одна - бангладешцы.

Религиозно-государственного размежевание осложнено тем, что мусульманское население самой Индии в несколько больше населения Пакистана. «Раскол цивилизаций» проходит внутри стран.

Говорить об окончательном становлении пакистанской нации еще рано, поскольку «родовое пятно» индийской цивилизации – «полифоничность» лежит на ее мусульманском варианте. Пакистан остается многонациональным (пенджабцы, белуджи, сикхи, пуштуны) с сильно разнящимся укладом жизни в различных районах страны. Религиозная монолитность тоже кажущаяся. Имеется множество внутрисламских проблем: радикальный и «умеренный» ислам, суниты – шииты – исмаилиты – полужызыческий ислам пуштунов. Если учесть, что среди пуштунов сильно влияние «радикального ислама» в лице талибов, а центральное правительство придерживается проамериканской ориентации, то обнаруживается иной конфликт, свидетельствующий о расколе внутри «мусульманской цивилизации». Хотя, в нем имеются черты и национального (сепаратистского) и социального конфликтов.

Актуальны для Пакистана и межрелигиозные антагонизмы: мусульмане, сикхи, индуисты. Страна, раздираемая внутренними противоречиями, разгулом терроризма, массовыми беспорядками, постоянно балансирует над пропастью хаоса «исламской революции» и военной диктатуры. Получение «исламской бомбы» в руки решительно настроенных военных или радикалов ни к чему хорошему не приведет, потому активное

вмешательство США во внутренние дела Пакистана оказывает, до поры, определенное стабилизирующее влияние.

Малоэффективность теории «конфликта цивилизаций» для анализа данного конфликта (даже провал, если объяснять с ее помощью бангладешскую резню) связана с ее «статичностью». Вынося как главный и постоянно действующий только один фактор, она оставляет без внимания динамику конфликта, его мутации и трансмутации, равно иные факторы.

На первых этапах национально освободительную борьбу Британской Индии можно объяснить кипплинговским противоречием: «запад есть Запад, восток есть Восток, и с места им не сойти...», а при ликвидации этого противоречия всплыло следующее: индуизм и мусульманство. Здесь поле действия теории заканчивается.

Антиколониальная борьба, освобождение и последующее размежевание по религиозному признаку очень напоминает течение событий, связанное с распадом СССР. Те же демократические лозунги и методы, тоже стремление к свободе, к освобождению от внешней гнетущей силы, последующее обострение «межнациональной розни», переходящие в резню, обособление в государства, борьба за анклав, с консервацией пограничных конфликтов на десятилетия (Армения - Азербайджан, Молдавия – Приднестровье и т.д.).

Следовательно, течение конфликта имеет общие типологические признаки, когда на разных этапах действуют разные движущие силы. Это: антиколониальное движение (национально-освободительное и демократическое), межрелигиозная (гражданская война), межгосударственный конфликт (геополитические тенденции), внутrigосударственные пакистанские и индийские конфликты (центростремительные и центробежные силы, социально-классовые и национальные противоречия).

Достижение одних целей, естественным образом отводит их на задний план, выдвигая новые актуальные задачи, а стороны имеют в распоряжении те силы и ресурсы (в том числе идеологические), оставшиеся или заполученные на данной стадии развития.

К исследуемому периоду конфликтов (последнее десятилетие XX века – начало XXI) противостояние на южном субконтиненте имеет прямое отношение. Помимо очередной военной фазы, когда индийские войска вновь разгромили пакистанцев (в основном отряды кашмирских сепаратистов, поддерживаемые горно-стрелковыми соединениями и авиацией Пакистана), конфликт во многом стал походить на «холодную войну» сверхдержав с первым ядерным кризисом, проходившем на фоне подготовки США вторжения в Ирак. Регион служит рассадником терроризма сепаратистского толка: (тамильские, сингальские и сикхские группировки, повстанцы племен нага, мезо и прочие) и муджахедов (кашмирские группы, талибы, «аль Каида» и т.п.). Т.е. большинства признанных наиболее опасными международных организаций террора, поскольку Пакистан имеет обширные неконтролируемые территории и протяженную границу не только с Индией, но и с Афганистаном.

Без сомнения в теории «столкновения цивилизаций» имеются рациональные зерна, но тотальное ее приложение к анализу конфликтов ошибочно. Хотя подобное стремление превалирует последнее время, особенно после 11 сентября, особенно в призывах американской администрации начавшей новый крестовый поход на Восток, обернувших агрессией США на Ближнем Востоке и Средней Азии.

Рассматривая единое для теории понятие «исламская цивилизация», следует отметить, что она, мягко говоря, не соответствует реальному положению вещей.

Даже если выделять в отдельные субцивилизации суннитов и шиитов, или Турцию, Персию и арабские страны, вечно враждовавшие меж собой, все равно «баланс» не сходится. На протяжении полутора тысячелетий со времен распада халифата мусульманский мир никогда не был един. И сегодня от стран Магриба на всем протяжении «зеленого пояса» до Тихого Океана существуют неурегулированные межгосударственные споры, постоянно обращающиеся в вооруженные конфликты, равно как внутренняя борьба между «умеренным» и радикальным исламом, равно между суннитами и шиитами, уносящая десятки тысяч жертв.

Если бы не миллиарды нефтедолларов, затрачиваемые на «исламское единство», и не новый «крестовый поход», заставляющий мусульман спланиваться против общей угрозы, исламский мир погряз бы в конфликтах подобных ирано-иракскому, алжиро-ливийскому, малайско-индонезийскому (перечень можно продолжать до бесконечности).

5. «Конфликт цивилизаций» – «глубокая» информационная война

Более понятной теория предстанет, если термин «цивилизация» заменить одним из его синонимов – «культура», что сразу переводит поле действия из «горизонтальной» геополитической плоскости в совсем иную. Столкновение культур происходит в «виртуальном пространстве»: сталкиваются ценности, императивы, идеи, традиции, религиозные догмы. Это «виртуальное пространство» - сознание людей.

Говорить о войне культур считается абсурдным. Хотя в последнее время именно об этом столкновении и говорят политики, тем самым, указывая на внутрицивилизационные истоки конфликтов.

В эпоху политкорректности исповедуется следующее утверждение: все основные религии мира основываются на догматах Добра и Милосердия: на «универсальных человеческих ценностях», потому у них не может быть принципиальных разногласий в императивах. В религиозных войнах виноваты не религии, а нечистоплотные циничные политики, прикрывающиеся знаменем религии. Они, де, подогревают фанатизм и натравливают фанатиков на иноверцев. Странно, что подобное всегда удается именно политикам, а не духовенству... если не вспоминать, конечно, крестовые походы, или призывы к джихаду, который может объявить только духовный лидер, благословения с амвонов и кафедр всех войн XX века.

Во все времена (кроме доисторических) историю человечества сопровождала череда непрерывных религиозных войн. Последнее десятилетие XX века отмечено всплеском конфликтов на религиозной основе.

Религия хоть и является одним из оснований цивилизаций, но культура не сводится только к религии (подобное возможно только с точки зрения клерикалов, к которым относится большинство приверженцев теории «конфликта культур»), а из общей культуры довольно сложно выделить культуру политическую.

Более того, при решении политических вопросов (т.е. вопросы власти, доминирования равно и взаимоотношения социальных групп и государств) люди склонны апеллировать как к частям культуры, так и ко всей культуре, поскольку политика – лишь средство для осуществления целей.

Чем шире круг вопросов, решаемых политиками, тем шире их «электорат» - они действуют от лица всей нации. Следовательно, декларативно представляют и защищают ее историю, культуру, язык, традиции, религию. Цивилизацию.

Религия дает единую картину мира, создает образ «идеального, богоданного миропорядка», нарушаемого злыми силами. Потому высшей формой служения богу является установление этого миропорядка, распространения его на весь мир. Тогда установится «вселенская гармония».

Мессианство в чистом виде. Каким образом, какими методами установится этот «божественный» порядок – вопрос второстепенный. Методами недеяния, смиренной молитвой, чередой малых добрых дел, проповедью, обращением в свою веру, пусть и принудительное (во спасение), религиозной войной – это все лишь вопросы метода, хотя близко связанными с догматами.

В любом случае речь идет о спасении Мира, об обуздании и конечной победы сил Добра над силами Зла. В этой борьбе все средства хороши, в зависимости насколько от ситуации насколько мир стоит на грани погружения во всеобщее зло.

Комплекс библейских религий особенно тяготеет к мессианству, к спасению Мира и периодически именно этим и занимается. Теория «конфликта цивилизаций» взятая на вооружение политиками - завуалированное мессианство, противопоставление культур (и в первую очередь – религий) по определению не могущих быть равноценными и равнозначными, поскольку исповедуют разные догматы. Только одна из них может «быть истинной», не искажающей божественное откровение, потому обязана победить и подчинить себе все остальные. Круг замыкается: из эмпирий все возвращается на грешную землю, к реалиям геополитики.

Нетрудно догадаться, кто является носителем истины, на кого возложена подобная миссия. Кто избранник божий под звездно-полосатым стягом обуздывающий Зло всюду, где бы оно ни явилось. Кто носитель цивилизации, подобно древнеримским легионам, а кто варвары.

Из понятия «цивилизация» вычленяется понятие «культура», из нее – «религия». Остается сделать последний шаг – выделить из нее «остаточное понятие» – «идеологию». Хотя в том или ином виде она базируются на религиозных догматах и ценностях, собственно идеология может существовать и в отрыве от религии, поскольку служит и выражает, прежде всего, политические интересы.

Итак, под новым обликом представлена старая модель «конфликта идеологий»? Подозрение не лишено резона, поскольку Запад однажды уже победил в идеологической войне, что привело к краху системы социализма. Потому может рассчитывать на победу в аналогичном столкновении. Следовательно, «теория столкновения цивилизаций» - попытка разгромить «политический ислам»?

В современном мире религия вновь пытается заменить идеологию в силу упадка последней (как коммунистической, так и демократической, еще раньше - фашистской), занять пустующее «святое место» в умах людей.

Происходит взлет нео-клерикализма, принимая формы наступления фундаментализма. Не только исламского, но и христианского, индуистского, буддистского. В современной России православие навязывается сверху в связи с настойчивой потребностью воссоздать некое подобие системы управления СССР (поскольку западные модели в России работают плохо), что невозможно без правящей партии, а партии – без идеологии. Утраченная коммунистическая идеология заменяется православной, идеологический отдел ЦК на патриархию, система планирования экономики – «свободным рынком» с «коррупционной составляющей», основанной на разворовывании государственных средств, направляемых в проекты модернизации (и прочие сферы), равно взятие под контроль чиновного аппарата наиболее прибыльных сфер бизнеса, целых отраслей и огромных корпораций.

Модель, в целом, противоречивая и неустойчивая, поскольку православие само по себе – специфически «государственная религия», изначально созданная и развивавшаяся как составляющая государственной идеологии. Самостоятельно определять курс развития государства она не в состоянии, поскольку сервильна к государственной идеологии. Оно могло приспособиться в качестве подручного даже к атеистической коммунистической идеологии, найти общий язык с фашистскими оккупантами.

Впрочем, организаторов «новой советизации» больше волнует придание системе внешней привлекательности, легитимности, в том числе «свыше», поскольку православие жестко придерживается догмата «всякая власть от Бога», чем действительное распространение христианских принципов среди чиновного класса. Чистой фантастикой представляется действительное принятие православия, а не показушное следование обрядам. Если большая часть управленческого аппарата действительно начнет соблюдать христианские заповеди, прежде всего «не укради!», вся нынешняя система попросту остановится и развалится.

Процесс клерикализации идеологии, характерен для Средневековья. Новое и Новейшее Времени шли по пути вытеснения религии из политической жизни, сведения ее влияния исключительно к нравственной сфере. Современное обращение к религии протекает параллельно развитию информационной цивилизации строящей себе процветание на прогрессе науки и технологии, взаимного проникновения культур. Одновременно с понятиями «политкорректность» и «мультикультурность» в обиход входят термины «культурная экспансия, культурная идентификация».

Теория «конфликта цивилизаций» создана, прежде всего, для «объяснения» современного конфликта Запада с исламом. Основа ее – теоретическое обоснование претензий на «сердцевину», т.е. на все виды контроля Запада над нефтяными богатствами исламского мира, и как следствие – исламскими нефтедолларами, то из понятия «исламская цивилизация», вычленяется идеология – «политический ислам», который, без нефтедолларовых вливаний, представлял бы жалкое зрелище, какое имел век назад.

Причем образу вполне реального явления придаются архетипические черты «извечного врага» западного мира.

Рассуждая об «извечности вражды», то есть об эпохе крестовых походов и Реконкисте, следует отметить, что ситуация в те времена была абсолютно «зеркальной». Не ислам обладал четами агрессивного варварства, а католичество. В культурном и экономическом отношении арабский Восток и его геополитический сосед – Византия на порядки превосходили Западную Европу.

Подобное положение вещей наблюдалось вплоть до начала XVI века, когда развитие капитализма дало возможность Европе совершить невиданный скачек вперед. Однако сегодня в том или ином виде гальванизировать представления и лозунги тысячелетней давности пытаются обе стороны.

Явление «политического ислама» прямо не связано с прежней историей. Хотя его идеологи поднимают знамя возрождения «Великого арабского халифата» - это явление Нового Времени.

Конечно, в исламские лидеры постоянно выдвигали мессианские лозунги, что свойственно иным библейским религиям. Но до недавнего времени их натиск на остальной мир нельзя было сравнить с аналогичной экспансией христианства.

В Позднем Средневековье эти идеи сфокусировались в экспансии Османской империи, тоже выдвигавшей вселенские лозунги «распространения истинной веры». На практике имперские амбиции почти всегда превалировали в политике осман, а исламизация покоренных народов предпочиталась веротерпимости, служившей залогом прочности многонациональной и многоконфессиональной империи.

Парадоксальным образом само существование огромного турецкого государства тормозило формирование единого мусульманского фронта: на востоке у османов существовал постоянный конфликт с шиитской Персией, приведший к череде войн.

Власть над арабским Востоком приводила к антагонизму: турки – колонизаторы – покоренные – арабы. Идея исламского единства использовалась для консолидации империи и канализации внутренней напряженности вовне, что находило отклик в странах Магриба, прикрывавших свой пиратский разбой на Средиземном море религиозными лозунгами.

Османские власти пресекали попытки стихийных религиозных движений в арабском мире, справедливо полагая, что подобные движения выльются в антиосманское движение. Однако предотвратить трансформацию ислама в политическое движение они не смогли.

Активное использование лозунгов «вселенского ислама» как во внешней, так и внутренней политике приведшей к репрессиям против собственных подданных-христиан, началась в Империи после провала политики «танзимата» – реформ по европейскому образцу, и установления диктатуры «зулюма» под панисламскими лозунгами. То есть во второй половине XIX века.

Танзимат привел к активному проникновению европейских капиталов и товаров на османский рынок, что вызвало обнищание массы горожан и торговцев, среди которых антихристианские лозунги получили большую популярность. Что выразилось в «возрождении ислама» и росте турецкого национализма. Вместе подобные процессы, поощряемые властью, вызвали гонения иных конфессий, прежде всего христиан, что, в свою очередь привело к первым османским геноцидам, а в итоге – к распаду империи и превращению Турции в мононациональное государство.

Аналогичные процессы шли и в фактически независимом от Турции Египте, и его «колонии» – Судане, где харизматичный мусульманский лидер Махди под радикальными исламскими лозунгами поднял толпы фанатиков на борьбу с английскими колонизаторами. Системным ответом ислама на европейскую («христианскую») колониальную экспансию стал ваххабизм, основной целью его была реформа ислама, примерно аналогичная протестантской в католичестве. Одновременно с антихристианскими ваххабиты начали выдвигать и антиосманские лозунги. Вдохновляясь ими, арабы Аравии начали партизанскую войну против турок... в тесном союзе с англичанами, опираясь на их деньги и поставки оружия в Первую Мировую Войну.

Винить во всем Англию – любимое занятие российских аналитиков. «Это все англичанка гадит...». В подобных взглядах есть доля истины, поскольку в ту пору Великобритания распространила свою власть на четверть мира, прилагала все усилия, чтобы эту власть удержать. Британское политическое влияние столетие назад можно назвать глобальным доминированием, поскольку не было в населенном мире уголка, свободного от английских интересов, капиталов, товаров. Многие страны мира могут «свалить вину» на Англию, имея к тому весомые основания.

Несмотря на этот бесспорный факт, усугубляемое проникновение колонизаторов в «исламский пояс» (Франция, Италия, Голландия, США) существовал комплекс внутренних причин возникновения политического ислама. Начало демографического роста, распространение европейского образования и плодов промышленной революции. Вслед за ними пришли элементы западной политической культуры. Все это способствовало оформлению национальных государств, первоначально в формах зависимости. Движениям требовалась оригинальная идеология.

Подобно тому, как из первоначальных движений в католицизме, отпочковались реформатские религии, оформившие политические программы построения новых религиозных государств, поначалу не думавших порывать с религией (наоборот, строивших новые теократии по типу кальвинистской Женевы), так и в «политическом исламе» идея нового государственного строительства зиждилась на построении

исламистских обществ-государств на базе «очищенного» или «первоначального» ислама, «свободного» от светских или инорелигиозных влияний.

С конца XVI века процессы государственного строительства в исламском мире замедлились, в арабском они и вовсе остановились еще раньше. Не развивались формы государства, социальная мысль, общественное сознание. В Новое Время огромный регион шагнул из Средневековья.

Только неудачный поход Наполеона в Египет занес ростки новой европейской политической культуры. Пока они дали плоды, сменилось не одно поколение политиков. К тому же Наполеон выступал, как завоеватель, что вызвало известное отторжение новых идей. С другой стороны, Бонапарт воевал против поработителей - турок, то есть «за арабов».

Пример удачливого генерала-политика, возвысившегося до покорителя Мира, оказал завораживающее действие на властителей Востока. Через 30 лет после наполеоновского вторжения албанец Муххамед Али поднял в Египте мятеж, захватил власть и даже серьезно угрожал Стамбулу. Он же начал реформы управления, по европейским образцам. Ему удалось добиться автономии Египта в рамках османской империи. Сегодня почти все арабские диктаторы, пришедшие к власти путем переворота, в том или ином виде следуют примеру Мухамеду Али (то есть исламскому «отражению Наполеона»).

Ислам (как религиозная идеология) имеет мощную доктринальную базу, в значительной степени более простую и легче усвояемую, чем у христианства. Свод предписаний дает простой рецепт «мусульманского счастья»: достаточно соблюдать 7 основных предписаний. Они определяют весь жизненный уклад и многие аспекты социального и частного поведения мусульманина.

Потому привнесение политической составляющей жизни, выведенной (весьма условно) из религиозных доктрин ислама, воспринимается уммой (религиозной общиной - в широком смысле всеми мусульманами) весьма прочно и органично.

Не случайно все экспериментаторы с идеями социализма в исламских странах, не только не пытались отвергнуть религию, а искали пути совмещения социалистических идей с догматами мусульманского равенства. Даже в СССР не удалось произвести почти полную секуляризацию общества в мусульманских республиках. Хотя роль мусульманского духовенства там была практически нивелирована, влияние норм шариата оставалось чрезвычайно сильным.

Политический ислам, будучи явлением, по сути, «постсредневековым», в конце XIX века и на протяжении всего XX активно впитывал новые идеи, проводил эксперименты с националистической, либеральной, фашистской и социалистической идеологиями. Коммунистические идеи «в чистом виде» тоже находили отклик, но атеистическая направленность коммунизма в целом не смогла сделать идею популярной среди широких масс.

Только в Курдистане с его специфическими формами ислама они укоренились. Магистральные направления развития политической мысли и культуры мусульманских стран в целом соответствовали мировым процессам, со всеми их достоинствами и недостатками.

Подспудно рос внутренний остракизм новым веяньям. В 20-х годах XX века в Египте возникает движение «братьев-мусульман». В своем роде арабский вариант

эгалитаризма, основанный на жесткой теократии и клерикальной регламентации жизни. Так было поднято знамя исламизма, поначалу жестко преследуемое властями.

Возникла альтернатива: или варианты синтеза с современными политическими системами – или «оригинальный» исламский путь. Тут автор вправе говорить о «расколе цивилизаций» как о расколе между цивилизованным и религиозным сознанием, между новейшим временем и средневековьем.

В тоже время, противостояние нельзя одномерно представить только как «прогресс – ретроградство», поскольку исламизм является самой наглядной и острой формой аналогичных процессов, происходящих во всем современном мире: клерикализации, роста консерватизма и национализма.

Эти процессы закономерны, поскольку «прогресс» имеет множество негативных черт. В том числе в областях морали, нравственности, экологии, социальном разделении, что вызывает естественную реакцию поиска традиционных ценностей и следования им. «Традиционализм» - естественная форма сдерживания «прогресса», нечто вроде тормозов для гоночной машины, входящей в крутые повороты.

Не удивительно, что традиционализм, как всякое крупное течение имеет своё радикальное, воинственное крыло, впрочем, как и умеренных, и «соглашателей». В глобальном мире «политический ислам» оказался выдвинут в авангард традиционализма, стал его «ударной армией». Особенно после крушения мировой системы коммунизма, когда глобальные надежды на торжество идей социальной справедливости рухнули, а потребность в ней, сфокусировались на схожих догматах ислама.

Становление и бурное развитие политического ислама подхлестнуло обретение неожиданного богатства - нефти. Что позволило заполучить обширные финансовые средства и мощное политическое влияние нефтедобывающих стран. Первым их важнейших шагов стала борьба за контроль над собственными недрами, которую исламские страны в целом выиграли.

Вторым этапом стало борьба уже за влияние исламских государств в мире. Неожиданное богатство позволило воспользоваться плодами прогресса, что подняло уровень жизни коренного населения. Очередной парадокс – именно эти факторы содействовали консервации средневековых и даже племенных структур государственного устройства, и их неперменной составляющей – религиозной основы мировосприятия.

Разумеется, распоряжающиеся капиталами и властью заинтересованы в дальнейшей консервации существующего положения вещей. Для этого необходимо насаждение основ этого миропорядка: религии в крайних формах типа ваххабизма и политической доктрины - исламизма.

Стоит упомянуть, что именно XX век сделал нефть «богатством номер один» посредством двигателя внутреннего сгорания и турбины. Вновь, «в глобальном значении» взлет исламизма – «побочный продукт» современной цивилизации. Следовательно, одна из ее составных частей. Исламизм возник как самостоятельное явление исламского мира, как реакция на изменения всей мировой цивилизации. «Нефтедоллары» явились мощным катализатором и экономической базой его распространения.

Однако, представлять наступление исламистов, только как «извечное наступление ислама» было бы ошибкой, поскольку в реальности имеет место политическое наступление и экономическая борьба под исламскими лозунгами.

Обобщая критику теории: серьезно рассуждать о «войне культур» тоже, на первый взгляд некорректно. Тем не менее, культура в значении «цивилизованность» никогда не была безобидна. Со времен Древней Греции и Рима, поделивших Мир на цивилизацию и варварство, оправданием имперской экспансии всегда являлось «несение культуры». Что априори означало принятие доктрины «изначального превосходства» развитых народов над отсталыми. «Над дикарями». Добро бы, если бы завоеватели всегда были движимы благой целью улучшить жизнь дикарей, но, само собой разумеется, что все завоеватели были движимы эгоистичными целями. (Хотя такие мотивы иногда и присутствовали, но обычно выливались в формы крестовых походов, джихада, конкисты).

Утверждение античной культуры всегда носило эгоистичный характер, а рост культуры завоеванных народов всегда являлся побочным эффектом на фоне главного – завоевание происходит с целью порабощения.

Лозунги агрессивной культуры не менялись ни во времена колониализма, ни в новые времена века XX, с его «культурным бременем» возложенным на себя фашизмом или еще какой идеологией. Как «цивилизовали» Африку и к чему это привело, предстоит напомнить еще не раз.

Подвижничество миссионеров всегда использовалось ловкими манипуляторами от колониальной политики. Так к началу XX века была выработана методика наводнения предназначенной в жертву страны миссионерами, учителями, благотворительными миссиями, торговцами и коммивояжерами. На родине им предоставлялись льготы, экспедиции их активно финансировались государством, спешившим улучшить свой имидж и заполучить симпатии местного населения. Далее провоцировались враждебные шаги, накалявшие политическую обстановку – и к берегам страны-жертвы направлялся флот с экспедиционным корпусом. Предлог «защита собственных подданных» в те времена считался вполне достаточным *casus belli*, впрочем, не утративший актуальности и по сей день. По такой «классической схеме» столетие назад Италия отторгла Ливию у Турции.

Сегодня европейцы, борясь с засильем американизма, считают его вульгарным, «массовым» (следовательно – «низким, варварским») вариантом западной культуры. То есть формой «варварства».

Большинство иных народов считают американизм просто западной культурой. Тем не менее, успехи американского культурного влияния свидетельствуют, что во всех обществах находятся достаточно людей, готовых его принять. Одновременно существует и массовое отторжение подобной культуры и образа жизни, возвратное движение массового сознания, обращение к иным религиям или возвращение к «исконным» в виде распространения того же ваххабизма, кришнаитства и прочих экзотических религий, модой на экзотическую музыку, интерес к иным культурам.

Пласты общественного сознания движут социумами, даже сверхсоциумами, называющих себя или называемых другими «цивилизациями». Сегодня уместно говорить, что если и имеет место конфликт цивилизаций, то протекает он больше не в горизонтальной, но в «вертикальной» сфере.

В свое время подобное мудро подметил и использовал Маркс, выдвинув тезис «классовой борьбы» и теорию построения новой коммунистической цивилизации. Вернее, выславания ее из иной: универсальной «пролетарской», путем «отсечения всего лишнего» посредством Всемирной Революции. В прямом смысле «переворота» всей цивилизации – вознесение одних классов и устранение других.

Как отмечалось, классовые противоречия сегодня утратили прежнюю первостепенность и разведены в противостояние «богатые – бедные страны», однако принципы расслоения общества от этого не изменились.

Сегодня на смену старым классовым противоречиям приходит новое: возможность доступа к информации. Причем путь к таковому лежит через социальную сферу: доступ к информации не ограничен, но чтобы воспринимать и анализировать ее, необходима не просто грамотность, но высокое образование, высокий уровень жизни и общения, развития в себе потребности к получению информации и навыков обработки информационных потоков. Информационное расслоение общества приводит к появлению страт аутсайдеров: полуграмотных, низкоквалифицированных люмпенов. Процесс затрагивает слои среднего класса с ограниченными потребностями в получении информации, в ее качественном наполнении, тем не менее впадшими в зависимость от нее. Например, в виде зависимости от сериалов, спортивных зрелищ, криминальных новостей – от телеизображения. Разрастается слой проводящий большую часть времени у телевизора и воспринимающий серьезную информацию только в обработанном и кратком виде теленовостей. Манипулировать такой аудиторией становится крайне просто. И это не только слои, обладающие известным достатком, следовательно, досугом. Подобная «сериальная» зависимость распространена в странах, где доля бедного населения велика. Так Бразилия, как известно расположена в тропической зоне, и потребность в сохранении продуктов там крайне велика. Однако, на почти 120 миллионов населения там приходится не более 40 миллионов холодильников всех типов (в том числе промышленных – на долю которых приходится примерно половина всех холодильников), то есть менее половины семей имеет эту необходимую вещь. В тоже время в стране более 80 миллионов телевизоров. В «час сериалов» (с 16 – 19 часов) жизнь в большинстве бразильских городов замирает – большая часть населения смотрит телевизоры. Правительство поощряет программу производства сериалов, прямо заявляя, что они являются «социальным наркотиком» демпфирующим социальную напряженность в стране.

Параллельно прогрессирует иная зависимость – от интернета, т.е. от избытка информации on-line. В последние годы особенно развилось общение в социальных сетях. Более того – стало мощным фактором мгновенного распространения политических идей.

Новое расслоение приводит как к «мультикультурности» общества, так и к многоконфессиональности, к столь разному состоянию общества, что его действительно можно назвать «мультицивилизационным».

С подобными процессами (столкновения и взаимопроникновения культур) человечество сталкивалось всегда. Достаточно упомянуть до сих пор практикуемые в США (равно во многих иных странах) попытки аборигенов держаться собственного уклада. Но столь курьезный хоть и очень показательный пример, наглядно иллюстрирующий оппозиции «цивилизация – варварство» и «противопоставление цивилизаций существующих на одной территории». Более актуальным во все времена для развитых обществ было противоречие разных уровней сознания. Например, взаимодействие гражданского и уголовного мировоззрения. В данном контексте уголовное сознание отражает более примитивный взгляд на мир и способ существования в нем. Его можно назвать рудиментарным, «истинно варварским», если бы он не был столь актуален.

Актуален настолько, что ныне политологи выводят новые понятия государственного устройства: «кримократии» - власти преступности пришедшей к власти в отдельной стране и установившей криминальные порядки, или «абусукратии» - власти коррупции, когда чиновное сообщество создает систему, изначально построенную на взятках и расхищении казны. Подобное дополнения в терминологию «государства и

права» предложено ООН, на основе анализа и выводов из реалий многих африканских стран. Терминология распространяется и на пространство распавшегося СССР, где, рассматривая функционирование госаппарата многих стран уже невозможно говорить о коррупции как злоупотреблениях власти, то только как о норме ее функционирования, поскольку без коррупции государственные машины просто останутся. Приложимы термины и к некоторым странам бывшего соцлагеря, например Албании, где преступность пришла к власти. Устоявшихся терминов для описания новой реальности не хватает, если даже к понятию «демократии» добавили ее «демона» - «охлократию» (власть толпы или популизм).

Можно бесконечно вычленять в современном обществе разные уровни сознания: рабовладельческого, клерикального и теократического, феодального, деспотического, авторитарного и тоталитарного, национального, националистического, интернационального, коммунистического, информационного, криминального, анархического, классового, аристократического, элитарного, космополитического, либерального, демократического и многих прочих – т.е. представляя цивилизацию как генетический код со всеми историческими эпохами, заимствованиями, поломками и врожденными пороками.

Сравнение, напоминающее теорию «слоеного салата» американских социологов (именно так сейчас определяют состояние американской нации), немного хромает, поскольку пронизано разнообразными горизонтальными, вертикальными и многомерными связями. Это еще не смесь цивилизаций, хотя может представлять из себя смесь выходцев из разных цивилизаций. В той же Америке существует довольно множество замкнутых на себя сообществ, вроде чайнатаунов, обитатели которых мало интересуются тем, что происходит во внешнем мире, то есть за пределами сообщества.

От этого США не перестает быть в своем роде квинтэссенцией западной (европейской) цивилизации.

Слои (классы, страты) необходимая составляющая всякого развитого общества, его структурные единицы – камни, из которых строится стены «общего дома». Разумеется, каждый слой генерирует собственную идеологию, которая не обязательно является только его достоянием. Так уголовное мировоззрение, аргумент, фольклор обычно распространены шире самой криминальной среды, равно и пресловутая «мораль господствующего класса», его ценности тоже навязывается всему обществу в силу господствующего положения. И так далее..., как норма социальной психологии.

В каждом обществе существует господствующая идеология, своя система ценностей, что и определяет характер цивилизации. Но есть иное: уровни сознания, присущие как всему обществу, так и отдельному индивиду. Они встроены друг в друга наподобие матрешки. Основа сознания – архаичная психика, которую сковывает оболочки морали, жестких норм и правил «человека религиозного», над которой возвышается наделенная логикой и свободой воли «человек цивилизованный».

Не следует думать, что скрытые пласты сознания находятся в скованном состоянии, придавлены верхними слоями, от того дремлют в психике, подобно подземным чудовищам или спрятанным на черный день арсеналам. Отнюдь нет - это являлось бы слишком большой роскошью. Управляемые «коллективным бессознательным», они проявляются в «бытовой» форме, рождая соответствующие пласты культуры: архаичная психика продуцирует культуру народную, религиозная, соответственно, культуру религиозную, цивилизованная – светскую универсальную культуру. Здесь уместно

совершить обратный логический ход с синонимами, подразумевая под словом «культура» цивилизацию.

При ослаблении связей (что обычно соответствует периоду напряженности в обществе или кризису) цивилизованная мораль сначала направляется на их укрепление (попытки найти политическое решение), затем наступает фаза фатализма, восприятия потока изменчивых событий, упование на внешнюю и высшую силу. Происходит смена моральных ориентиров и ценностных установок.

Если члены сообщества поставлены на грань выживания, то пробуждается пласт архаичного сознания, заботящийся только о выживании себя лично, своей семьи, той части социума, с которой связывается надежда на спасение. Начинается борьба, чаще всего вооруженная.

Этим объясняется феномен множества конфликтов: как могли люди (народы) десятилетия жить бок о бок в дружбе, согласии и взаимовыручке, в одночасье преисполниться взаимной ненавистью, совершать дичайшие преступления против этих же соседей? Как могла религиозная страна за несколько лет почти поголовно отречься от религии, а почти через столетие вновь обратиться к ней?

Активизация пластов массового сознания происходит за счет придания им вектора агрессивности, поскольку только агрессия (парадокс) может полноценно защитить человека. Он должен уничтожить своего врага (подлинного или мнимого), тем самым, уничтожив исходящую от него угрозу (так же подлинную или воображаемую) и остаться на поле один.

Сложность процесса состоит в том, что он имеет латентную фазу и не со всеми слоями общества одновременно. Одни продолжают хранить здравый цивилизованный рассудок, других охватывает припадок фанатизма (кстати, массовое увлечение атеизмом в коммунистическом варианте действие поначалу сугубо религиозное, это смена веры). Третьи обращаются в варваров. И каждый вновь образовавшийся слой действует исходя из собственных установок.

В этом и состоит «истинный» конфликт цивилизаций, то есть внутренний конфликт исторических стадий развития цивилизации. Какие лозунги вдохновляют те или иные ее части, и какая идеология принимается и декларируется – вопрос второстепенный.

Проникновение и массовое распространение чужих религий, расцвет тоталитарных сект как импортированных, так и доморощенных – феномены кризисного сознания, перестройки психологии общества. Хотя со стороны процесс выглядит как столкновение, например, христианства и мусульманства. Равно национальная психология мечется между ассимиляцией, космополитизмом и национализмом, и ближе к архаичному пласту психики, чем к религиозному.

Цивилизованное сознание тоже не панацея от бед – оно, в известной степени, прагматично, от того цинично и расчетливо. На примере национал-социализма можно проследить, как умело и расчетливо, по-немецки прагматично активируются в нации низшие пласты сознания.

Сначала национализму придается вид религиозной веры, высшей моральной ценности во благо «арийской цивилизации», пока массы не слились в охваченные экстазом толпы, а потом, посредством войны и массовых преступлений развязывается и архаичный узел – начинается уничтожение миллионов «недочеловеков». И на каждом этапе все организовано, рассчитано, с подготовкой соответствующей инфраструктуры:

тотальной пропаганды, военной машины, сети концлагерей. Члены общества действуют как механизмы, как автоматы уничтожения, как живые терминаторы, совершая чудовищные преступления, при этом подчиняются суровой дисциплине, нежно любят своих жен и мужей, практикуют мораль по отношению «к своим». Только катастрофа всей Системы, и то не сразу, приводит к осознанию чудовищности ослепления и падения.

В таком виде теория «конфликта цивилизаций» может действительно стать «всеобъемлющим учением», учитывающим большую часть внутренних и внешних и внешние противоречия. Полагаю, применить ее никто не отважится, ибо от политической теории требуется не бичевать себя, но создавать стратегии, ведущие к победе.

Широкое распространение теории «конфликта цивилизаций» можно объяснить, тем, что она нащупала основную парадигму современной эпохи: переход цивилизации в информационную стадию. Обращаясь к прошлому, к глубокой древности генезиса цивилизаций и культур, выдвигается на первый план информационное, то есть «культурное» противоборство.

Стремительно меняются методы противостояния, основным оружием становится информационное оружие. Уже не радиоэлектронные средства, даже не грубая массированная пропаганда в стиле Геббельса, сколько широкомасштабное глобальное и глобалистское противостояние ценностей цивилизаций, образов мира и образов жизни.

Сама эффективность кинетических видов оружия поставлена под сомнение. Считается, что сегодня более важен не военный эффект от его применения, но пропагандистский эффект от его наличия и угрозы. «Большие практики» - террористы, усвоили эту истину быстрее и лучше военных. Террористические акты нового времени в первую очередь рассчитаны на их широкое освещение в СМИ. «Классикой жанра» стала «атака 11 сентября».

Всякий бурно развивающийся процесс обычно переоценивается, поскольку обращается внимание, прежде всего, на его текущую динамику, а с ней связываются надежды на обретение «панацеи от всех бед». Не избежал подобных оценок и «информационный бум». Сегодня приходит понимание, чтобы грозить танком, ракетой, суперсовременным самолетом - надо их, прежде всего, иметь. Что материальный мир может быть заметно улучшен «информационной составляющей», может быть даже революционизирован новшествами типа персонального компьютера, сети интернет или мобильного телефона. Но информация не может заменить мир вещей, не может его подменить. Точно так же информационные действия эффективны только тогда, когда дополняют реальную политику, а не подменяют её.

Можно объяснить подобный подход (излишняя переоценка информационно-пропагандистского фактора) наследием «холодной войны», когда прямое столкновение грозило всеобщей гибелью, возможности военного противоборства ограничивались периферией – «боями местного значения».

Для прямых противоборств оставалась только лакуна идеологической борьбы, информационное соревнование. «Опускание железного занавеса» во многом характеризовало переход именно к стадии «информационной крепости» (вернее – «крепостей», Запад усиленно фильтровал информацию из соцстран в нужном для противостояния ключе), и к попыткам «прорвать занавес». В свою очередь коммунизм

старательно совершенствовал собственную модель, правда, рамки этого совершенствования оказались весьма ограниченны.

Как ни странно, и социалистическая модель обладала большой привлекательностью. Недаром к началу 60-х ее в той или иной мере восприняла и пыталась реализовать в «каноническом» советском и китайском ключе, или в оригинальных интерпретациях (тот же пакистанский социализм) более половины человечества.

В этом идеологическом противостоянии обращение к образам сегодняшней сытой и свободной жизни оказалось более привлекательным и понятным, чем устремление в туманные дали так и не наступившего коммунистического рая на Земле. Хотя многие варианты социализма, типа шведского, успешно вписались в современный западный мир.

Противостояние закончилась - «демократия победила». Казалось, информационная война должна затихнуть, уйти в прошлое. Но она изменила сам подход к противостоянию, к войне, к методам ее ведения. Мощный пропагандистский аппарат теперь обратился «внутрь». Широчайшее распространение приобрели политтехнологии и PR-акции.

В политике актуальней стала не реальная программа, но образ политика и партии, стратегия проводимых рекламно-пропагандистских кампаний, методы воздействия на электорат. Имидж заменил реальность, образы политической жизни затмили саму политическую жизнь.

Увлечение глобальными задачами времен холодной войны, подчинение им политической жизни обоих лагерей и без того оторвало политику от реальных корней, приспособило структуру обществ к противостоянию, в том числе к идеологическому «информационному» в широком смысле термина.

Когда коммунизм рухнул, оказалось что рекламный образ «демократии» не столь уж необходим, и даже малопригоден для «внутреннего пользования». Заставляя верить в него людей «на той стороне», пропагандисты одновременно убеждали себя в тех же истинах, манипулируя образами с глянцевого обложки. Рекламный образ демократии, и ее «потребительные свойства» оказались мало соответствующими в реальности. Поскольку «политический выбор масс», во все большей степени определяется политтехнологиями и умелым манипулированием общественным мнением, то во все меньшей степени зависит от сознательного выбора гражданина и избирателя. Хотя таковые имеются в большом количестве, их пропорция в составе электората никогда не будет решающей. Избиратели из политических сил превращаются в «руководимое стадо». Тем самым де-факто отменяется главный демократический принцип.

Разрыв выявился в «кризисе традиционных политических партий», идейные платформы которых оказались в целом близки друг другу – чем «отменялась» реальная политическая борьба, поскольку ранее партии являлись выразителями интересов противоборствующих социальных групп и классов. Разница между ними оказалась только в лозунгах, фразеологии, и методах решения проблем при единстве целей. Сами же прежние цели превратились в средства: как методы «социалистического» руководства страной и экономикой, так и «либерального».

Встал вопрос о «новом изобретении демократии», уже не противостоящего тоталитаризму военного лагеря (от того имеющего отдаленное сходство с «военной демократией»), но демократичного и свободного общества «для себя». Неожиданно оказалось, что обществу не хватает многих черт, присущих «реальному социализму», даже несмотря на полвека конвергенции.

Таковые усилия были предприняты, однако наметился подспудный возвратный процесс: более не нужно было постоянно идти на уступки, вводить в капитализм элементы социализма – «кривляться» оказалось не перед кем. В наступление пошли транснациональные компании, насаждая «корпоративную этику», фактически превращающую служащих в крепостных, в «рабов фирмы». Причем формально они остаются свободными, обладающими всеми правами и свободами, однако условия найма на работу и внутрикорпоративные правила оформляются как «добровольное принятие ограничений», то есть «свободный выбор несвободы». Подобные «ловушки свободного выбора» сегодня распространяются все шире, делая само понятие «свободы» формальным.

Обращение «в себя», к внутренним проблемам, во многом ослабило агрессивность западной идеологии, сделав ее уязвимой для влияний и проникновения извне. Усилились существовавшие ранее тенденции плюрализма и мультикультурности. Но если прежде эмигранты довольно быстро воспринимали язык и образ жизни и мышления новой родины, то теперь выявилась иная тенденция, особенно заметная на примере мусульманских общин в западных странах.

В 70-80-е годы в западных странах и старожилы, и вновь прибывшие мусульмане старательно вестенизировались, старались войти и стать полноправными гражданами новой родины (и их политическая активность направлена именно на это – движение за предоставление гражданства, за предоставление равных прав и соблюдение прав человека по отношению к ним, за уравнивание оплат и т.п.). В 90-е возобладала тенденция «возвращения к корням». Движение за сохранение собственного языка и культуры, предоставления «культурной» автономии. Одновременно происходит замыкание общин на себя, на собственную внутреннюю жизнь, отгораживание от ценностей западного мира, распространение радикализма и ваххабизма.

Даже более! В США наметилось иное явление – принятие ислама местным населением. Благодаря усилиям негритянских деятелей, в первую очередь Малькольма Икс, в 60-е годы ислам стал знаменем афро-американцев в борьбе за самоидентификацию, за гражданские права «черных». С той поры мусульманами себя считают около двух миллионов негров. Однако, как свойственно американской религиозной культуре, «исламом» эту форму можно назвать с большим трудом. Законы шариата среди афро-американцев не получили сколько-нибудь широкого распространения, равно запреты на алкоголь, наркотики, внебрачные связи. Сравнительно недавние (середина 90-х годов) исследования показали, что ислам приняли более 100 тысяч белых американцев, в основном интеллектуалов, пришедших к Аллаху путем традиционных для американцев «экспериментов» с религией.

Подобные процессы, хотя и не в столь острой форме, переживают и остальные «культурные автономии». Особую популярность на Западе приобрел буддизм, особенно после фильма «Маленький будда» и начала широкой правозащитной кампании за предоставление независимости Тибету. Хотя, этот американский буддизм так же похож на тибетский ламаизм, как ислам афро-американцев на ваххабизм арабов Саудовской Аравии.

Ведущие западные политологи «неожиданно» обнаружили, что демократия не может быть «вещью в себе», что Система не может замкнуться, поскольку, утратив экспансивность, начинает умирать. Распространяемые по всему миру сами принципы демократии дают обратный эффект, постоянно попадая в «логические ловушки». Например, проведение выборов на свободной демократической основе в большинстве

исламских стран приведет к победе радикальных исламистов и полностью ликвидирует всякое подобие свободы и демократии.

С другой стороны, доведение принципов свободы, демократии, уважения прав человека до их высшей логической точки оборачивается своей противоположностью – харрасментом, политкорректностью, разгулом юридических преследований и постоянным ущемлением гражданских прав большинства.

Свои противоречия демократическое общество обязательно должно выносить наружу, проецировать вовне, постоянно должно бороться за «свободу и демократию», а не спокойно существовать в них. Для сбалансированного существования «либеральной демократии» непременно нужна тирания или угроза таковой, «цивилизации» нужно «варварство».

Приверженность западных политиков принципам «свободы и демократии», как главное условие «диалога» с иными государствами, свидетельствует вовсе не об их ограниченности, недальновидности, тупому следованию основным политическим догматам Запада. Просто по-иному они не могут. Без этих условий их деятельность потеряет всякий смысл. Не борясь «за свободу и демократию» вовне, они не смогут сохранить их и внутри страны.

С фанатизмом, не уступающем упорству духовных лидеров Ирана, они требуют, чтобы повсеместно внедрялась система демократических выборов, свобода слова и собраний, соблюдение прав и свобод человека. Их совершенно не смущает, что в иных странах, при ином менталитете, традициях и устройстве общества внедрение этих принципов приводит к обратному, порой катастрофическому, результату. Он «не понимают», что в криминализованной стране невозможно декретом «установить свободу» поскольку подобный акт приведет к анархии, чреватой гражданской войной и гибелью государства. Что для поддержания порядка требуются авторитарные методы, что естественно сильно ограничивает свободу слова и политической деятельности. И уж тем более, они не представляют, что большая часть населения мира готова добровольно отказаться от политических прав и свобод, если взамен ей будет гарантировано полноценное питание, вода, жилье – то есть право на жизнь. Их девиз: «Пусть погибнет мир, но восторжествуют принципы».

Не стоит обольщаться, будто западные политики такие идеалисты. Подавляющее большинство из них трезвые прагматики, реально взвешивающие обстановку. Но они знают правила игры: что надо говорить и требовать.

При этом понимают и все несовершенство существующей системы. «Мы создали самую ужасную систему, если не принимать в расчет, что остальные системы еще ужасней». То есть знают слабые стороны либеральной демократической модели, понимая, что мир имеет ту структуру, которая их в целом устраивает: «Сырьевые страны» должны существовать на положении фактических колоний, и режимы там должны оставаться репрессивными и в тоже время экономически полностью зависимыми от метрополий, а правительства марионеточными. Если случится «сбой», то создастся положение, подобно существующему ныне с «мусульманской» и венесуэльской нефтью.

Понимают, что «промышленная периферия» в классовом устройстве соответствуют в лучшем случае Европе конца XIX – начала XX века. Потому состояние демократии, гражданских свобод, а главное – рабочее законодательство и движение не должны превышать уровня Европы до начала массового рабочего движения. Следовательно, эти режимы должны оставаться жестко репрессивными. Иначе они не обеспечат стабильности, что вызовет перебои с поставками товаров, и, главное, не

обеспечат покорности «истинного пролетариата» при низкой оплате труда. То есть, цены на целые группы товаров начнут повышаться.

Для «нормального» функционирования мировой системы необходим «свободный рынок» высокотехнологичного обмена между равными партнерами (т.е. странами «золотого миллиарда»), а для получения дешевых товаров массового производства и спроса необходима *неравноправная* торговля с «новыми» промышленными странами, и откровенно грабительская эксплуатация ресурсов сырьевых стран.

Распространение правил свободной торговли на равноправной основе, и их соблюдение будет означать крах всей нынешней экономической системы. Подобным же образом распространение реальных демократических свобод на весь мир будет означать крах всей политической системы мира. Если свобода передвижения, выбора места работы и жительства станет реальной для всего человечества, если при этом новые «свободные люди» будут иметь возможность реализовать все свои права и свободы – то западный мир исчезнет, будет сметен потоком переселенцев, права которых будут обеспечены хотя бы в той мере, какой декларируются в международных документах.

Политическая элита Запада обращает проблемы в действенное оружие: декларативно ведет борьбу с отдельными авторитарными режимами, при этом мирясь со множественными практиками нарушения прав человека, принципов демократии и либерализма в целом – как в странах Третьего мира, так и в «цивилизованных странах». Например, в прибалтийских республиках, странах «Новой Европы». Практика «двойных стандартов» из отдельных «частных случаев» со своими «сукиными сынами» становится всеобъемлющей. Иначе невозможно поддерживать существующий порядок.

«Права человека» из цели превращаются в средство, орудие и оружие воздействия на «неугодные» режимы. То есть те, кто хочет изменить свое место в мире, проводить независимую политику на внешней и внутренней аренах, пытаются добиться если не экономической самостоятельности, то хотя бы, более справедливой оплаты собственных ресурсов.

Именно тогда раздаются массовые обвинения режимов в авторитаризме, призывы «следовать международным стандартам», требования проведения демократических реформ, предоставления свобод гражданам и прочее. Кто бы мог подумать еще совсем недавно, что лозунг «майской революции» 1968-го года выдвинутый Сартром: «Будьте реалистами – требуйте невозможного» станет главной заповедью современных циничных политиков. Требуя изменений в каждом отдельном случае, они пытаются сохранить существующий порядок в целом.

Подобная позиция – наиболее выгодная. Поскольку формально они разыгрывают карту популизма как на международном, так и на внутреполитическом уровнях: требуют радикального улучшения положения целого народа, путем предоставления пакета свобод и избавления от страха репрессий. Они отстаивают «самое святое» современного мира: «Свободу и Демократию».

При этом прекрасно понимают, что таковая метаморфоза режимов невозможна. Что невозможно разом поднять уровень жизни, поскольку именно сытая жизнь и богатая по стандарту западного обывателя является основой «свободного выбора», правосознания, всего менталитета населения. Что в нищей стране репрессии являлись основой экономического принуждения, то есть стабильности. До сих пор даже в таких странах, как Южная Корея, несмотря на высокий уровень жизни, на высокие темпы развития режимы остаются репрессивными, хотя постепенно вводятся элементы демократии

Редкие исключения только подтверждают правила. Например, Чехия. Более-менее успешная трансформация авторитарного или тоталитарного общества в либерально-демократическое дает Западу (прежде всего – США) верного союзника. Политики НАТО

ничего не проигрывают. Более того, такие страны как Чехия, Словения, Польша в силу своего географического положения пользуются известными бонусами. Очаги напряженности у границ «Старой Европы» нежелательны. Это не Албания, Сербия или Македония, отгороженные от «цивилизации» мощными буферами. Но даже в Боснии приходится «покупать мир» огромными совместными влияниями в бюджет «полусостоявшегося» государства.

В иных случаях режимы или подвергаются остракизму и изоляции, вынужден тратить на оборону и внутреннюю стабильность огромные средства. Обретенные богатства не приносят счастья широким слоям населения, поскольку расходуются на поддержание независимой политики. Сам режим становится изгоем – ярким примером «несчастной судьбы» иным режимам.

В крайнем случае, если режим пытается трансформироваться по предложенным правилам, то вступает на путь собственного падения. Если процесс недостаточно быстр с точки зрения западных политиков, то следует «помощь» в виде разнообразных (или даже «однообразных» - клишированных и калькированных) «цветных революций».

Пришедшие на смену авторитаризму «демократы» уже не в силах справиться даже с частью последствий «демократизации»: коррупция, обычно очень сильная при прежних режимах, однако являющаяся монополией правящего клана становится всеобъемлющей. Резко растет преступность («свобода» ведь! – методы массового обуздания нищего эксплуатируемого населения «отменены», но население от того не становится богаче) вскоре принимает формы тотального насилия, образования мощных мафиозных кланов. Экономика рушится, население нищает еще больше. Остатки социального обеспечения исчезают. Зачастую процесс движется к полной ликвидации государственности и распаду страны. Хотя в большинстве случаев подобного удастся избежать благодаря «помощи новых друзей». За подобную «помощь» новым правительствам приходится расплачиваться полной распродажей предприятий и ресурсов страны ТНК, и абсолютной внешнеполитической зависимостью.

Постепенно «демократы» у власти проворовываются. Идеалисты, свершавшие «цветную революцию» уходят, замещаемые «крепкими прагматиками», что вновь подспудно возобновляют репрессивные практики уже в «приемлемых» западным общественным мнением формах. Верней, «западное общественное мнение» перестает фиксироваться на этих странах, после информационной войны наступает стадия забвения. И обывателю уже все равно,

Во всех трех случаях: «чешский» путь, «сербский», или «сомалийский вариант» - очевидно устранение ретивого противника с международной арены. Подчинение его политики и ресурсов «мировому сообществу».

Но вернемся к идеологическим войнам. Довольно быстро в информационной борьбе фактов, взаимных обвинений и ловле на лжи противника, наступает иная стадия. Вместо «борьбы правд» – подачи той или иной цепи событий, наступает фаза агрессии. Гораздо более важным средством оказывается не «быть честным и правдивым» (в борьбе все средства хороши, ложь и цезура всегда оправданны, если они во «спасение»), но сделать себе саморекламу. Создать более выигрышный, чем у противника образ. То есть, не забывая об обращении к логике и здравому смыслу, основной упор сделать на воздействие на эмоции.

В век информации и информационной войны ни коим образом не стоит сбрасывать со счетов эмоциональную составляющую информации, тем более образов культурных архетипов

Если провести аналогию с восточными "внешними - внутренними" учениями, или западной эзотерикой – экзотерикой, то эмоциональная составляющая во "внешней" т.е. "СМИ-форме" будет все больше возрастать, по мере того, как в программных продуктах, по мере увеличения их объема, будет нарастать "логическая" составляющая, т.е. потребность в структурировании. Поскольку чем больше, тем дальше "СМИ-форма" становится манипулятивной, призванной пройти мимо логического фильтра «зрителя», напрямую обратится к его архетипическим установкам, и "закодировать" его сознание в нужном ключе.

Шулерские приемы с реальными фактами в конечном итоге обречены: ложь или подтасовка рано или поздно раскроются, и тактический выигрыш обернется стратегической неудачей - потерей доверия к источнику. Гораздо эффективней манипуляция образами, символами, эмоциональное воздействие. Факты те же, видимого обмана нет, но результат достигается желаемый.

Здесь тоже существуют «подводные камни». Более-менее сильные аппараты, проводя пропагандистскую кампанию (особенно на эмоциональном уровне), при ее успешном продвижении неизбежно впадают в самогипноз собственных образов, впадают в зависимость от них. Успешный пропагандистский образ начинает существовать по своим собственным законам (литературным), становясь самостоятельной силой. Пропаганде, которой движут всегда политические потребности (а вектору политике все время приходится менять направление), уже не в силах справиться с инерцией собственных образов. Политика начинает подчиняться пропагандистским лозунгам.

Так образ некого героя в восприятии людей наделяется чертами былинного, мифологического героя, а вождя нации – «культурного героя» (т.е. основателя государства, нации научившего людей всему, давших им культуру, письменность, научившего обрабатывать землю и т.д.). Создается образ «корифея всех наук», «великого учителя и кормчего», «непогрешимого гения». Однажды сам тиран поддается магии мифа о собственной постоянной правоте и непогрешимости. «Куль личности» поработает эту самую личность.

Поскольку манипуляция образами сильно выигрывает перед манипуляцией фактами, ей отдается предпочтение... в том числе и в работе с новостными фактами. Разрабатывается и транслируется особые видеоряд репортажей, выбираются объекты и точки съемки, в интервью задаются только «интересующие зрителя» вопросы. Большого искусства «своего взгляда на случившееся» достигли ведущие западные вещательные компании и издания. Учен как отрицательный, так и положительный опыт советской пропаганды, практически круглосуточно «обрабатывавшей» публику агитпроповским потоком новостей о выполнении планов, гигантских стройках, небывалых урожаях, об агрессии империалистических хищников, борьбе народов за свободу, об ухудшении жизни в капстранах.

За советской прессой во время «холодной войны» утвердилось прозвище «лживая», что «сильно далеко» от истины. В отличие от аппаратов и методов пропаганды Третьего Рейха и сталинизма (равно – образцах пропаганды США или Англии времен Второй Мировой Войны), во многом построенных на тотальном обмане и самообмане, пропаганда времен «развитого социализма» применяла ложь как «исключительную меру», понимая что всякий раз будут «схвачена за руку». Тотальной стала «фигура умолчания», основанная на классовом подходе. Практика привела препарированию действительности

и «радужном» ключе преподнесения внутренних событий, «негативном» - положения в западных странах. Причем освещению событий классовой борьбы отдавался безусловный приоритет. Третий мир – представал как борющийся с империализмом.

Всякий шаман, бьющий в громкие бубны, впадает в самогипноз, выпадая из действительности. Но нельзя пребывать в таком состоянии слишком долго. Важно, что основным было создания образов успешного настоящего и прекрасного будущего.

Со временем выработались устойчивые штампы, язык официоза стал настолько скрытным, что образовалась особая школа западных советологов, специализирующихся на «расшифровке» сообщений ТАСС, чтобы понять очередные перипетии кремлевской «подковерной борьбы». Параллельно устоялись и клише журналистики, время будто остановилось от впечатления дежа-вю.

В эпоху "застоя" идеологическая пропаганда стояла на первом месте. Но, несмотря на ежедневный пропагандистский поток, у населения стал повышаться "порог чувствительности", большинство воспринимало все усилия пропаганды как привычный "шумовой фон" или "белый шум". Население научилось читать между строк официальные сообщения и понимать эзопов язык авторов и «правдивых журналистов». Действенность пропаганды снизилась на порядки. От того возникала необходимость постоянно повышать ее «дозы».

Вскоре «порог чувствительности» аудитории к новостям оказался пройден, и советский мир погрузился в своеобразный анабиоз: никто не верил официальной прессе, ни во властных верхах, ни сами пропагандисты, ни аудитория, однако все воспринимали ее как необходимый ритуал.

Потребность в реальной информации создала особые фильтры восприятия, отбирающие из потоков только необходимое. В массовом советском сознании сформировался особый тип "честного восприятия", отчасти оперирующего "первоначальными" коммунистическими ценностями, отчасти гуманистическими, частью "трезвым практическим взглядом".

На этих пластах сознания и развилась Перестройка. Как известно, из постсоветской истории, вызревшая в ходе закрытых дискуссий философов, оформленная Яковлевым.

Активация пластов сознания шла последовательно: сначала критика существующего режима с «истинно марксистских позиций», потом оценка преступлений режима времен Гражданской Войны и сталинизма взвешиванием их на весах «общечеловеческих ценностей», потом просто сравнение пустых полок магазинов в СССР и изобилия западных супермаркетов.

Подобная манипуляция сознанием (пусть даже из самых благих побуждений) довольно продуктивно работала на неприятие и отторжение существующего режима, но при движении в какую-то сторону испытывало общераспространенные "разброд и шатания". Последние заявления «идеолога Перестройки» Яковлева свидетельствуют, что данная работа шла целенаправленно для демонтажа всей системы. Горбачев тоже уверяет, что «знал все с самого начала», однако верить ему особых оснований нет. Глава СССР оказался марионеткой в более сильных и опытных руках.

Основным продуктом потребления (по мере исчезновения всех других товаров и услуг – частично – как следствие саботажа на уровне руководства), и возбуждения политической активности, стала информация. Демократы и диссиденты использовали подобные движения массового сознания, как мощный протестный потенциал. В исторической ретроспективе оказалось, что демократы и диссиденты оказались весьма

корыстны в своих стремлениях, а на "массы" и их реальные стремления, по большому счету, "перестройщикам" уже на срединных этапах Гласности стало наплевать.

Последствия подобной идеологической самоликвидации уже описывались выше.

Западная пресса, казалось, обеспечивала себе свободу мощным юридическим аппаратом защиты, еще более принципами «свободного рынка», на которые на Западе уповают, как на Бога, регулирующего все процессы на свете, панацеей от всего. Разве что, геморрой у зрителя не лечат.

Свободу обеспечил принцип «свободы торговли новостями» и конкуренции. Не сообщенная важная новость кажется в принципе случаем невозможным, поскольку ее сообщит кто-то другой, а зритель требует за свои деньги все более «качественного» товара.

У государства, у крупных монополий, у влиятельных политических партий и лидеров, тем не менее, остается достаточно рычагов воздействия на общественное мнение, начиная от вполне конституционных пресс-центров и официальных релизов, государственных программ поддержки культуры, кинематографа, до списков «неблагонадежных изданий», «черных списков» запретов на профессию, приближение доступа к государственным секретам «своих журналистов» и так далее. Изошренность методов требует отдельной главы. Особо следует упомянуть прямой сговор с медиамагнатами. Пример Берлускони показывает, что медиамагнат и сам может стать главой государства.

Чем более мир становился информационным, тем больше информация приносила прибыли. СМИ-монополии возникли почти столетие назад, однако расцвели (по понятным причинам) во времена «холодной войны». Сложились целые империи, делавшие бизнес на пропаганде, на страхе, на рекламе.

Как всегда любой рынок, переживающий бум, сначала монополизировался, потом монополии, устав от дороговизны войны этот рынок разделяют. В избранные попадают единицы, в крайнем случае, десятки воротил, с которыми легко договориться любому правительству.

Конечно, на них начинают распространяться антитрестовское законодательство, законы о свободе слова, но в информационной сфере это достаточно легко обойти или свести к минимуму – закону противопоставляется «информационная политика компании», корпоративная и цеховая этика и так далее. Связь с правительством или склонность к тем или иным периодически правящим партиям позволяет «замолить» многие грехи в обмен на информационную поддержку или просто «симпатии».

Даже недавний российский опыт показал, насколько тесно связаны деньги прессы с правительством, хотя российские СМИ – лишь жалкие эпигоны «зубров» западных медиаимперий. Кстати, тогда же в России появилось множество «обиженных» журналистов, когда правительство целило не в них, но в их хозяев. Примечательно, что те, кто во время «охоты на олигархов» громче всех называл себя «свободным и независимым (прежде всего от своих хозяев) журналистом» оказались наиболее высокооплачиваемыми, причастными к распределению основных доходов своего СМИ, и наиболее часто контактирующим с этими хозяевами. Если бы государство не решилось на войну по подчинению СМИ, то подобные связи так никогда и не выплыли бы наружу.

Корректно говорить не о подконтрольности СМИ правительствам и политическим партиям, (об этом не может быть и речи), тем более о цензуре, по крайней мере до 11

сентября, но о явной ангажированности СМИ политикой. И этого вполне достаточно для распространения на аудиторию политических доктрин.

В конце 80-х беда пришла, откуда не ждали. Мощный юридический аппарат, ранее защищавший свободу прессы и информации, превратился в инструмент цензуры тоталитарной гидры о миллионе голов. Имя ей поликорректность. С ней не договоришься, не обманешь, не потребуешь ослабить удила. Зачем запрещать издания и тиражи, зачем преследовать журналистов, когда их можно измотать тяжбами и разорить на совершенно законных основаниях.

На дрожжах политкорректности расцветает цензура (государственная и корпоративная) и самоцензура, входят в обиходную речь эвфемизмы и эзопов язык. Одни только список запрещенных к употреблению в СМИ слов насчитывает более полутысячи позиций. На первом месте, разумеется «негр», замененный «афро-американцем». Действительность вновь искажается и препарируется. Информация сковывается путами, посильнее Главлита, в угоду воинствующих радикалов от харасмента и политкорректности.

СМИ не могут сильно исказить факты или не сообщать их, а факты могут быть и нелицеприятного свойства. Тогда начинают влиять иные факторы. Публике преподносятся, прежде всего «горячие новости» – сообщения о катастрофах, преступлениях, войнах, скандалах.

На первый план выходит ее величество сенсация, и погоня за ней. Как следствие процветает провокация, всюду в грязном белье роются ищейки от СМИ, ведет «свободную охоту» армия папарацци. Новости создают образ кипящего, ужасного мира, катящегося в бездну, падения нравов, нарастающей преступности, расцвета коррупции и обмана. До определенного момента ажиотаж «чернухи» способствует «вычищению авгиевых конюшен» общества и вызывает эффект «мягкого кресла» в уютном доме, пока не наступает эффект самогипноза, пока поток новостей и создаваемый им образ мира не начинает провоцировать армии подражателей.

Эфирное время каждого канала ограничено реальными сутками, а время подачи новостей – «прайм таймом», потому до аудитории доходят только «горячие новости». Серьезные аналитические программы удел избранных интеллектуалов, способных выкроить полчаса в «неудобное время». Массовая аудитория довольствуется короткими выжимками, краткими цитатами о происходящем авторитетов.

Образы, как основа информационного подхода, оказывают решающее влияние на конкуренцию и форму подачи новостей. Первоначально продуцируемые образы являются лишь «упаковкой новостийного товара». Удачный дизайн и концепция подачи, выигрышная «картинка» создают образ основательности проработки материала, что вызывает доверие и повышенный интерес.

В эпоху массмедиа главным козырем становятся ведущие, активирующие стереотипы массового восприятия. Выясняется, что зритель больше верит не самим новостям, даже не каналам или изданиям, но конкретным людям. Появляются «звезды» новостей, популярность которых сопоставима со звездами кинематографа. Имидж становится определяющим, упаковка становится основным содержанием. Метаморфоза названа «эффектом киндер-сюрприза».

Если аналитик взвешивает возможности ядерной войны, но при этом выглядит солидно, уверенно, говорит неспешно и «умными» фразами, то его речь действует успокаивающе, даже если он приходит к выводу о неизбежности катаклизма. Но

аналитики сенсаций не делают. Популярней иные звезды – «копатели скандалов» подобных Уотергейту.

Имидж проникает всюду. Важней становится образ политика, структура его программных речей, а не их содержание, внешний вид, а не мысли, тщательно вычищенная биография, а не личность. Начинается борьба за имидж, «войны политтехнологов». Наступает тотальная манипуляция сознанием. Популярность сменяется популизмом.

Далее происходит то, что и следует ожидать. Отрыв от реальности в угоду имиджу, нарастание вала разнообразных пропагандистских приемов и рекламных трюков, очередное «препарирование действительности», самогипноз мании образов. Он тем сильнее, чем удачней созданный имидж, чем глубже его влияние на аудиторию. Тем больше уверенность имиджмейкеров в правильности избранного пути.

В последнее время Мир пребывает в уверенности, что в информационную эпоху СМИ всемогущи, могут развязать и провести войну, и любой результат, даже проигрыш, представить как свою победу. Все почти смирились, что являются постоянным объектом манипуляций, любые партии и организации ставят на собственную "раскрутку" в прессе, считая не политическую платформу и программу действий, но имидж залогом политических побед. Политические программы из эффективных превращаются в эффектные. Именно на этом этапе обнаруживается порог, за которым прекращается действие PR-технологий, вообще пропаганды, масс-медиа.

Оказалось, что существует пласт реальной жизни, "культурного сознания", "силового поля совести", над которым СМИ не властны. Возможно, это относительно новый феномен, вернее - новый изгиб старых форм. Ведь в СССР подобное уже пережито и в данном случае, обнаруживается нечто подобное. Диктат СМИ все более напоминает идеологическую обработку в духе тоталитаризма, и массовое сознание все чаще ставит "фильтры", образует подводный материк, сложенный из "базовых" демократических принципов, отрицающих их современное "развитое" состояние, из социалистических ценностей (в духе социал-демократии и "еврокоммунизма") с примесью анархизма и радикализма, равно как и национализма неагрессивного толка (антиглобалисты). В таком случае это тоже "протестный потенциал" и прямое воздействие на него политтехнологиями и PR-акциями вызывает обратный эффект. Что, в свою очередь, свидетельствует о разнице векторов "поверхностных и глубинных" течений массовом сознании западного общества.

Что реально волнует "протестующих"? Как грамотно организовать новую идеологическую войну? Очевидно, по аналогии с советской перестройкой, действенной станет пропаганда "говорящая на языке масс", как это делали у нас "демократы и диссиденты". Разговоры о «новом изобретении демократии», резкий скачек интернет-изданий подающих «не препарированные новости», массовое обсуждение ее на чатах и форумах (т.е. без видимого вмешательства профессионалов) свидетельствуют о поиске нового языка реальности, и способов ее воспроизведения.

Более того, именно виртуальное пространство становится главной ареной борьбы. Причем борьбы на глобальном, всемирном уровне. Достаточно упомянуть ресурс «Викиликс» и «жасминовые революции».

Одновременно происходит «девальвация образов». Удачно созданный образ решает судьбу кампании, фильма, направления моды, политической акции. Возникает

искус его тиражирования с целью репродукции успеха. Массовый тираж «затирает» образ, снижает его силу воздействия, а менее удачные ремейки и сиквелы делают его второсортным. К тому же сознание, подпав под магию образа, начинает репродуцировать его: индивид начинает подражать кумиру, воспроизводить и распространять на окружающих его программу. Выбирает себе «роль-модель».

Так было во все времена. Достаточно назвать Христа, Мухаммеда, Будду или мифологических героев рангом пониже. Но отличие от религиозного сознания, феноменом сегодняшнего (цивилизованного) массового сознания, сильно замешенного на принципах индивидуализма, является неприятие фанатизма, а восприятие имиджей как временных кумиров, как образов моды (в том числе политической и идеологической). Индивид сам по себе ставит индивидуальный барьер от всяких сильных влияний, охраняя свое «прайвизи».

С течением времени нарастает желание освободиться из-под власти образа, обрести индивидуальность. Подспудный процесс ведет к развенчанию бывшего кумира, размножившегося повсюду, заполнившего все поры жизни. Следующим этапом становится появление пародий, развенчивающих набивших оскомину образов и пропагандистских штампов.

Параллельно происходит процесс «размывания» имиджей. Удачный образ порождает тысячи подобий, попыток повторить успех по уже опробованному рецепту. Клоны заимствуют понемногу от одного, другого и третьего. Это тоже второсортные образы, однако, они множатся и преподносятся рекламой, как равные своему прототипу, а смена их происходит с калейдоскопической быстротой. Размываются границы рекламы, политики, прессы, кино, шоу бизнеса. Актеры с одинаковым успехом рекламируют товары и политические партии, ведущие политики и деятели культуры не отстают от них. Уже невозможно понять, когда тот или иной персонаж играет, когда говорит серьезно. В конце концов выясняется, что все играют всегда.

Образы затмевают реальность, появляются полумифические, виртуальные персонажи, самым одиозным из которых стал Бен Ладен. Даже если это реальная личность, то сегодня он превратился в глазах всемирного зрителя исключительно в телеперсонаж, в некоего «старца горы», ведущего тайную войну против Америки, но совершающего свои акции и делающего заявления, когда его главному врагу необходимо потрясти перед публикой жупелом мусульманского заговора. Идеальный персонаж для манипуляций общественным мнением как для самого Бен Ладена, так и его противников. Непонятно, жив ли он или давно мертв, когда и кем сделаны его видеообращения. Есть версия, что это загримированный киноактер, снимающийся на фоне скал Невады. Скорей всего данный факт не соответствует истине, но появление и устойчивое бытование веры в него характерны.

Образы становятся универсальными. Так иракская пропаганда в преддверье американского вторжения рекомендовала к прокату фильма «Рембо» и ему подобные, как образцы патриотизма.

Успешные образы противоборствуют, вступают в «виртуальную борьбу», как на внутреннем рынке образов (например «Властелин колец» против «Гарри Поттера»), так и на внешнем (незабвенное противоборство героев социалистической и западной пропаганды – как реальных персонажей, так и художественных образов). На определенном уровне борьба эта может длиться довольно долго, пока не переходит в стадию столкновения.

И тогда перед лицом реальной крови отступают и образы, на первый план выходит вопрос веры, принципы за которые человек готов отдать жизнь. Тут-то и начинается столкновение императивов – цивилизационных принципов. Сами догматы более принадлежат религии и являются предметом теологических споров. Для войны нужны не догматы, но тезисы, краткие положения, девизы, лозунги.

Происходит новая метаморфоза. Хотя принципы основа, но они мертвы. Они должны вновь возродиться, «воскреснуть» в образах. Уже не имиджи, не искусственно созданные конструкты, но мифологемы – ожившие, действенные мифы цивилизаций.

От войны образов «конфликт цивилизаций» переходит на уровень «войны мифов», когда факты уже не имеют значения – их заменяют легенды. Ибо священно в войне только исходящее от «своих», от «духовных лидеров». Исходящее от «врага» – «все от лукавого». Даже если все сказанное им правда, то правда сообщается врагом с умыслом навредить, ослабить дух, подорвать веру в лидеров, веру вообще. Потому – факты в сторону! Важны только убеждения. «Правда мифа».

Интересный пример дает анализ сиквелов культового фильма «Терминатор». В первой серии страшный суд воспринимался как неизбежность, данность. Взбунтовавшийся кибер-разум выступал как фатум, как хтонические силы зла в Армагеддоне сжигающие мир. Причем мир сам переполнен злом, поскольку разделен на две антагонистические системы. «Дьявол» в данном «прочтении» – квинтэссенция рационального сознания, то есть суперкомпьютер, все действия которого квазирациональны, а в мире «чистого разума» людям, всему живому уже нет места.

Но праведники выжили, и к ним явился спаситель Коннор. Сюжет фильма манипулирует фабулой мифа «похождения богородицы» (бегство в Египет и прочее), матери спасителя рода человеческого. Дьявол является в мир в образе – в прямом смысле в оболочке человека, но с inferнальной внутренней сутью. Как ни странно, спаситель человечества выживает, поскольку сохранено «святое чрево», хотя ради этого кто-то сознательно жертвует жизнью (его Отец).

Во втором фильме, самом удачном по художественному решению и воплощению, в визуальном ряду, обыгрывающем множество культурных источников (в частности – сюрреалистов) человечество обретает свободу, в том числе свободу над мифом. Армагеддон отменяется, хотя и путем многих жертв. Что не удивительно для сознания начала 90-х, когда реальная угроза атомной войны исчезла, пал коммунизм и «мир обрел свободу».

Третий фильм носит «извинительный характер» к сюжету второго, словно замаливая грех еретичества, «отменившего» основной миф цивилизации: грядущий Страшный Суд, наказание грешников, явление в мир Спасителя. Возврат к «базовым ценностям», к столь милой и неизбежной в христианском образе мира картине гибели этого мира, подстегиваемый страхами перед глобальной информатизацией, перед проникновением «цифры» во все поры жизни, и реализующей их в виде всеобщего уничтожения – катарсиса, которого, в силу «низкой художественности» картины, не произошло.

После «джихада небоскребов» вопрос о базовых ценностях цивилизации обнажился: отказаться от них означает поражение. И пусть погибнет весь мир, но восторжествуют принципы. Тем более что противная сторона демонстративно выказывает презрение к жизни раде высших религиозных принципов, используя тактику «камикадзе».

Есть иная, более привлекательная сторона информационной эпохи – главным продуктом, основным товаром стала информация. Ее реализация приносит огромные прибыли, а в глобализованном мире – прибыли глобальные. Примером может служить продукция «фабрики Голливуд», заполнившая экраны всего мира. Чистая прибыль, принесенная созданными Клинтон Иствудом образами, за все время его кинокарьеры на сегодня вплотную приблизилась к 2 миллиардам долларов. Лидеру в затылок дышат терминаторы и прочие громилы Арнольда Шварценегера и искатели приключений Гаррисона Форда. Еще выше доходность поп- и рок-звезд. Некоторые страны даже обложили голливудский конвейер специальным налогом (Франция) или ввели квоты на импорт картин (КНР).

В век информации продаются не столько товары, которые произведены большей частью не «в стране производителе» но в странах «индустриальной периферии» (а комплектующие вообще могут производиться в десятках стран в разных частях) сколько их «бренды» - завоевавшие первенство в конкурентной борьбе торговые марки.

Небезынтересна история одного из самых «раскрученных» западных брендов (кроме Иисуса Христа), наиболее полно представляющей образ Америки в мире – Кока-колы.

Довольно давно, во времена «золотого стандарта» на протяжении полувека стоимость бутылки этого напитка составляла 5 центов. Со дня основания краеугольным камнем торговой политики компании был принцип, отразившийся на цене одной бутылки: «три цента – на рекламу, один цент – себестоимость, один цент – прибыль». Это означало, что потребитель 60% платил за имидж-образ напитка и только 20% непосредственно за тару и жидкость. Подобная политика позволила кока-коле стать маркой № 1 на американском рынке прохладительных напитков, но «золотые дни» наступили с введением «сухого закона». Немалых средств и усилий стоило убедить взрослую часть населения, что пить лимонады пристало не только детям и женщинам, но и зрелым мужчинам. С той поры кока-кола стала непременным атрибутом «американского образа жизни». Тогда же обозначились претензии на культурное пространство: начиная от вовлечения в рекламу примадонн оперы начала XX века, через созданный в рекламных целях современный образ Санта Клауса – улыбчивого старичка навеселе в красно-белом полушубке (цвет лейбла кока-колы), ныне десятками миллионов заполняющего весь мир в Рождество. Потуги на ниве массовой популярности вскоре перенеслись в завоевание сфер элитарного искусства – внедрения в область метафизики. Дело пошло успешно – «паблик релейшенс» дошел до эстетских рассуждений ведущих дизайнеров: «в мире только две совершенные формы – бутылка кока-колы и яйцо», кончая вселенским лозунгом «одной из самых знаменитых рекламных кампаний»: «Кока-кола – это все!». Вот так – Абсолют. Бутылка с чем-то приятным (образ райского блаженства) заменяет Бога. Разумеется, за этим следует полный абсурд: кока-кола становится аргументом философии. Современные философы хором вставляют кока-колу в своиopusы.

Мировому признанию напитка помогла Вторая Мировая Война, когда кока-кола наряду с жевательной резинкой превратилась в образ свободы, освобождения от кошмара, поскольку эти продукты появлялись везде, где ступала нога американского солдата. Мировой рынок был покорен, причем обнаружилась закономерность: при открытии внутреннего рынка и прихода на него международных брендов, первой жертвой становится местная индустрия безалкогольных напитков.

В конце 80-х с «империей Кока-кола» стали происходить странные вещи. Только что открылись рынки СССР и Восточной Европы, еще ранее Китая. Для Кока-колы мир стал глобален. Флаг неоглобализма выглядел не звездно-полосатым, но пролетарским - красное поле. Только вместо пятиконечной звезды, серпа и молота красовался росчерк

белых букв и волна. Впрочем, в те времена и МакДональдс не брезговал прицепить «коммунистический лейбл» (то есть серп и молот) к своему бренду.

И вдруг сенсация: украден и опубликован «самый тщательно охраняемый секрет компании» – рецепт «кока-колы»! В принципе он повторял стандартные рецепты «лимонадов», издавна приготавливаемых в южных штатах, но возникло опасение, что теперь «неповторимый вкус» воспроизведут конкуренты. Опасения, разумеется, оказались напрасны. Владельцы отлично знали, что рецепт ничто по сравнению с брендом.

Еще в середине семидесятых гэдэровская «Штази» провела суперсложную операцию по разгадыванию секрета Полишинеля. Под руководством легендарного Маркуса Вольфа спецслужбы похитили рецептуру кока-колы. Разумеется, результатами поделились с коллегами из СССР.

Последствия этой операции оказались весьма странными. В ГДР напиток выпускался под маркой «Вита-Кола». Хотя все жители Восточной Германии были уверены, что пьют аналог кока-колы, однако постоянно ходили слухи что «за стеной» кока-кола «гораздо вкусней». «Там – настоящее!». Имидж напитка волшебным образом проникал сквозь «железный занавес».

В СССР кока-кола была жупелом пропаганды. Чуть ли не со сталинской поры, со времен стиляг, ходила частушка «не ходите дети в школу – пейте дети кока-колу». Разумеется, советские идеологи не позволили «рабского копирования», что оказалось бы сильным козырем в идеологической борьбе (сколько копий сломали в противостоянии с «ужасным бескультурьем» – чуингамом). В перевернутом идеологическом мире всякий пасс в сторону Запада означал ступень снисхождения в ад. Потому в Союзе нашли «замены» кока-коле и спрайту в напитках типа «Байкал» и «Саяны». Те же лимонады, та же идеология прохладительных напитков как философия проведения времени в блаженстве, только «на местной почве», из местных – «родных» аналогов природных ингибиторов. Прямое сравнение показало, что хорошо сваренный квас ничем не уступает зарубежному конкуренту, а по цене успешно бьет его.

Совершенно неожиданным эффектом раскрытия рецепта Кока-колы в 80-е оказалось иное: на волне государственной кампании «войны с наркотиками» потребовали убрать из напитка вытяжку листьев коки, содержащих «незначительные» концентрации кокаина. Компания «держалась» целый год, однако в конце 89-го вынуждена была «уступить».

Через год и орех кола был причислен к наркотикам и исключен из рецептуры. Исключенные ингредиенты пришлось заменять вкусовыми ароматизаторами.

Продажи «модифицированного» напитка начали катастрофически падать, нужен был сильный маркетинговый ход, который и был сделан. Основного конкурента - компанию «Пепсико» обвинили в извлечении из свиных желудков пепсина для использования в напитках. Рухнул исламский и индийский рынок пепси-колы. Конкуренты не остались в стороне, обнаружив в кока-коле 2% алкоголя, которые тоже пришлось изъять, чтобы самим не потерять мусульманский рынок. Завершающие удары нанесли общества потребителей, потребовавшие заменить сахар на сахарин, и в десять раз понизить содержание кофеина. К концу 90-х от «старой доброй кока-колы» в напитке не осталось ничего кроме жженого сахара. Только искусственные имитаторы вкуса, воспроизводившие эффекты изъятых наполнителей.

Подобная подмена в стратегической перспективе почти не сказалась на объемах продаж, доказав, что «кока-кола» не напиток, но образ в умах людей, успешно

насаждаемый в течение столетия. Образ и стиль жизни, выбор ценностей и приоритетов, а не «пауза, которая освежает». Имидж товаров значат больше, чем сами товары. Недавний подсчет стоимости компании дал фантастическую сумму. Более 50 миллиардов долларов. Больше, чем тогдашний бюджет России. Причем активы и стоимость основных средств не превысила 10 миллиардов. Остальное стоит торговая марка, «бренд». Пропорция даже большая, чем закладывал изобретатель напитка полумифический Пембертон.

Данная «война за рынок», вроде бы не укладывается в рассмотрение вооруженных конфликтов, хотя масштабы торговой войны впечатляют. Речь идет о выпиваемых ежедневно 6 миллиардах условных бутылок производства компании Кока-кола. Всех этих кока-кола –лайт, фанта, спрайт и им подобным. По одной на каждого жителя Земли. Одурачены все.

Дело в том, что в последнее десятилетие особенно сильна диффузия между методами коммерческой и политической рекламы, и обеих – с ведением информационной войной. Сближаются не только методы, но и цели, и задачи.

Еще в тридцатые годы началось сближение брендов, основанное на понимании, что они лучше продаются комплексно, неким «тандемом» по принципу тyani-толкая, когда продвижение каждой марки на рынке вытаскивает и своего спутника. Так были изобретены «фаст-фуды». Они не только «удобное питание» но, прежде всего, отражение американского образа жизни – стремительного, экономящего время на всем для «бизнеса».

Что не продается по частям, продается целиком. «Целое» – это образ жизни. Его продажа выгодна всем, поскольку продвигает товары на чужие рынки, принося прибыли, налоги, создавая рабочие места, от того становится одним из краеугольных камней государственной политики.

Изобретателями фаст-фудов в современном виде били братья МакДональдс, навсегда связавшие свой бренд с кока-колой. (Кстати, братьев выкинул из бизнеса их нечистый на руку менеджер, отобрав даже право на фамильную вывеску).

Но символы, представляющие целый мир, цивилизацию, первыми попадают под удар, и МакДональдс стал главной мишенью в конфликтах новой генерации – протестов антиглобалистов. Первая кровь уже пролилась. Космополитизм наткнулся на национальную идентичность.

Новая причина внутрицивилизационных конфликтов? Новые столкновения пластов сознания?

Здесь мы подходим к ядру теории «конфликта цивилизаций». Она предназначена, прежде всего, для «собственного потребления», учитывает настроения коренных граждан-избирателей западных стран, недовольных «нашествием» иммигрантов из Третьего мира, прежде всего из бывших колоний. Теория дает им мощный идеологический базис к принятию жестких мер «в обход» гуманитарным принципам демократических стран. Поскольку культура пришельцев представляется «варварской», а коренная – «цивилизованной». Отчасти и чисто внешне у обывателя может сложиться такое впечатление, поскольку основную часть мигрантов составляют бедняки, не нашедшие работы на родине, не получившие образования, имеющие традиционные культурные навыки, малоприспособленные западной среде.

Представить иные культуры, религии, языки как угрозу всей современной цивилизации очень легко – поскольку «иное» легко представить как «враждебное».

Однако истина состоит в том, что культурное и цивилизационное влияние Запада гораздо сильнее. В том числе и на приехавших мигрантов, и на страны, откуда они прибыли.

Экспансия западной цивилизации куда более активна и агрессивна, а последствия ее влияния на культуру третьих стран куда фатальней, чем ответные влияния на культуру европейскую и «западную» в целом.

Речь не столько про откровенно пропагандистские явления, как голливудские фильмы, или международные бренды типа Макдональдса и Кока-колы – основные мишени критики антиглобалистов. Это лишь видимая часть айсберга.

Более глубинные, тектонические сдвиги производят вещи, на первый взгляд куда менее значительные. Прогресс Запада, западной культуры вообще в конечном итоге всегда сводился и доказывался именно техническим превосходством: ружьями, пуками, кораблями, самолетами и т.п. Запад всегда мог уравновесить недостаток живой силы превосходством в военной технике и технологии войны. Более того, благодаря технологиям и передовой индустрии, западные страны всегда производили огромное количество товаров, превращая весь мир в огромный рынок сбыта. Именно под воздействием этих факторов прогресса западный капитализм стал доминирующей силой в мире.

Казалось бы, какое культурное влияние оказывает кондиционер, установленный в доме какого-нибудь зажиточного суданца или боливийца? Он всего-навсего становится предметом жизненной необходимости, как холодильник или автомобиль. Вот тут-то и стоит говорить о скрытом влиянии. Прежде всего, эти вещи устанавливают «стандарты жизни», то есть потребления. Разумеется эти стандарты – западные, часть западного образа жизни. Не говоря уже о там же разработанном дизайне артефактов, являющихся также важными культурными атрибутами, меняющими облик жилища и всего окружающего человека предметного мира. А вслед за ним и само восприятие этого мира.

Но это еще не все: для телевизора и холодильника нужно электричество, мастера по обслуживанию, запчасти. Для автомобилей – бензин, различная «автохимия» и огромное количество запчастей. Необходимы современные автотрассы, автосервисы, парковки и гаражи. Необходим обученный персонал, в том числе владеющий иностранными языками. В сумме отдельная инфраструктура сильно ориентированная на производителей. И инфраструктура эта воспроизводит части западной цивилизации, меняя цивилизацию остальных стран.

Еще сильнее подобные изменения провоцируют артефакты коммуникации и информации. Достаточно их перечислить: телевизор, мобильный телефон, персональный компьютер. И, разумеется, интернет. Всем устройствам и системам необходим «контент», то есть информационное содержание. «Креаторы контента» это современные «держатели дискурса».

С такими устройствами возможно организовать не то что информационную атаку или пропагандистскую кампанию, они могут стать важнейшим звеном в организации «цветных революций» нового времени. Достаточно грамотно внедрить определенные мысли в умы «продвинутых пользователей». А те и так живут во «вселенной интернета» – то есть западном смысловом и информационном поле.

К войнам и конфликтам переход цивилизации в информационную стадию, закончившийся резким скачком, имеет прямое отношение. Уже в середине XIX века остро дискутировались правила войны. В конце века дискуссии переросли в международные конференции, в принятие правил ведения войн. Массовый террор, жестокое отношение к

мирному населению и пленным как эффективное средство устрашения ставились под запрет.

Эти меры не предотвратили мировые войны, хотя сильно повлияли на характер, во всяком случае, на – ход боевых действий между цивилизованными державами. В дальнейшем под запрет попало химическое оружие и некоторые иные виды вооружений, признанные негуманными.

Кроме логических шагов в ограничении «нормальных» войн, действовали иные факторы. Появление и быстрое развитие ядерного оружия сделали невозможной атомную войну, поскольку она означала самоуничтожение. Идеологическая война превратилась в информационную. Логичным в ней стало возведение «железного занавеса» - тотальной линии укреплений от именно идеологического влияния.

Так – шаг за шагом в вооружениях возрастала «информационная составляющая», в конце концов, выделившись в самостоятельный вид оружия. Оружия массового поражения сознания. Теория «конфликта цивилизаций» просто вывела этот метод ведения войны на глобальный уровень. Узаконила.

6. Мультипричинность – «виноваты все!»

Наиболее честные политологи расписались «де факто» в своей бессилии выявить одну единственную, главную причину в конфликтах, выдвинув теорию «мультипричинности». Суть ее: существует множество различных противоречий между народами, религиозными общностями, государствами. Противоречия эти (политические, экономические, территориальные, идеологические и пр.) оставаясь неразрешенными, имеют свойство накапливаться. Однажды сумма накопившихся противоречий, большей частью не связанных между собой, переходит критический рубеж, за которым невозможен компромисс, всякое мирное политическое разрешение. Тогда и возникает конфликт, переходящий в вооруженную фазу. Политика реализуется иными средствами.

Теория не столь примитивна, каковой кажется на первый взгляд. Например, если межевой спор между соседями в обычной жизни кажется банальной тяжбой, то, если соседи принадлежат к разным национальностям, религиям или социальным группам, то склонны решать свои трудности не столько посредством власти или суда (т.е. на легитимной основе), сколько полагаясь на помощь собственной общности. Решение спора в чью либо пользу, однако не означает его окончательного разрешения. Проигравшая сторона считает себя ущемленной, у нее остаются неудовлетворенные претензии. Даже компромисс не панацея. В этом случае притязания на «воловы лужки» остаются у обеих сторон.

Причем, чем сильнее вмешательство третьей силы, тем меньше возможности маневра у спорящих сторон. И те и другие вынуждены подчиниться власти, по мнению проигравшей стороны, становящейся «несправедливой», отстаивающей интересы соперника. В данном случае совершенно неважно является ли «третья сила» грубым тоталитарным принуждением или сложной судебной процедурой строго соблюдающей закон. Так же неважно, насколько власть коррумпирована или придерживается строгой правовой культуры – важна только сила давления третьей стороны.

В любом случае имеет место «отложенный конфликт». Если баланс (т.е. количество проигранных и выигранных споров равно) между представителями двух соседских сохраняется, то конфликту нет места. Но при изменении демографических (или иных прочих) ситуаций давление одной из сторон нарастает, возможности сопротивления другой падают. Взаимные претензии сторон возрастают. А по мере их возрастания идет сплочение по групповому признаку. Группы все чаще прибегают к помощи «своих», чем к посредничеству третьей силы. Из суммы накопившихся «межевых споров» складывается сумма взаимных претензий двух общностей, возрастающая, подобно заряду конденсатора, пока не ударит разряд и ситуация не срывается в штопор конфликта.

Внешне, конфликт самым суровым образом «обнуляет» существующие противоречия, в конечном итоге сводит напряженности ситуации к нулю. Но, поскольку противоречия не разрешены, наступает следующая латентная фаза накопления потенциала следующего обострения. Таким образом конфликт предстает еще и в виде «исторической вражды».

Теория вновь вводит мораль в поле рассмотрения, но с известной долей отстраненности, математической взвешенности в виде обид и претензий. Однако, принципиальный отказ выделять главную причину конфликта не способствует его разрешению, поскольку главными называются все причины: опасность возникает отовсюду, таится в каждом резком слове, жесте. Единственное, что может развести две враждующие «хаотические» силы – внешняя сила. Но тирания своей жесткостью консервирует конфликт, потому только неустанный труд по разрешению каждого спорного дела на свободной и демократической, основе может... И так далее.

Не трудно увидеть за сухой «арифметичностью» теории широко распространенную ныне тенденцию к тотальной политкорректности, которая является не только доведением принципов демократии до своей высшей конечной точки (т.е. абсурда), но и предохранительным клапаном против всевозможных социальных взрывов. Подчинение воли большинства интересам меньшинств, преклонение сильных перед слабыми посредством мощного приводного механизма «юридического государства». За этими явлениями кроется страх даже малейшей «зыби на воде от начавшей раскачиваться лодки», скрытый ужас опрокинуть страну в бездну. Поэтому, общество все сильнее страдая от политкорректности, все более напоминающей очередную тоталитарную «охоту на ведьм», вынуждено мириться с ней «во избежании больших зол».

Жесткий остракизм ко всяким радикалам, даже к резким высказываниям, к боязни «обидеть» кого угодно внутри страны, оборачивается отнюдь непolitкорректной внешней политикой: «назначаются» неугодные идеологии, религии, и государства и государственные деятели, подлежащие публичному наказанию даже с помощью военной силы. Запрещено проявлять какую-либо неприязнь к соседу-мусульманину, но накопившаяся ненависть находит выход в наблюдении массовой аудитории за наказанием «по большому счету» мусульман в Афганистане или Ираке.

Мультипричинность принципиально не интересуется изначальной правотой сторон, во многом по праву, поскольку, когда начинается конфликт и проливается кровь, а война приобретает вид гражданских столкновений, очень скоро виноватыми становятся все. С точки зрения права причины не важны, важен умысел, еще больше действия, вызванные этим умыслом, и их последствия.

Соответственно, с юридической точки зрения важно не устранение причин, но, прежде всего судебное решение - «наказание»: определение вины, как нарушение установленных норм, определение меры наказания, раскаянье преступников, «профилактика правонарушений». Не может быть никаких иных решений, кроме законных.

Множество причин и участников имел югославский конфликт – один из наиболее сложных и запутанных. Дополнительная опасность его была признана мировым сообществом в силу территориальной близости к Западной Европе.

Потому для начала следует выявить все комплексы причин.

Первый комплекс: Распад социалистической страны, как следствие крушения всего коммунистического блока. Типичный для большинства социалистических стран в условиях краха социализма в многонациональной стране процесс - основой новой консолидации стал национализм. Но, прежде чем разбирать столь сложный для Балкан вопрос, стоит отвлечься на некоторую «югославскую специфику». Между смертью «тирана» и кризисом страны прошло чуть более десятка лет, поэтому политическое наследие Тито, давление его харизмы продолжало ощущаться.

С другой стороны живы были еще его политические противники, личные враги, равно и эмигрантские организации за границей, влияние которых становилось тем сильнее, чем больше югославов уезжало на заработки за границу. Таковых в различные периоды насчитывалось в отдельные периоды более 15% всего трудоспособного населения страны. В отличие от российских белоэмигрантских организаций, всю жизнь мечтавших вернуться в Москву «на белом коне», но утративших связь с родиной и на ход событий в СССР почти не влиявших, к моменту начала кризиса устали (хорватские

фашисты) в эмиграции представляли определенную силу. Что в СССР было разнесено во времени: «разоблачение культа личности», Перестройка, распад страны – в СФРЮ произошло одновременно.

К тому же идеологическая политика Тито предоставляла большую свободу слова, что вызывало зависть ближайших соседей «стран народной демократии», диссиденты от упоения от возможности говорить нечто в пику официозу относились к планам развития «народного социализма» более конструктивно и в последствии, подобно Туджману, смогли повести свою часть страны за собой.

Второй комплекс причин, ставших в ходе конфликта основными – собственно национальный, имел множество особенностей. Из его сложной проблематики стоит выделить только те, которые существенно влияли на динамику конфликта. Широкое освещение истории заодно выявляет как правомерность исторического подхода, так и его известную «фаталогичность» (то есть, безысходную зависимость современности от исторических причин).

Исторически Югославия - молодое государство, возникшее по желанию Антанты после Первой Мировой Войны на руинах империй, потерпевших поражение в начале XX века – Османской и Австро-Венгерской.

Воедино были сведены «бесхозные» земли, заселенные южными славянами. Ядром новой консолидации «в награду за стойкость в войне на стороне Антанты» стала Сербия. Неожиданно из небытия возродилась и стала реальностью идея «Великой Сербии».

Сложность и запутанность этого лозунга заключалась в том, что сербская нация в далекие времена была разделена даже не на две (как в Индии), но на три основные конфессии: сербы (православные), хорваты (католики), босанцы (боснийцы - мусульмане).

Близкими к сербам по языку и религии, но выделяющими себя в отдельную нацию являются черногорцы. Есть еще сербы - жители Воеводины, пишущие на латинице, среди которых много лютеран. Более того – до второй мировой войны к сербам себя причисляла значительная часть католиков далматского побережья Адриатики.

Все народы говорят на одном языке, разнящемся только местными говорами и письменностью на латинице или кириллице. Сегодня пуристы хорватского языка утверждают, что сербский и хорватский – два разных языка, что их словари разнятся «более чем на 100 слов». Если бы за подобные утверждения не были пролиты реки крови, то их можно было бы назвать смехотворными. Местные диалекты хорватского языка отличаются от литературного на тысячи слов! Равно как диалекты сербского от основы языка – «штокавского говора». В свою очередь сербские лингвисты постоянно заявляют, что хорваты «присвоили» сербский литературный язык, как одно из культурных достижений сербской нации.

За годы социализма нации частью смешались, к моменту распада СФРЮ 10% населения составляли «югословены» - потомки межнациональных браков.

С точки зрения сербов хорваты и боснийцы - окатоличенные и отуреченные сербы, которых стоило вернуть в истинное «первобытное» состояние. Так возрос «великосербский шовинизм» старательно насаждаемый королевскими властями. Политика, вскоре обернувшаяся трагедией.

Сербский шовинизм насаждался как сверху, так и различными организациями типа «Черная рука», «Белая Рука» и откровенно фашисткой «Сбор». Именно эти организации организовали убийства многих хорватских лидеров умеренного и левого толка.

Обстановка террора в стране вынудила сербского короля Александра совершить государственный переворот, отменить конституцию и запретить всякую националистическую пропаганду и деятельность любой югославской нации.

Ответ хорватов, состоял не только в парламентских методах борьбы за автономию имевшей целью окончательное отделение от Югославии, так и в создании фашистской организации «Усташи», практиковавшей жесточайшие методы террора. Создавалась под покровительством и на деньги итальянского фашистского государства, на территории Италии. Постепенно начало создавать подпольные группы в Югославии.

Здесь снова тянется историческая зависимость. В Первую Мировую Австро-Венгрия ввела практику (еще до турецкого геноцида армян и прочих христиан а, так же арабов) истребления православного славянского населения занятых областей. На западной Украине истреблялись русины, в Боснии и Сербии – православные сербы. Хорваты традиционно служили в австро-венгерской армии, и участвовали в истреблении. После войны, как территории побежденной страны (Австро-Венгрии) им было отказано (Антантой) в государственности. Более того – они были поставлены в положение подчиненной сербам нации.

Югославские власти боагприятно относились к русской белоэмиграции. В частности позволили разместить на своей территории остатки армии Врангеля, и поддерживали русское белое движение. Потому Коминтерн тоже вел политику на раскол Югославии и «освобождение угнетенных наций»

Захват Югославии в 1941-м шел по методике «блицкрига». Словенцы и хорваты быстро покинули ряды югославской армии, а в этих бановинах (провинциях) оккупантов встречали цветами.

После оккупации Югославии, страна была разделена на части, причем в Хорватии нацисты создали государство сателлит – пользовавшееся довольно большой самостоятельностью, поскольку исторически усташи выросли в лоне фашистской Италии. И их лидеры умело лавировали между Муссолини, Гитлером и Хорти.

Формально, оккупанты создали несколько «государств» в границах старых бановин: Сербию, Македонию, Черногорию, Словению, и курьезное «княжество». Боснию и Герцеговину присоединили к Хорватии.

Кроме того, Югославия была разделена на зоны оккупации. Основные: итальянскую и немецкую. Часть территории оккупировали и/или присоединили к себе Венгрия (Воеводина) и Румыния (Банат).

Разгоревшаяся национально-освободительная партизанская война сразу приобрела множество разнофакторных черт: борьбы с оккупантами (движение сопротивления), социалистической революции, межнациональной гражданской войны, консервативных движений.

Идея коммунизма, с его принципом интернационализма, сумела сплотить представителей всех югославских народов под руководством хорвата Иосифа Броз Тито.

Причем в основном на территории Боснии-Герцеговины и Хорватии, где проживала почти половина сербской нации вне территории собственно исторической Сербии. Велась она жестоко – поскольку сербы здесь столкнулись с геноцидом со стороны хорватов. Потому выбор стоял наиболее жестко: погибнуть или сражаться.

Параллельно существовало демократическое сопротивление, ориентированное на западных союзников и поначалу мощное сербское монархическое партизанское движение четников Михайловича.

В Сербии немцы ввели строгое правило: 100 казненных сербов за 1 убитого немецкого солдата. Всякая успешная операция «четников» оборачивалась массовыми расстрелами. Потому Михайлович «во имя сохранения сербского народа» фактически отказался от борьбы с немцами и перенести действия на территорию Боснии. Вскоре начались стычки четников с красными партизанами, стремившимися расширить зону партизанской войны согласно лозунгу Тито «от Триглава до Вардара» (то есть от Словении до Македонии). Соответственно, движение четников пережило раскол, к концу войны часть четников под руководством другого лидера – Печенаца встала на путь сотрудничества с оккупантами (подобно бандеровцам на Украине). И запятнало себя жестокими расправами над албанцами и мусульманами.

Первоначально именно Михайлович был признан союзниками как законный представитель правительства Югославии в изгнании. Но с 44-го года, когда партизаны Тито действительно распространили войну на всю территорию Югославии и достигли немалых успехов, именно Тито оказался легитимным главой Югославии в глазах союзников. Сталин признавал только его с самого начала партизанской войны.

Сегодня малоизвестны сербские пособники нацистов: руководитель ущербного сербского «государства» Недич и его приспешник Летич – создатель сербского легиона СС, и русского (эмигрантского) тоже. Оба стали послушными клеветрами оккупантов.

Даже в Словении была организовано пронацистское ополчение «домобрана», и еще несколько ему подобных.

Война стоила Югославии более 2 миллионов жертв, причем почти 1.7 миллиона потерял сербский народ. Более половины из них погибло от рук хорватских фашистов и, отчасти, боснийцев в результате целенаправленного геноцида.

Хорватский фашизм имел два четких окраса: ярый национализм и столь же ярый католицизм. Одним из самых ярых идеологов его был архиепископ Степанац, а большинство монахов-францисканцев действовало как капелланы и «политруки» в легионах и «войнищах» («дружинах») усташей. Причем, францисканцы руководствовались тайным благословением Ватикана, поскольку очистка земель от мусульман и православных способствовала «продвижению католицизма». Имели место и насильственное крещение в католицизм под угрозой массовых расправ. Естественно, большая часть сербского католического населения Далмации, Боснии, Боки Которской и других областей – выбрало хорватскую сторону и репрессиям не подверглась. В глазах остальных сербов они стали «изменниками», и в дальнейшем, уже в Социалистической Югославии считались хорватами.

Геноцид дошел до того, что немецким и итальянским частям приходилось останавливать и даже пресекать чрезмерное рвение усташей. Их политика тотального террора и истребления толкала в ряды партизан не только массы сербов и мусульман, но и значительную часть хорватов – противников жесткой диктатуры. Характерно, что в боях с партизанами усташаи почти неизменно терпели поражение, и оккупантам приходилось брать бремя на себя. В конце концов, партизаны Тито настолько расширили свои освобожденные зоны, что Германии пришлось держать в Боснии несколько элитных горных дивизий. Их число колебалось от 8 до 12. В том числе конный корпус СС фон Паннвица, состоявший из русских казаков, особо отличившихся в карательных операциях.

Немалую лепту в борьбу с партизанами вносила и Италия, но ее выход из войны в 43-м, заставил немцев занять итальянские зоны, соответственно и там развернуть антипартизанские операции. .

Для сербов характерна гипертрофированная историческая память – выработанный за века борьбы с турками и австрийцами навык, помогавший нации выживать в самые безнадежные для Сербии годы. Естественно, жертвы войны стали большой «претензией» сербов к хорватам и боснийцам. Память уже не о межевом споре.

Коммунистическая диктатура не дала раскрутиться маховику национальной мести. Первое десятилетие Тито правил как тиран, как «прилежный ученик Сталина», особенно в годы конфронтации с учителем. Историческая память отложила месть «на потом».

Расправы с бывшими карателями имели место только в мае-июне 45-го в основном по инициативе командиров партизанских армий. Всего в те месяцы было уничтожено около 50 тысяч пособников нацистов.

Тито попытался вернуть процесс в рамки правового поля, пусть и «революционной законности». И обнаружил, что официальная расправа вобьет клин межнациональной розни еще глубже. Поскольку обнаружился факт массового участия хорват и боснийцев в геноциде сербов. Равно факты сербского геноцида в отношении мусульман, албанцев, евреев, цыган.

Потому суды отличались относительно мягкими приговорами. Так идеолог хорватского католического фашизма архиепископ Степанац был приговорен к десяти годам... домашнего ареста. Правда, до своего освобождения не дожил. Большинство главарей усташей успели бежать за границу, где представляли реальную политическую угрозу режиму. Почти всех их тайно уничтожили югославские спецслужбы. Даже на Анте Павеличу была подстроена автокатастрофа. Он выжил, но от активной антиюгославской борьбы отошел.

Судьба главного четника Михайловича сложилась иначе. Поначалу он пытался вести партизанскую войну, но в 46-м его последний отряд был разбит. Сам он схвачен, и расстрелян по приговору верховного суда.

В те годы Тито подвел множество мин под «национальный вопрос». Заселил Косово переселенцами из Албании по соглашению с режимом Ходжи. Вынужденный опираться на сербское большинство, одновременно поощрял хорватов, утверждая, что те ближе к Западу, следовательно, цивилизованней. Декларировал: «Прежде всего, я хорват, а уж потом коммунист». Конечно, списывать все на одного Тито наивно, как наивно было бы списывать все беды СССР на Сталина.

Утверждение, «хорваты ближе к Западу» хорватские националисты обыграли при распаде Югославии. Если отпад Словении произошел сравнительно безболезненно, то за Хорватию новое руководство Югославии начало войну. Бывшие коммунистические лидеры довольно быстро отказались от идей коммунизма в пользу национализма. Еще цепляясь за социалистические лозунги в интерпретации «социальной справедливости», они подспудно реанимировали идею Великой Сербии, надеясь вновь консолидировать на основе ее федерацию, удержать «неправильных сербов» (то есть боснийцев и хорватов) под своей властью, тем самым, дав в руки хорватских и боснийских националистов сильный козырь. Одновременно на боснийской и хорватской территории было создано несколько сербских автономий (фактически – государств), которые тяготели к сплочению в «Единую Сербию».

Хорватские лидеры предъявили двойное публичное обвинение новому югославскому руководству: «коммунисты и православные националисты». Сами же рядились в тоги демократов, жаждущих вернуться в лоно европейской цивилизации.

Боснийцы предстали в виде «невинных жертв», узников совести, ища сочувствия, поддержки и защиты, как на Западе, так и у богатых единоверцев в Персидском заливе. Информационная война оказалась проиграна с самого начала: в глазах Запада сербы предстали единственными виновниками «этнических чисток». Режим Милошевича эволюционировал в описанном выше ключе изолирующей нации – изгоя.

Точную историю «большой сербской нации» восстановить сложно, поскольку все три стороны сербы, хорваты, боснийцы оперируют в подходе к истории национальными мифами и встраивают на основе них историческую науку. Во всяком случае, Хорватское королевство довольно быстро выделилось из «сербского субстрата» и крестилось по западному обряду (еще до раскола церквей). Но век его был относительно недолог, вскоре оно попало в зависимость, а потом и вовсе стало частью Венгерского королевства.

Сербия пережила несколько взлетов, порой занимая большую часть Балканского полуострова, где встречалась с интересами Византии, но большей частью – Болгарских царств. Исторически сложившееся противостояние вылилось в национальную неприязнь между сербами и болгарами, дожившим до наших дней. Отчасти подобное отношение распространяется и на македонцев, чей язык иногда считается западным диалектом болгарского. Хотя сегодня выделился в отдельный язык. Культура Македонии тоже близка Болгарии, однако волей исторических судеб Македонии чаще оказывалась ближе к Сербии.

Боснийцы сильно замкнутые горными массивами поначалу не принимали ни православия ни католицизма и жестко держались язычества. Позже в их среде нашло распространение богомилство, среди католиков и православных считавшееся страшной ересью. Потому гонения на еретиков были еще сильнее, чем на язычников и велись самыми жестокими средневековыми методами.

Приход турок-осман на Балканский полуостров с их политикой веротерпимости означал для боснийцев освобождение от преследований христиан. Потому они стали одними из самых верных союзников турок. Постепенно, за 400 лет, мусульманство вытеснило богомилство. А мусульманское славянское население превратилось в «естественную опору» осман – и врагов соседей-христиан.

Сербия в ходе османской оккупации почти постоянно вела борьбу за свою независимость. Поначалу добиваясь автономии в статусе Придунайских княжеств (Валахии и Молдовы). Однако уступки из Стамбула зачастую приходилось оплачивать выступлением против врагов султана как его союзник. Периодически часть территории Сербии попадал под власть Габсбургов, и значительная часть сербов шло на австрийскую службу. Что вносило известный раскол в единство сербской нации на протяжении веков.

С другой стороны, хорваты все время выступали за Австрию и Венгрию, привыкли видеть в сербах периодических противников. Тем более что именно из хорватов формировались войска, подобные нашим казачьим – «границары», пребывавшими в постоянной пограничной войне.

Хотя истоки вражды между сербами и хорватами понятны, она редко принимала тот острейший характер национального антагонизма, какой обозначился в XX веке.

В 90-е годы XX века все стороны конфликта «отличились» во взаимном уничтожении друг друга, причем хорваты и боснийцы, то объединялись в истреблении сербов, то резали друг друга. Сильно страдали иные нации, особенно цыгане.

Войны на Балканах отличаются «традиционной балканской жестокостью», чему тоже есть историческое объяснение: будучи полем борьбы больших держав, малые балканские государства становились объектом войн не на победу, но на уничтожение населения (как экономической и рекрутской базы противника) или «для устрашения». Причем одним из главных и постоянных противников в этих войнах выступала восточная тирания – Османская империя, склонная «радикально» решать национальный вопрос. При таком способе ведения военных действий адекватный ответ тоже становился радикально жестоким. Две большие войны XX века только подтвердили правило.

Третья часть противоречий: широкое вмешательство в конфликт иностранных государств. Участие российских добровольцев и муджахедов можно назвать «частной инициативой». Западные добровольцы сражались и на хорватской стороне. Отдельные группы иностранных добровольцев воевавших за каждую из сторон в общем противостоянии оказались, скорее, моральной поддержкой, чем реальной силой, скольконибудь серьезно повлиявшей на ход войны.

Возникла даже новая отрасль бизнеса – «военный туризм», на войну ездили «в отпуск» пострелять, пощекотать нервы, безнаказанно убить. В основном западные туристы. Всеми сторонами привлекались наемники. «Приватизация войны» не стала монополией «диких африканских племен» или «отсталых жителей сельвы». Те же правила действовали и на европейском поле, с выпячиванием роли полевых командиров, вроде одиозного Аркана.

Частное вмешательство являлось отражением и следствием глобального проникновения в конфликт западных государств.

Поскольку крах СФРЮ являлся частью распада системы социализма, глобального краха коммунистической идеи, что было объективным явлением, «общим местом» во всех кризисах Восточной Европы. Однако прямое вмешательство в Перестройку западных государств было минимальным и происходило в основном через «общественные» организации вроде «Международной амнистии» или различные благотворительные фонды и частные компании.

Слишком большим считался риск прямой поддержки западными спецслужбами оппозиции в СССР. При неизбежном вскрытии такового могло последовать обвинение в прямом вмешательстве во внутренние дела и вместо дальнейшей демократизации режима, мог последовать поворот к диктатуре и резкой конфронтации. Безусловно, оказывалась массированная идеологическая поддержка. Однако она не выходила за рамки «нормальной» идеологической войны предыдущего периода. Быстрый развал СССР тоже считался опасным, при неясности будущей судьбы стратегических арсеналов ОМП.

Достаточно сложная и тонкая работа США и НАТО по нейтрализации СССР растянулась почти на 7 лет. По мере увязания СССР во внутренних проблемах происходило «ослабление хватки» «руки Москвы» среди бывших союзников по Варшавскому договору. Началась череда «бархатных революций», в которых влияние Запада прослеживается более отчетливо.

В апреле 1991 года (видимо в преддверье туристического сезона) по российскому телевидению был показан презентационный ролик Югославии: веселой процветающей страны, где мирно живут десятки народов. На фоне творившегося тогда в России, клип

воспринимался как некий укор и поучение, доказывающее правильность «югославского пути».

СФРЮ выглядела достаточно успешным вариантом социализма, что резко контрастировало с происходящим в Восточной Европе: за почти два года эйфория от победы демократии сильно поугасла, сменяясь психологическим ступором от «шоковой терапии» неореформаторов, от «успехов» «структурной перестройки» социалистических экономик, приватизации и реституции. Всплеска преступности и обвала в пропасть сравнительно высокого уровня жизни.

Вектор общественных настроений бывших соцстран начал меняться, грозя обернуться многочисленными термидорами. Что и произошло позже, когда к середине девяностых на смену радикальным демократам пришли социал-демократические и умеренно левые правительства. Они не повернули назад, поскольку в Европе уже не оказалось могучих союзников - соцстран, на которые можно было опереться. Потому социалисты «Новой Европы» более-менее послушно следовали во внешней и внутренней политике курсом ЕС и НАТО.

В СССР в начале 90-х тоже наметились тенденции к силовым решениям, особенно после Вильнюса. Конфликты в Закавказье все более развивались по военным сценариям, одновременно склоняя центральную власть к силовым решениям. Сегодня известно, что у Кремля тогда не было планов прекращения распада, наоборот – все шло по «плану Яковлева». Однако на Западе этого еще не понимали. При известной воле, потушить бунты окраин было вполне реально.

Страх перед мощью Советского Союза оставался еще столь велик, что заставлял верить в наихудшее: подавление оппозиции, усмирение мятежных республик, подобно чехословацкому варианту 1968-го года. Радикальный возврат к временам «холодной войны». Далее ситуация могла стать неуправляемой: почти во всей Восточной Европе еще находились советские войска, которые, без сомнения могли опереться в бывших странах-сателлитах поддержку части недовольного населения и отстраненной от власти партийной номенклатуры. Действительно, силы для этого у СССР имелись, но уже не было политической воли для подобных шагов. Момент требовал от Запада действий незамедлительных и радикальных.

На внешнюю и внутреннюю политику СФРЮ практически не влияло состояние дел внутри СССР, как и политика в странах Социалистического Содружества. Хотя внутриюгославские процессы шли аналогично всем остальным странам Социалистического Лагерь, но имели свою динамику и специфику. Их ход не совпадал во времени с остальными, хотя пример распада СССР и Варшавского блока не мог не вдохновить сепаратистов, и ускорить центробежные тенденции. Новое Югославское правительство предприняло ряд мер по централизации, аналогичных советским, успех которых мог остановить распад.

На волне «усталости от реформ» в Восточной Европе и четко обозначившихся возвратных тенденций гипотетически именно Югославия могла стать лидером социалистического возрождения. То есть Перестройка вместо «движения к демократии» (то есть на Запад - к капитализму), гипотетически могла оказаться движением от советской модели социализма к югославской. Учитывая силу СССР и социалистический менталитет населения Восточной Европы, процесс мог закончиться возрождением всей системы социализма в новом, обновленном виде. Что означало бы не только крушение всей западной политики десятилетия, но и проигрыш в «холодной войне».

СФРЮ «назначили врагом» - страна должна была распасться на несколько слабых государств. Поскольку цементирующей нацией югославской государственности был сербский народ, поражение сербов в информационной войне оказалось предопределено изначально: стороны конфликта стартовали с неравных позиций. Хорваты и словенцы сразу выразили желание войти в «европейский дом», и следовать прозападным курсом. Сербы стояли за независимую политику.

Довольно быстро националисты в республиках заручились политической поддержкой на Западе, и распад СФРЮ начал походить на цепную реакцию: Словения, Хорватия были признаны Европейским сообществом буквально в дни провозглашения их независимости. Вскоре настал час Боснии и Герцеговины, затем Македонии. Особо усердствовала на ниве распада СФРЮ недавно объединившаяся Германия, предъявившая претензии на свою особую роль в европейской политике.

Сопrotивление распаду оказалось довольно упорным, ведь сербы расселены на большинстве территорий Югославии, и склонны были отстаивать единство страны с оружием в руках, не без оснований полагая, что смена власти в новых государствах означает для них геноцид.

Стоило наметиться поражению хорватов и босницев после Вуковара и Сараево (союзная армия в целом осталась на стороне правительства), как СФРЮ подверглась первой миротворческой агрессии. Вооруженные силы США быстро нейтрализовали югославскую авиацию, заставили отойти югославскую армию за пределы границ «независимых» республик, предоставив сербам в Хорватии и Боснии самостоятельно отстаивать свою свободу.

Для умиротворения конфликта было объявлено эмбарго на поставку оружия, соблюдать которое в отношении хорватов и мусульман никто не собирался даже в части тяжелых вооружений. Также лицемерно закрывались глаза на их зверства, а преступления сербской стороны старательно муссировались и раздувались. Даже откровенные «зачистки» от сербов целых районов не вызывали никакой реакции. Введение огромного корпуса «миротворцев» только усложнило ситуацию войны все против всех. Миротворцы, большей частью, выполняли роль наблюдателей, почему-то полагая, что сам факт их присутствия означает автоматическое прекращение военных действий. Вскоре им пришлось огрызаться на нападения всех сторон конфликта. Они оказались осажденными в своих секторах и активных действий по разъединению сторон не предпринимали, пока ситуация не разрешилась «естественным» чрезвычайно кровопролитным путем.

США и Объединенная Европа решали свои стратегические задачи на континенте, достигая войной глобальные цели: «упрочение демократии и рыночной экономики» в Восточной Европе и странах бывшего СССР. В Югославии «демонстративно» (в расчете на восточных соседей, прежде всего для СССР) отработывались методы развала страны, «наказания виновных», насаждения демократии. СФРЮ не Советский Союз, потому сил на достойный ответ массированному вмешательству извне не имела.

Итог: «мультипричинность» иностранного вмешательства в распад Югославии заключался в разрешении множества и внутриевропейских, и мировых проблем.

В частности: окончание «холодной войны» означало прекращение деятельности НАТО по формуле «с устранением причины устраняется и следствие». Однако данный силлогизм классической логики оказался неприменим к реальной политике. Североатлантический блок превратился в мощную структуру, в один из камней фундамента Объединенной Европы. Начало 90-х ознаменовалось «бунтом в НАТО»,

требованиями его роспуска. Выявились противоречия между интересами ЕЭС и НАТО, где доминирующую роль играли американцы. Столкновение интересов начало перерастать в торговые и политические войны. Раздались требования создать объединенную европейскую армию неподконтрольную США.

Срочно требовалось «подавить бунт» в НАТО, нужен был рычаг давления на Новую Европу. Начались судорожные поиски «новых целей и задач» для Североатлантического Блока. Югославские события «случились» вовремя – пожар войны разгорелся у порога Западного Мира. Сразу же обозначилась новая роль Альянса: «европейский жандарм», новые цели и методы. США нашли удобный предлог не сокращать военного присутствия в Европе. «Первая военная операция НАТО» растянулась на все 90-е годы, следуя по пути эскалации. В орбиту операций была затянута Албания, а пиком реализации «новой роли» явилась полномасштабная агрессия 99-го года НАТО против «сокращенной Югославии».

С самого начала в Югославии НАТО тоже преследовало «мультипричинные» цели: исполняло свое предназначение, уничтожая последний оплот социализма в Европе, и одновременно боролась за самосохранение. Если в распаде СФРЮ основной была первая причина, то в войне 99-го года превалировала вторая.

С появлением в Боснии миротворцев, началась консервация конфликта: жесткое эмбарго новой Югославии, сузившейся до размеров Сербии, Черногории и Косово, нейтрализация военного потенциала боснийских сербов на фоне оказания помощи и политического поощрения Хорватии и Боснии. Все 90-е США имели мощный рычаг влияния на ситуацию на Балканах, в Восточной Европе, со временем ставшей и средством давления на Европу Западную.

Режим Милошевича от 93-го до 99-го дрейфовал в сторону изоляции, а национальное сопротивление, как и во многих иных случаях, способствовало единению страны, ее сплочению вокруг лидера. Однако сколько-нибудь длительное существование его режима не входило в планы США. Сам факт противостояния маленького государства всей государственной машине Америки создавал нежелательный прецедент, затягивание противостояния ставило под сомнение всю европейскую политику США, эффективность режима санкций, весь набор приоритетов.

Как только в Восточной Европе установился «порядок», «завоевания демократии» упрочились, «молодые демократии» в том числе и Россия встали в фарватер американской политики, пробились окончательный срок Югославии. То есть «новой Югославии» в границах Сербии, Черногории и Косова. Не сумев уличить режим Милошевича во вмешательстве в дела Боснии-Герцеговины, зашли «с юга», спровоцировав кризис в Косово. Новый конфликт был изобретен, воплощен в жизнь и раздут до размеров войны благодаря исключительным стараниями США и НАТО.

Военные действия вылились в прямую неспровоцированную агрессию под надуманным «гуманитарным» предлогом, фактически – с провокации. Агрессия закончилась отторжением от страны ее части. Война, развязанная под лозунгом «недопущения гуманитарной катастрофы» подобную катастрофу спровоцировала. Несмотря на упорство сербов, главная цель войны – разгром режима – НАТО достигла.

Финалом трагедии стала «бархатная революция» в Сербии. Довольно скоро бывший «отец нации» был отдан пол суд Международному трибуналу в Гааге. Ради его свержения США прибегли к откровенному обману, посулив, в случае победы оппозиции, многомиллиардную помощь, позже не выплатив и десятой доли обещанного. Подобный прием стал «фирменным знаком» большинства «цветных революций». Например, еще до распада СССР, «команде Ельцина «были даны твердые гарантии единовременной помощи

в размере 37 миллиардов долларов. Но с приходом его к власти в России из них не было получено ни цента.

Итак, если прилагать теорию многофакторности, то с какого момента началось накопление причин? При диктатуре Тито, во Вторую Мировую? Может это пороки создания искусственного государственного образования? Может, в истории Первой Мировой или двух балканских войн начала XX века? А может с поражения сербов на Косовом поле в веке XIV?

Любой вариант ответ явно уводит в историческую плоскость, в факторы «тяжелого наследия» всей истории Балкан и отзвука двух мировых войн и «холодной войны».

Ход «болезни» был осложнен искусственным хирургическим вмешательством западных стран. Без него кризис не был бы столь затяжным, следовательно – столь кровавым. Возможно, Югославия сохранила бы целостность, хотя бы областей заселенных сербами, в том числе в Косово и Боснии-Герцеговине. Возможно – и в Хорватии. То есть государства имели бы иную конфигурацию. В любом случае осталась бы «Большая Сербия».

Возможно, часть разгадки кроется в желании сербов переломить собственное политическое наследие – наконец стать Целью, а не средством ее достижения, перестать быть вечной разменной монетой в играх больших держав. Сербь хоть и попытались, но так и не смогли переломить эту политическую традицию. Европе и США не нужна единая и сильная, прежде всего независимая Югославия. И ее не стало. Начавшийся распад стал поводом для уничтожения.

Теория многофакторности не дает и принципиально не желает давать ответ. Чем больше причин, чем они острее тем «лучше» для теории. А вмешательство сторонней третьей силы, с точки зрения теории, это ни в коем случае не причина усугубления конфликта, но, наоборот, меры по «пацификации».

Однако, основная причина очевидна - крах системы социализма. Именно жесткая сила сдерживала национальные противоречия и центробежные тенденции федеративных республик. Срок жизни Югославии в любом виде был определен возможностью силового единства. А это единство обеспечивало «центробежное влечение», то есть единство сербского народа. Форма королевского авторитарного правления оказалась очень непрочной. При вторжении немцев в 41-м словенцы и хорваты моментально перешли на сторону агрессора, Югославия распалась в течение нескольких дней. Ее удалось объединить только силой – вооруженным путем.

Именно социалистическая форма правления и коммунистическая идеология способствовали длительному послевоенному существованию СФРЮ. Совмещая методы принуждения и демократии (в политологии есть даже определение «тоталитарная форма демократии») коммунисты могли сколько угодно долго сохранять единство страны. То есть ровно столько, сколько смогла продержаться коммунистическая идеология и аппарат ею порожденный.

Югославия в момент своего создания оказалась нестабильным, склонным к распаду государством. И могла существовать только при сильной центральной власти противостоящей мощным центробежным тенденциям. Такова ее изначальная «политическая матрица». Распад Югославии оказался кровав, несправедлив, ущемил

права (в том числе на жизнь и место проживания) многих народов и во многом стал именно таким из-за вмешательства извне.

Тем не менее, причина конфликта – иная. Главная!

В любом конфликте можно выделить основную причину. Поскольку причина любого вооруженного конфликта всегда очень веская, серьезная. «Просто так» люди не идут на убийство и смерть, не затевают войн. Однако теорию «мультипричинности» не стоит отбрасывать огульно – она позволяет выявить комплекс противоречий, который следует учитывать при ликвидации или умиротворении конфликта. Так, в том же югославском конфликте понимание основной его причины не имеет дальнейшей конструктивной основы: не представляется реальным вернуть социализм.

Остается только «жить на обломках». Тут-то и необходимо понимание резонансов всех конфликтующих сторон, которые необходимо учитывать при возведении «новой реальности».

7. Теория «Ядра и бреши» - отказ от всяких теорий

Становление информационной цивилизации избавило американских политологов от «досужего теоретизирования». Всегда верные философии прагматизма, американцы уверились: к чему искать причины конфликтов в меняющемся мире, который вскоре должен измениться окончательно, и рассмотрение движущих сил конфликтов станет заботой историков. Достаточно адекватно описать новую (желаемую) реальность, изменить настоящее, согласно плану и она станет ясной, как и стратегии существования и действий в ней. Из старого мира можно взять только то, что может пригодиться или еще не умерло окончательно.

Так возникла теория «ядра и бреши».

Стратегические планы США столь же глобальны, как сам термин «глобализация». Изменение геополитической и геостратегической обстановки в мире, а также трансформация целей национальной стратегии Америки заставляет экспертов Пентагона активно разрабатывать новую геополитическую концепцию, призванную обозначить основные ориентиры США по переустройству мира в предстоящее столетие.

Эксперты Пентагона выдвигают гипотезу, что основу новой геополитической концепции составит подход, согласно которому положение США как лидера нового миропорядка во многом будет зависеть от успеха глобализации в современном мире. С момента окончания Холодной войны администрация США находилась в постоянном поиске новой теории управления миром и необходимой для ее поддержки военной стратегии. Такой инструмент создан к середине 90-х годов XX века. Разумеется, это пресловутая «глобализация», только при условии распространения которой на всю планету лидирующее положение США сохраниться.

Та часть современного мира, которая восприняла модель глобализации, предложенную США, сегодня вполне может быть управляема невоенными средствами и, прежде всего, средствами информационного манипулирования. Иная часть планеты, население которой не восприняло глобализацию, должна быть силой «колонизирована».

Ключевой парадигмой новой стратегии является тезис ***«Разобщенность представляет опасность»*** (Disconnectedness defines danger). По мнению авторов концепции, режим Саддама Хусейна был опасно удален от глобализирующегося мира, от его правил поведения, норм и связей, соединяющих страны в единый и подконтрольный США механизм. Поэтому война с Ираком никак не связана официальными предложениями к ней: с разоружением Ирака, с наличием у него ОМУ или продолжением объявленной США глобальной войны с террором.

Операция «Несокрушимая свобода» - важнейший поворотный момент истории, с которого Вашингтон начал реализацию своей новой стратегии доминирования в эпоху глобализации.

Одновременно насаждаемая и культивируемая США политика глобализации в последние годы привела к чрезвычайному расслоению мирового сообщества. С одной стороны - в высшей степени глобализированные страны Европы и Япония, а с другой – нищие государства Африки, Азии и Латинской Америки.

Будущее современного мира будет определяться теми регионами планеты, в которых глобализация уже стала неотъемлемой частью жизнедеятельности общества.

В принципе ничего нового теория не преподносит. Уместней говорить о продолжении старых тенденций новыми средствами. Парадокс прогресса, когда все новые технические средства, прежде всего военные, необходимы для сохранения политического статус-кво. Разобщенность мира существовала с начала эпохи колониализма. Для успешного завоевания, эксплуатации и удержания колоний требовались мощные флоты и хорошо вооруженные армии, средства навигации и связи.

В дальнейшем, когда система старых колоний, основанная на прямом разграблении ресурсов, стала отмирать, сложились экономики нового типа: промышленной метрополии и монокультурной колонии. Затем на первое место вышел экспорт-импорт капиталов. Сегодня - импорт ресурсов и товаров и экспорт информационных продуктов и виртуальных капиталов. Схема усложняется, прирастает надстройками благодаря прогрессу, но скелет ее неизменен.

Глобализированная часть планеты названа «функционирующим ядром» (Functioning Core). В состав Ядра сегодня включены Северная Америка, большая часть Южной Америки, Европейского союза, Россия, Япония и динамично развивающиеся экономики Азии (особенно Китай и Индия), Австралия и Новая Зеландия, а так же Южная Африка. Общая численность населения Ядра составляет около четырех миллиардов человек.

Весь остальной мир, не охваченный процессами глобализации, в соответствии с предложенным подходом обозначен как «неинтегрированная брешь» (Non-Integrating Gap), далее Брешь. Авторы называют Брешь «озоновой дырой глобализации», через которую в цивилизованный мир прорывается зло и ненависть.

Поначалу кажется, что используется «самая современная» на сегодняшний терминология, отвечающая реалиям «информационной эры»: термины программирования. Ядро программы, функциональная ее часть, совершающая основную работу и брешь – уязвимые места периферии, через которые осуществляется несанкционированный доступ хакеров и конкурентов–злоумышленников.

Но термины «зло и ненависть» заставляют обратиться к более ранним источникам: научной фантастике предыдущего полувека, с точки зрения которой «сегодня» это их фантастическое «завтра». Термины обращаются в Зло и Ненависть - метафизические, а не реальные понятия.

Звездные империи и конфедерации, цивилизующие дикий и хаотический Космос, в глубинах которого таится Зло, прорывающиеся в Мир через «черные дыры» в пространстве. Через бреши. Перед нами космогония.

Известно, что фантастика всегда в значительно большей степени оперирует мифами, чем реальностью сегодняшнего дня. В ней главное не звездолеты и бластеры (по сути, они ничем не отличаются от закованных в железо рыцарских коней и ковров-самолетов, и арбалетов и мечей–кладенцов), но новые возможности, данные в руки людей, когда фантазии можно реализовать. Осуществить «заветную мечту», т.е. миф.

Самыми смелыми и стойкими фантазиями всегда являлись религиозные мечтания. В свое время Рейган, произнося речи об «империи Зла» усыпал их цитатами из «Властелина Колец» Толкиена. В контексте западной культуры, используемые образы считывались адекватно, аудитория зримо представляла, во что превратился СССР.

Есть версия, что спич-райтеры Рейгановских речей (он произнес две немного отличающиеся друг от друга) имели в виду Империю из «Звездных войн». О***

«Властелин колец» писался четверть века, подразумевая огромную фигу в кармане – на основе европейских мифов и христианской морали создать мощное идеологически-

мифологическое оружие, способное противостоять натиску «черных сил, извергающихся с Востока».

Написание совпало со становлением и расцветом тоталитарных идеологических режимов, расползанием «коричневой чумы», со Второй Мировой Войной. Десять лет после ее окончания – распространение по миру «коммунистической заразы» и «охоты на ведьм». Несмотря на уничтожение фашизма, смерть Сталина, по мнению ревностного католика Толкиена, зла в мире не стало меньше. Мотивы, заставившие его все же издать книгу, очевидны.

Кстати, аналогичную цель и средства избрал и друг Толкина – соратник по обществу «инклингов» Люис - автор цикла «Хроники Нарнии», тоже приобретших немалую популярность.

Выход в свет и широкое распространение «Колец» действительно породил ни много, ни мало как движение хиппи, широко заимствовавших в своих лозунгах изречения Фродо и иных персонажей. Особенно привлекал «детей цветов» демонстративный отказ главного героя от кольца – высшей власти. Отказ от принятия Системы, жесткого механизма, каковым они представляли старое общество во всех его проявлениях. После «Алисы в стране чудес» «Властелин колец» стал любимейшим чтивом англоязычной интеллектуальной элиты так называемых «яцеголовых». Политологические теории, речи президентам (та же речь Рейгана, возымевшая эффект фултонской речи Черчилля) и прочие PR-акции создают не тупые солдафоны, но специалисты с университетскими дипломами. Повзрослевшие хиппи.

В концепции «Ядро-Бреши» явно проступает космогония обширного континента свободы и Мордора – отгороженного горами от всего мира царства Зла, проникнуть в который можно только горными проходами (the gap!!!), через которые в мир Средиземья «вырывалась зло и ненависть».

Все в этом мире, исполнившее свое предназначение, подвержено деградации и распаду. В России, как только «Властелин колец» был издан огромными тиражами после всплеска невиданной популярности, все быстро выродилось в толкиенисткий балаган.

На русской почве сильнейшие образы, вырванные из контекста воспринимались буквально: юноши и девушки одевались в костюмы эльфов и гномов и разыгрывали действия, более походящие на дворовые детские игры. Тогда как в 60-е хиппи протестовали против войны, упивались роком и свободой, дарованной сексом и наркотиками. Для хиппи «Властелин Кольца» был программой изменения общества на основе свободы и любви, для советских толкиенистов – экзотической игрой, способом эскапады из реального мира с его сложными проблемами и распада страны и «первоначального накопления капитала».

Нынешняя масштабная экранизация «Властелина колец» - самый дорогой проект Голливуда - часть «борьбы мифов», попытка преодолеть затянувшийся духовный кризис, стремление «анимировать» агонизирующего больного. Несмотря на все феерические спецэффекты, невероятно захватывающие батальные сцены и до невозможности красивые пейзажи вышло ужасное многочасовое занудство. С чуждыми мифами в одиночку сражается стойкий Гарри Поттер своей волшебной метлой. На выручку подтягиваются герои «Нарнии».

Итак, каков же Мордор современной геополитики?

Прежде всего, в Бреши включены острова Карибского моря, фактически вся Африка, Балканы, Кавказ, Средняя Азия, ближневосточная и Юго-Западная Азия, большая часть Юго-Восточной Азии. Население Бреши насчитывает около двух миллиардов. Большая часть из них мусульмане. Характерной особенностью населения

этой части планеты является очень молодой средний возраст и низкий доход на душу населения. Одним из наиболее радикальных и одиозных продуктов Бреши сегодня является «Аль-Каеда» – сетевая транснациональная террористическая структура.

«Основная цель начатой глобальной операции - сокращение или полное устранение Бреши, что позволит установить полный контроль США над всей территорией планеты в рамках масштабной кампании всеобщей глобализации» – комментируют эксперты Пентагона развитие масштабной антитеррористической операции вооруженных сил США.

«Истинная причина войны с Ираком не в том, что Саддам Хусейн тиран, и не в том, что его режим поддержал террористические сети, – развивают мысль упомянутые эксперты. - Реальная причина состоит в том, что складывающаяся не в пользу Америки экономическая и политическая ситуация в мире вынуждает администрацию США иметь дело со всей Брешью, как со стратегическим пространством, из которого исходит смертельная угроза самому существованию Америки».

Важным принципом новой геополитической концепции является наличие разграничительной линии между Ядром и Брешью. По мнению авторов концепции, Ядро и Брешь разделяют, так называемые, «приграничные государства». К ним отнесены: Мексика, Бразилия, Южная Африка, Марокко, Алжир, Греция, Турция, Пакистан, Таиланд, Малайзия, Филиппины и Индонезия. Линия не постоянна, она постоянно мигрирует, прежде всего, из-за наличия приграничных государств: часть стран ранее входивших в Ядро может в результате ряда событий перейти в Брешь, в то время как некоторые государства, ранее попавшие в Брешь могут предпринять усилия по выходу из нее. Однако таких прецедентов очень мало, чаще страна, вырвавшись из Бреши, не может долго удерживаться в Ядре без помощи со стороны других государств его образующих и скатывается снова в пропасть Бреши.

Ретроспективный анализ мест применения военной силы армией США с момента окончания Второй мировой войны показывает, что большая их часть была сосредоточена именно в пространстве Бреши. Поэтому, говоря о возможных регионах применения военной силы США, эксперты отмечают, следующую закономерность: если страна терпит неудачу в процессе глобализации или самоизолируется от процессов глобализации, существует большая вероятность, что США в некоторый момент примут решение о проведении в отношении нее военной операции. Наоборот, если страна в значительной степени функционирует по установленным законам глобализации, США будут использовать невоенные меры удержания контроля над такими государствами.

Главный принцип отнесения той или иной страны к Бреши, определяется следующим тезисом: ***положение страны, гарантирующее военный ответ США, обратно пропорционально ее возможностям к восприятию глобализации.*** То есть имеется серьезное обоснование тому, что «Аль-Каеда» базировалась сначала в Судане, а затем - в Афганистане. Это две из наиболее отсталых стран в мире, наименее вовлеченных в процессы глобализации.

Исходящая из основных положений новой геополитической концепции, стратегия национальной безопасности США базируется на трех основных тезисах:

- 1) увеличение иммунных способностей системы безопасности Ядра к новым угрозам;
- 2) развитие способности «приграничных государств» выполнять функции брандмауэра (пожарной стены) Ядра, способного оградить его от экспорта из Бреши террора, наркотиков, эпидемий и др.;
- 3) реализовывать комплекс мер, включая силовые, направленный на всестороннее сокращение Бреши. Реализация этих тезисов не может проходить без

постоянного и всестороннего контроля за состоянием Бреши, способным выявить зарождение любых враждебных течений, которые могут вырваться за пределы установленного барьера.

«Наилучшим местом для начала реализации выдвинутых тезисов является сегодня Ближний Восток. – заключили эксперты, - Развитие региона в направлении его единения с Ядром будет положено Израилем. Именно здесь имеется потенциал колеблющихся государств, типа Катара и Иордании стремящихся войти в Ядро».

(Как показали последние события на Ближнем Востоке: «жасминовые революции» в Тунисе, Египте и Ливии – планы успешно реализуются на основе технологий информационной войны. «Ключи» к исламскому менталитету найдены).

Однако без внешней жесткой силы переломить ситуацию в регионе достаточно сложно. Устранение Хусейна, как главного врага региона, для США стало первоочередной задачей. По словам авторов проекта, сегодня Ирак – это Югославия Средне-восточного перекрестка цивилизаций. Именно поэтому смена режима в Ираке потребует длительного присутствия в регионе американских войск.

Все точно – как в Югославии: страна искусственно сотканная после Первой мировой Войны, в регионе с богатой историей, восходящей к первым цивилизациям. Наличие титульной нации, расколотой конфессиями и национальной иноязычной окраиной – Курдистаном. «Самоизолировавшийся» режим во главе с одиозным лидером, «независимая» политика до определенного этапа построенная на заигрывании со всеми сверхдержавами. С другой стороны в мусульманском мире режим и его лидер выглядят «белой вороной».

Еще важнее – стратегическое положение Ирака и его ресурсы. Ирак – это кочерга, засунутая в самую сердцевину мусульманского мира, его географический центр. И с помощью этой «кочерги» можно разворошить весь курятник. Влиять на ситуации на Ближнем Востоке, Кавказе, Иране, Средней Азии. Но главное – в Персидском заливе. Взять под контроль не только саму иракскую нефть, которой при современных темпах добычи должно хватить на столетие, но и все углеводородные ресурсы региона. Следовательно, «выиграть войну за ресурсы».

Ирак не единственная «болевая точка». Вот список наиболее опасных регионов планеты, где наиболее вероятно применение США военной силы в ближайшем будущем: Гаити, Колумбия, Бразилия и Аргентина, бывшая Югославия, Конго и Руанда, Ангола, Южная Африка, Израиль и Палестина, Саудовская Аравия, Сомали, Иран, Афганистан, Пакистан, Северная Корея, Индонезия, Куба.

Южная Африка названа единственной страной Ядра на Африканском континенте. Однако, ее географическое положение на «пузыре» стран Бреши ведет к тому, что ЮАР сегодня является воротами для террористических сетей, ищущих доступ к Ядру.

В отношении Саудовской Аравии, авторы концепции выражают мнение, что «...менталитет королевской мафии, в конечном счете, вызовет бурю внутреннего протеста...».

И в отношении Пакистана выражается озабоченность: союзник может радикально изменить свое отношение к США с уходом нынешней администрации Белого Дома, превратившись в фундаменталистское исламское государство. Сегодня правительство этой страны не контролирует большую часть собственной территории, на которой свободно существует «Аль-Каида». Наличие ядерного оружия в этом случае делает Пакистан смертельно опасным, что уже заставило во многом пересматривать политику США в отношении него.

Следует отдать должное авторам концепции – они потрудились на славу, создав всеобъемлющую логически непротиворечивую картину современного мира. Прежде всего, она учитывает состояние современной цивилизации, успешно разводит экономические и идеологический векторы, придав последнему религиозную окраску, одновременно включая противоречие «богатые – бедные» и уходя от «золотого миллиарда» на демократическом принципе причисляя к Добру большую часть населения планеты, пристегивая положения «конфликта цивилизаций».

Отсюда же вытекает умозаключение, что теперь «борьба за ресурсы» ведется в интересах большинства человечества, следовательно, справедлива. «Мультипричинность» уступила место единой причине – Врагу рода человеческого, но политкорректность ощущается и здесь: мусульмане не основной враг, но только сильнейшие в череде врагов, среди которых есть и христиане, и буддисты, и язычники. Равно и среди «друзей» та же религиозная пестрота.

Основное ее достоинство – теория как нельзя лучше обосновывает вселенские претензии и амбиции США, равно моральное и юридическое право Америки на реализацию этих амбиций в любой точке мира под знаменами мессианства. Совершенство.

США репродуцируют старую модель биполярного мира в ее новом «полуторном» варианте. Никто не может реально противостоять военной мощи Америки, но она нуждаются в «образе врага» и могут существовать только в нравственной бинарной оппозиции «с абсолютным Злом», отводя себе роль «абсолютного Добра», тем самым, разъединяя мир на части.

Снова парадокс – для этого необходима всеобщая глобализация и сетевизация. Неразрешимое философское противоречие: нельзя одновременно быть целым и частью этого целого. Потому сознательно или не очень, тайно или явно США должны (следовательно – будут) провоцировать отторжение частей, появление новых стран изгоев и постоянно повторять ритуал экзорсизма («изгнания дьявола»). Опыт «неудачи» умиротворения Сомали тому свидетельство.

Теория не лишена позитивизма: предполагает исторический вектор – главный бой со злом выигран, угроза Апокалипсиса отведена, «империя Зла» повержена. Но «конца истории» не предвидится. Следует поскорей покончить со всеми остатками зла, искоренить его всеми возможными средствами, пока оно не окрепло, не заполучило в руки возможность вновь погубить Мир (т.е. оружие массового уничтожения).

Впрочем, есть небольшие огрехи: географическая статика, неопределенность, размытость и неконкретность образа врага. Это слишком большая цифра для «армии тьмы» - 2 миллиарда, слишком большие задачи, даже если разразится третья мировая война. Необходимы конкретные носители зла, ужасно мерзостные преступления – «деяния» этого зла. Статичная схема должна обрести динамику – «живую плоть», в болевые точки которой следует наносить удары.

И здесь возникает новый образ: «ось Зла» словно трещина на дне Бреши, протянувшаяся по миру между 40-й и 20-й параллелью Северного полушария. Примечательно, что определение «ось Зла» (причем в «вашингтонском» написании Зло именно с заглавной буквы – это мировое зло, вызывающее к мессианству немедленной борьбы с ним) появилось сразу после 11 сентября, сменив ранее существовавшую «ось ненависти», т.е. означало переход от человеческих эмоций к inferнальным. Сам акт атаки небоскребов теперь выглядел не как концентрация человеческой ненависти, но как прорыв сил мирового Зла через Брешь в Ядро. И не просто Ядро, но к его «парным хромосомам». Мифологическая картина оказалась завершенной, пора было назвать вещи своими именами.

Вызывающая позиция Северной Кореи может привести к тому, что эта страна окажется следующей из стран Брешии после Ирака, против которой будет применена сила американской армии.

Также среди возможных будущих целей американской армии выделяются Китай, России и Индия. Но судьба этих стран сегодня во многом зависит от путей, которыми они изберут в ближайшие годы и от меры их вовлеченности в процессы глобализации.

Принятие новой геополитической концепции обуславливает в последнее время выработку планов высшими кругами Пентагона по изменению размещения военных баз за пределами континентальной части США, чтобы лучше соответствовать новой модели угроз и новой геополитической концепцией, берущей за основу противостояние глобализованного Запада и не желающего глобализации Востока.

Согласно новой концепции Пентагона, новые миссии вооруженных сил США в ближайшие десятилетия включают в себя охрану так называемого «американского периметра безопасности», серьезно расширившегося в последние годы по ряду направлений. «Оборонный периметр» в Европе больше не проходит через Германию, он сильно продвинулся в восточном направлении, но еще более значительно - на юг.

Сегодня основная угроза для США в Европе продолжает исходить от неустойчивого положения на Балканах, где негативная политика Ближнего Востока начинает просачиваться в Европу: по берегам Черного моря и Средиземноморья, на восточной границе Турции. Этот периметр также определяют прибалтийские государства и страны Восточной Европы, как оберегающие Европу от поставок наркотиков, оружия и «живого товара» из республик бывшего СССР.

Однако наиболее существенно «американский периметр» расширился на Ближнем Востоке, особенно после 11 сентября 2001 года. Кроме того, по заявлению ряда экспертов, начиная с 11 сентября 2001 года само определение «Ближневосточного театра войны» существенно изменилось, включив в себя Кавказ, Среднюю Азию и значительную часть Южной Азии. Война в Афганистане привела к размещению американских войск в Узбекистане и Пакистане.

Разросся американский периметр и в Восточной Азии. В дополнение к угрозам со стороны Северной Кореи, рост Китайской мощи и влияния радикального ислама в Юго-Восточной Азии расцениваются как важнейшие угрозы безопасности Соединенным Штатам в этом регионе в течение следующего столетия.

Необходимость перемещения американских баз вызвана существенным расширением «периметра», который должен постоянно контролироваться вооруженными силами США. Даже учитывая, что американские войска сегодня развернуты больше чем в сорока странах, места долговременного базирования со времен Холодной войны не претерпели несущественных изменений. Отмечено, что сегодня новый периметр уже активно патрулируется, однако эта новая миссия все еще расценивается скорее как исключение чем новые правила.

Отстояние старых баз от театров новых войн препятствует возможности оперативного перемещения войск и их огневой поддержки. Учитывая изменение модели угроз, исходящих от надгосударственных террористических структур, базирующихся в основном на территории государств Ближнего Востока, в последнее время особенно возрос интерес американских стратегов к турецким военным базам. Прежде всего, к военно-воздушной базе «Инжирлик», сегодня играющей значительную роль в операциях против Ирака. Действия на Балканах также закончились расширением американских баз в Италии, особенно базы «Авиано».

За последние десять лет американские силы в Европе переместились на юг и в восточном направлении. Эксперты Пентагона полагают: настало время признать, что это не временное явление, а постоянное изменение и необходимо приспособлять базирование войск США. Развертывание сил вокруг Ирака было бы невозможно без авиабаз в Европе, и без безопасного морского транспортного пути через Средиземноморье к Суэцкому каналу и к Турции.

Это дает основание сделать вывод, что было бы оправдано исследовать перспективы базирования ряда американских частей в Польше, Болгарии и Румынии или в некоторых других странах в Восточной Европе, а также существенно расширить военное присутствие в Турции.

Вопрос о европейских базах не может рассматриваться в изоляции от глобального размещения американских сил. Будущее военного присутствия США в Европе должно быть увязано с длительным американским присутствием в Афганистане и Средней Азии, а также в Ираке и Персидском заливе в целом. Аналогично, американские силы в Восточной Азии не могут быть нацелены только на сдерживание Северной Кореи или Китайского удара по Тайваню, но должны иметь возможность поддерживать войну против исламского фундаментализма во всей Юго-Восточной и Южной Азии.

Заключение

Приведенный анализ показывает: Резкие изменения геополитической, экономической и идеологической структуры мира сильно повлияли на динамику, характер и формы войн и конфликтов рубежа XXI века. Существовавшие ранее и вновь выдвигаемые теории не в силах всесторонне описать и объяснить новую реальность вооруженных конфликтов. Значительная часть теорий конфликтов или изначально создана не в научных, а в пропагандистских целях. Более того, ранее претендовавшие на научный анализ теории рано или поздно начинают использоваться сторонами как орудие информационной войны.

Потому всякое «строго научное» объяснение конфликта стоит воспринимать критически и с большой осторожностью, поскольку велика вероятность манипуляции общественным мнением в угоду различным конфликтным интересам.